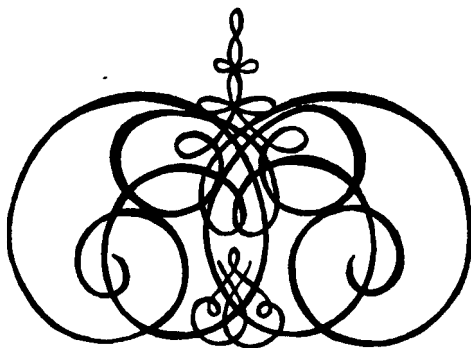

Особенности рифмы и созвучий у К.Ф. Рылеева

© И. Б. СЕРЕБРЯНАЯ,
кандидат филологических наук

Широко известна и по сей день любима русским народом раздольная героическая песня-баллада о Ермаке, посвященная легендарному казачьему атаману XVI века Ермаку Тимофеевичу.

В современных песенных сборниках она нередко характеризуется как народная. Однако у этой песни есть автор – поэт Кондратий Федорович Рылеев, один из наиболее деятельных и активных участников декабристского восстания 1825 года, объявленный государственным преступником и казненный в числе пяти декабристов 13 июля 1826 года.

Придя в литературу в начале 20-х годов XIX века (наиболее зрелые его произведения созданы в 1823–1825 годы), Рылеев не смог реализовать многие свои творческие замыслы, его произведения долгое время были запрещены. Но успел поэт немало: его перу принадлежит сборник “Думы”, который состоит из двадцати пяти исторических баллад и содержит целую галерею образов виднейших русских деятелей X–XVIII веков, начиная с Вещего Олега и кончая Г.Р. Державиным, большая романтическая поэма “Войнаровский”, получившая высокую оценку А.С. Пушкина, около двухсот стихотворений...

Литература была для Рылеева прежде всего формой распространения высоких идей свободы, равенства и братства, и это свое представление о назначении поэзии он не раз подчеркивал, утверждая: “Я не Поэт, а Гражданин!”, в связи с чем Пушкин, всегда дружески к нему относившийся, добродушно подшучивал над ним в 1825 году: “Говорят, что в стихах – стихи не главное. Что же главное? проза?” [1]. Однако все это несколько не умаляет художественных достоинств

рылеевских произведений. Он был и остается для нас большим, самобытным поэтом, который, по выражению Пушкина, “шел своею дорогою”.

Рылеев разделял взгляды на литературу и язык писателей-декабристов А.А. Бестужева-Марлинского, Ф.Н. Глинки, В.К. Кюхельбекера, П.А. Катенина, С.И. Муравьева-Апостола, А.И. Одоевского, В.Ф. Раевского и др. Они отстаивали идеи национальной самобытности русской литературы и языка, источник развития которых видели в фольклоре и старинной книжной языковой культуре. “Избрав целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков” [2], декабристы широко обращались к средствам древнерусского и церковнославянского языков, стремясь избегать витиеватости и добиваться безыскусности слога.

Таково стихотворение “Смерть Ермака” (1821), ставшее народной песней. Оно входило в рылеевский сборник “Думы”. Завораживает напевность, ритмическая структура баллады, напоминающая мерный шум волн, набегающих на берег. Четкость кольцевой композиции, замкнутость каждой из десяти строф, представляющих собой классические октавы, завершенность всех стихов, отсутствие переносов, точная рифма – все это, наряду с необычайной взволнованностью, пылкостью и искренностью изложения, делает “Смерть Ермака” подлинно художественным произведением. В отличие от многих других произведений Рылеева, в которых нередко такие архаичные языковые элементы, как *вотще* (напрасно), *седый* (седой), *ловитва* (охота), *дщерь* (дочь), *выя* (шея), в балладе преобладают нейтральные в стилистическом отношении языковые средства. К старинной народно-поэтической традиции восходят эпитеты *ярый* (“злой, лютый”: *бороться с ярою волною*) и *медяный* (“сделанный из меди”: *в броне медяной озарился*). Фонетически маркированных старославянизмов типа *брег*, *глас*, *злато* очень немного. Из грамматической архаики отметим две старые формы дееспричастий настоящего времени *бия* и *зря*, которые, впрочем, не были редкостью в языке первой половины XIX века [3].

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны. <...>
Ермак воспрянул ото сна
И, гибель *зря*, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны.

(Курсив здесь и далее наш. – И.С.)

В этих двух строфах также обращает на себя внимание дважды повторяющаяся рифма *волны–челны*, отражающая явление так называ-

емого фонетического перехода ударного [е] в [о]. Как известно, одним из характерных признаков “высокого”, церковнославянского произношения стихов было отсутствие перехода [е] в [о] под ударением после мягкого согласного перед твердым, к примеру, в поэзии XVIII века слово *рев* произносилось с [е] и рифмовалось не с *кров*, а с *напев*. В этом отношении эпоха первой половины XIX века была переходной, то есть в поэзии этого периода встречались как архаические рифмы типа *свет–полет*, с сохранением ударного [е] перед твердым согласным, так и рифмы, отражающие живое произношение, типа *бок–далёк*, причем древнецерковнославянское произношение постепенно заменялось новым.

Как старые, так и новые рифмы встречаем у И.А. Крылова, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, у раннего Тютчева. Активно пользуется рифмами с [е] в ранних своих произведениях Пушкин, позже решительно заменяя их новыми. Однако уже в поэме “Руслан и Людмила” нередко рифмы, предполагающие чтение [о], и одна из них даже оказалась в центре литературно-критических баталий. Речь идет о рифме *языком–копиём*, которая вызвала негодование критики в связи с тем, что живое произношение проникло здесь в церковнославянское.

Проследим, как представлено явление перехода [е] в [о] в поэзии К.Ф. Рылеева, который, как и все поэты-декабристы, свободно пользовался средствами церковнославянского языка. В думе “Смерть Ермака”, наряду с уже отмеченной рифмой, находим рифму со старинным произношением *презренный–окруженный*: “Страшась вступить с героем в бой, Кучум к шатрам, как тать *презренный*, Прокрался тайною тропой, Татар толпами *окруженный*”. Следовательно, в одном и том же стихотворении сочетаются два разных типа рифмовки. И такой случай у Рылеева не единственный. К примеру, в думе “Дмитрий Самозванец” (1821 или 1822) совмещены в одной строфе архаичная рифма *сокровенный–потаенной* и *народ–стережёт*. Или в наброске стихотворного перевода 1822 года рядом с рифмой *мёд–плод* наблюдаем созвучие *оживленна–благословенна*. В связи с этим может сложиться впечатление, что рифмы на [е] и на [о] в произведениях Рылеева употребляются бессистемно, всецело определяясь требованиями версификации. Однако это не так. Анализ рылеевского поэтического наследия свидетельствует о весьма осмысленном его отношении к тому или иному типу произношения стихов.

Прежде всего следует отметить стилистическую обусловленность рифмовки. Архаичные рифмы типа *еще–воище*, *сие–мое*, *мертвый–жертвой*, *пленный–дерзновенный* характерны для стихотворений торжественного, патетического содержания. Напротив, рифмы типа *ручеечки–кочки*, *конём–козаком*, *чёрной–проворной* и т.п. встречаются в произведениях нейтральных или разговорных по стилистической отнесенно-

сти. Сравним: “Что вижу я? на сих берегах, – Он рек, – для севера священный Державина ль почует прах В обители уединенной?” (дума “Державин”, 1822), но: “Несется ночь... и вот *зарю* Занялся сумрачный восток, Сильней зашевелил *траву* Передрабасветный *ветерок*; Уж погасает *огонёк* И ввется тонкою *струёю* Во мгле रहेющий *дымок*” (“Гайдамак”, 1824–1825).

С другой стороны в произведениях Рылеева достаточно четко проявляется морфологическая дифференциация рифм спроизношением ударного [е] или [о]: полные страдательные причастия прошедшего времени с суффиксом *-ени*- весьма последовательно сохраняют в рифмах архаичное звучание. И это не индивидуальная особенность Рылеева, а широко распространенная черта поэтического языка первой половины XIX века. Рифмы типа *благословенный–оживленный* были характерны для В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского и многих других поэтов. Однако Рылеев, в отличие от большинства авторов, у которых все же встречались рифмы типа *уединённый–сонный*, использует в этой категории слов только архаичные рифмы на [е]: *обреченный–несравненной; драгоценной–раскаленной* и т.п.

Напротив, в кратких формах страдательных причастий прошедшего времени, употреблявшихся только предикативно, Рылеев использует исключительно рифмовку на [о]: *лишён, напоён, награждён* и т.п. Излюбленными его рифмами являются созвучия типа *омрачён–он, завлечён–он, отомщён–он* и т.п. Например: “Какой-то думой *омрачён*, Младый певец бродил в ограде, Но вдруг остановился *он*, И заблестал огонь во взгляде” (“Державин”); “Как громом неба *поражён*, Стоит Владимир и трепещет, То в ужасе на сына *он*, То на Рогнеду взоры мечет” (“Рогнеда”, 1821). Любопытно, что исследователи творчества Пушкина, отмечая у него в этой категории слов преобладание рифм на [о], все же фиксируют в его произведениях отдельные случаи рифмовки на [е]; в языке же поэтов предшествующего поколения, например у К.Н. Батюшкова, традиционные рифмы на [е] превалировали: *вознесен–измен, оживлен–тлен* и т.п. у Рылеева же здесь единственно возможны рифмы на [о].

Таким образом, полные и краткие страдательные причастия прошедшего времени в поэтическом языке Рылеева противопоставлены по отношению к процессу перехода [е] в [о].

В других частях речи мы не наблюдаем у него столь четкой картины. И существительные, и прилагательные, и глаголы возможны в его стихотворениях как в рифмах с архаичным, так и с живым произношением. При этом имена прилагательные, уподобляясь в данном случае полным страдательным причастиям прошедшего времени, значительно чаще рифмуются на [е], чем на [о]: рифмы типа *безнадежной–мятежной, мертвый–жертвой* отмечены в семи случаях, а риф-

мы на [о] – лишь в двух, причем в одном из примеров прилагательное выступает в краткой форме: *твёрд–горд* (дума “Волынский”, 1821); *чёрной–проворный* (“Войнаровский”, 1823–1824).

Что же касается имен существительных и глаголов, то здесь, напротив, наиболее частотны рифмы на [о]. Так, на четырнадцать случаев рифм типа *придёт–год*, *навлёт–жесток*, *умрёт–крестом* и т.п. приходится шесть примеров типа *приобрел–дел*, *растет–предмет*, причем три из них – в ранних, во многом подражательных произведениях, написанных еще в пору пребывания поэта в Первом кадетском корпусе. Материал, связанный с существительными, обильнее: двадцать два примера, отражающих переход [е] в [о]: *копёт–вороном*, *василёк–восток*, *лёд–народ* и т.п.

И еще одна любопытная тенденция, связанная с явлением перехода ударного [е] в [о] обусловлена особенностями рифмы в его произведениях, которая была для Рылеева не только звуковым и композиционным, но и важным смысловым элементом стиха. Некоторые рылеевские рифмы на удивление осмысленны и символичны, например: *угнетенный–презренный*, *разъяренный–надменный*, *потенный–сокровенный*, *придёт–год*, *ведёт–народ*, *вознёс–Христос*, *зарёю–младою* и др. Важно подчеркнуть, что многие рифмы, встречающиеся у Рылеева, были традиционными в гражданской и, в частности, декабристской поэзии первой половины XIX века. Так, рифмы на [о] (*волны–чёлны*, *стезёю–рукою*, *зарёю–младою*, *обречён–он*, *стережёт–народ* и др.) характерны для Ф.Н. Глинки, В.Ф. Раевского, В.К. Кюхельбекера, А.И. Одоевского. Рифмы на [е] (*безнадежный–нежный*, *надежный–мятежный*, *полет–лет*, *слезы–железы*) использовали Пушкин, А.А. Бестужев-Марлинский, П.А. Катенин, В.Ф. Раевский, В.К. Кюхельбекер.

Особенно показательна в этом отношении рифма *слезы–железы*, излюбленная у Рылеева: “За кровь пролитую, за *слезы* И жен, и старцев, и сирот, За все – и за сии *железы* Тебя мое отмщенье ждёт” (“Богдан Хмельницкий”, 1821): “О, долго ли будешь, стояна, лить *слезы*? – Рекла она нежно. – Печали забудь! Быть может, расторгнешь сии ты *железы*: Надежда лелеет и узников груди!” (“Глинский”, 1822). Приведем также пример из пушкинской оды “Вольность”: “Увы, куда ни брошу взор – Везде бичи, везде *железы*, Законов гибельный позор, Неволы немощные *слезы*. Слово *слезы* с архаичным произношением ударного [е] рифмуется с *железы* – оковы, кандалы; ножные, ручные цепи. Однако, входя в состав другой, традиционно сентименталистской рифмы со словом *розы* существительное *слезы* изменяет старинное произношение на новое. Например: “Рогнеды вид покойней стал, В очах остановились *слёзы*. Но в них какой-то огонь сверкал, И на щеках пылали *розы*” (“Рогнеда”, 1821–1822).

Исследователи не раз указывали на такое характерное для гражданской поэзии XIX века явление, так “слова-сигналы”, или слова-

символы”, назначение которых – установление прочных взаимоотношений между поэтом и читателем-единомышленником, создание вольнолюбивых ассоциаций. Этим словам соответствовали и устойчивые орфоэпические особенности рифмовки.

Литература

1. Рылеев К.Ф. Сочинения. М., 1988. С. 10.
2. Горшков А.И. Все богатство, сила и гибкость нашего языка. М., 1993. С. 50.
3. Булаховский Л.А. Русский литературный язык второй половины XIX в. М., 1954. С. 129.

Казань

Человек и природа в лирике Ф.И. Тютчева

© Н. А. ГУРИНЕНКО

Одна из центральных тем лирики Тютчева – взаимодействие человека и природы [1]. Особенно отчетливо в его стихотворениях прослеживается такой аспект этого взаимодействия, когда определенные качества, свойства, признаки человека переносятся на те или иные явления природы. Во многих стихотворениях поэта природе приписывается семантический признак “лицо”. В рамках этой тематической сферы можно выделить несколько групп.

1. Термины родства.

Основу этой группы составляют слова, обозначающие самых близких родственников: *мать* (как метафорическое обозначение природы) и *сын* (как обозначение человека по отношению к природе). Понятие *природа-мать*, возникшее в натурфилософии XVIII века [2] и развитое пантеистами XIX столетия, прочно вошло в лирику Тютчева уже на раннем этапе его творчества. Представление о человеке как о сыне природы согласуется с пантеистическим учением и подтверждает мысль об их тесной, более того – родственной, кровной связи.

Стихотворений, в которых лексемы *мать* и *сын* встречаются в этом значении, в поэзии Тютчева немало: “Вы книгу *Матери-природы* Читали ясно, без очков!..” (“А.Н. Муравьеву”); “...природа пир дает *сынам*” (“Весеннее приветствие стихотворцам”); “Нет, моего к тебе при- страстья Я скрыть не в силах, *мать-Земля*... Духов бесплотных сла- дострастья, Твой *верный сын*, не жажду я...” (“Нет, моего к тебе при- страстья...”); “Судеб посланник роковой... *сынов Земли* из жизни вызывает...” (“*Mal'aria*”). (Курсив здесь и далее наш. – Н.А.).

На основании этих примеров можно заметить, что в одних случаях человек именуется *сыном природы*, в других – *сыном Земли*. Понятия *природы* и *Земли* для Тютчева не совсем тождественны. Объем пер- вого из них шире, поэтому, причисляя человека к потомству природы, Тютчев имеет в виду прежде всего его причастность к мирозданию в целом, называя же человека *сыном* (притом *верным сыном*) *Земли*, поэт подчеркивает земную основу человеческого существования и как бы сужает сферу его бытия.

Иногда лексемы с общим значением “ребенок” употребляются по отношению к явлениям природы. Зима, “снегу захватя, Пустила, убе- гая, В прекрасное *дитя*...” (“Зима недаром злится...”); “Одеянный блистательный зарею, Пронзив эфирных стран белеющийся свод, Слетает с урны роковой Младый *сын Солнца* – Новый год!..” (“На новый 1816 год”).

Такое словоупотребление обусловлено, очевидно, семантикой о- граниченной продолжительности существования того или иного явле- ния природы, что соотносимо с возрастом человека: в первом стихо- творении речь идет о постепенно вступающей в свои права весне, во втором – о только что наступившей новом годе.

2. Названия лиц по характеру отношений друг к другу (при отсут- ствии родственной связи между ними).

К этой группе можно отнести слова с противоположным значени- ем *друг* – *враг*. Так, *друг* выступает в качестве компонента метафори- ческого обозначения *дня* в стихотворении “День и ночь”: “*День* – сей блистательный покров – *День*, земнородных оживленье, Души боля- щей исцеленье, *Друг* человеков и богов!”

Заложенная в слове *друг* семантика близости отношений, основан- ных на взаимной симпатии и доверии, доброжелательности, положи- тельная эмоционально-оценочная окраска, присущая этому слову, проявляется особенно отчетливо вследствие контраста с противопо- ложным образом данного стихотворения – *ночи*, пугающей человека своей *роковой бездной*.

Лексема с противоположным значением (*враг*) представлена в сти- хотворении “Зима недаром злится...”: “Весне и горя мало: Умылася в снегу И лишь румяней стала Наперекор *врагу*”.

Такое словоупотребление обусловлено контекстом, который рас-

крывает противостояние, “борьбу” двух совершенно противоположных по своим свойствам, а следовательно, *враждебных* друг другу времен года – зимы и весны.

3. Названия лиц, облеченных властью.

“Где ж *огонь*, злой истребитель, Полномочный *властелин*?” (“Пожары”); “Властью некой обаянны <...> Дремлют, грозны и туманны, Словно падшие цари!..” (“Альпы”).

Наряду с образным определением *природы* как *матери* в натурфилософии XVIII века утвердилось другое ее определение – *природа-владычица* [3]. Признавая природу “великой”, поэт видит и отрицательную сторону ее власти (или отдельных ее стихийных проявлений), как в стихотворении “Пожары”) над человеком. В некоторых случаях власть предстает ослабшей или утраченной, о чем свидетельствует, например, компонент сравнительного оборота в стихотворении “Альпы” – определение *падшие* цари, указывающее на утрату (возможно, временную – до наступления рассвета) Альпами их “царственности”, так как они сами находятся в чьей-то власти, которая более могущественна, нежели их собственная (можно предположить, что это власть сна).

4. Названия лиц по роду службы.

«Воды <...> гласят во все концы: “Мы молодой Весны *гонцы*, Она нас выслала вперед!”» (“Весенние воды”); “Ты ль это, Неман величайший?” <...> Ты, столько лет, с такою славой, России верный *часовой*?..” (“Неман”).

В первом из приведенных фрагментов при помощи слова *гонцы* актуализируется такой компонент значения, как “движение в различных направлениях с целью выполнения определенного поручения, характерное только для человека”.

Во втором фрагменте, напротив, реализуется значение постоянства пребывания в определенном месте (Неман – *часовой*), а также охраны и защиты определенной территории (в данном случае – России).

Объединяет эти лексемы значение подчиненного положения характеризующих объектов природы и выполнения ими конкретных обязанностей.

5. Названия лиц, обладающих сверхъестественными способностями.

“*Чародейкою* *Зимой* Околдован, лес стоит...” (“Чародейкою *Зимой*...”); “Я вновь на Север увлечен <...> *И холод, чародей* всесильный, Один здесь царствует вполне” (“Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...”); “О Север, *Север-чародей*, Иль я тобою околдован?” (“Глядел я, стоя над Невою...”); “Взбесилась *ведьма* злая [*Зима*] и, снегу захватя, Пустила, убегая, В прекрасное дитя...” (“Зима недаром злится...”).

В этих стихотворениях магическими свойствами наделены *чародеи* Зима и Север – в противоположность “блаженному” Югу. Возможно,

это обусловлено тем, что поэт, проживший двадцать лет за границей, во время своих визитов в Россию, в частности в северную столицу, особенно остро ощущал притяжение Севера, его магические *чары*.

В рассмотренных стихотворениях ярко выражена “человеческая” сущность природы, т.е. она предстает как единое одухотворенное целое, как одушевленный организм.

Литература

1. *Петрова И.В.* Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Литературное наследство. Т. 91. Кн. 1. М., 1988. С. 41.
2. *Шайтанов И.О.* Федор Иванович Тютчев: поэтическое открытие природы. М., 1998. С. 119.
3. Там же.

Растения и страсти в сказке В. Гаршина “Attalea princeps”

© А. В. СТЕПАНОВ,
доктор филологических наук

Любое произведение русской классической литературы непременно находится в русле истории литературного языка. В сказке В.М. Гаршина (1855–1888) “Attalea princeps” нет ни церковнославянизмов, ни просторечия, разве что экспрессивно сниженный русизм с татарской этимологией: “отрежут твою большую башку” (ср. у Пушкина: “иль башку с широких плеч у татарина отсечь”), редкие словоформы субъективной оценки: “соседушка” – обращение наподобие крыловского.

Может, вообще в сказке русский язык исторически абстрактен? Этот вопрос заставляет обратиться – в логике анализа – к категории стиля с вполне исторически конкретной и весьма выразительной маркировкой – прежде всего по части предметной ниши стиля, историко-литературного и функционального, причем (в основном) в их прямых корреляциях.

Сказка Гаршина была написана в 1879 году, увидела свет в 1880-м в первом номере журнала “Русское богатство”. В 1878 году вышла “Жизнь растения” К.А. Тимирязева – цикл прочитанных в Политехническом музее общедоступных лекций: “Растение немо, оно не отвечает нам, так мы заставляем его писать; оно не может говорить – так мы заставляем его звонить”.

Антропоморфизм в духе поэтического озарения Баратынского: “слышать травы прозябанье”. По Тимирязеву, “наиболее выдающаяся черта в жизни растения заключается в том, что оно растет, на это указывает само название его <...> Явление роста состоит в размножении клеток”.

Гаршинская пальма “принялась расти”: “На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений...”. Но “рост доставлял

ей только одно горе...". И хоть, по заключению современника писателя, почвовед В.В. Докучаева, "в природе нет ни зла ни добра", у Гаршина "другие растения не любили ее, завидовали ей и считали гордою".

"*Attalea princeps*" – не трактат из дендрологии – науки о деревьях или из ботаники. Это "трактат"... о страстях. – "Зачем вы ссоритесь, – сказала *Attalea* <...> Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздражением."

Саговая пальма, корица, древовидный папоротник – "если бы они могли двигаться, то непременно бы подрались".

Что это за парадигма: *страсти – растение*?

В.В. Докучаев еще надеялся усмотреть в мире природы закон *содружества, любви*.

И у Гаршина: "Только одна маленькая травка не обиделась ее [пальмы] речами <...> маленькая и вялая травка. Она могла только еще нежнее обвиться около ствола *Attalea* и и прошептать ей свою любовь и желание счастья в попытке" – выйти на свободу.

"– Только прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!"

"Травка" невзрачна: "бледненькая, ползучая, с вялыми толстенькими листьями".

"Добродетели неравенства не знают" – исходный в русской литературе постулат сентименталистского стиля. Со второй половины XIX века он снова набирает силу у писателей, адвокатов, художников-передвижников за счет апелляций к его аксиологической святости – сердцу.

"...Тоненькая в вершок зеленая травка, а от этой травинки в полной зависимости огромный мужик с бородой, с могучими руками и быстрыми ногами... И этот человек в полной власти у этой тоненькой травинки", – цитата из Глеба Успенского – "Власть земли", цикл очерков 1882-го года издания. "Травка" – заглавие для пасхального рассказа А. Куприна: "Такая зелененькая, нежная травка... Надо любить... растения... в этом красота жизни". В начале XX века травка появится и в "Хаджи-Мурате" Л. Толстого: "...ни одной травки – все было черно".

В "предметных нишах" стилей наметились большие сдвиги.

Парадигма-оксиморон *страсти – растение* вполне доступна филологическому декодированию: известно, где люди – там и страсти. А где... растения? Тоже – в условиях антропоморфизма!

Вслед за фактом переведения И.М. Сеченовым страстей в рефлекс, отчасти лишившие первых свойственного им обольстительно-поэтического нимба, возникла парадигма: евангелической любви и ... борьбы за существование. Страсти уступили позицию дарвиновской "внутривидовой борьбе". В 1878 году увидела свет "Анна Каренина".

“Да, о чем я последнем так хорошо думала? <...> Борьба за существование и ненависть – одно что связывает людей... Разве мы не брошены на свет затем только, чтобы ненавидеть друг друга и потому мучить себя и других?”

На “борьбу за существование” Анну вывел глагол “вот мы и боремся” в речи Яшвина, приятеля Вронского, выигравшего у Певцова шестьдесят тысяч, которые заплатить тот никак не сможет.

И у Гаршина “маленькая травка следила за борьбой”:

– Скажите мне, неужели вам не больно? <...>

– Больно? Что значит больно, когда я *хочу* выйти на свободу <...>

– Мне жаль вас. Вы так страдаете.

– Молчи, слабое растение! Не жалей меня! Я умру или освобожусь!”

На горизонте будто “Лес” Островского с театрально-трагическими репризами и репликами актера-трагика Несчастливцева.

Боль, страдания – в природе подвига (это, кстати, получит объяснение в произведении конца XX века – в “Пирамиде” Л. Леонова).

Подвиг есть также разновидность “борьбы за существование”.

– ...Вы так велики и сильны! Ваш ствол тверд <...> Вы пробьете ее и выйдете на божий свет.

– Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мной? Мой ствол тверд и крепок <...>

– Нет уж, куда мне!.. Нет, я вам не товарищ. Растите, будьте счастливы...”

Аналоги – ряд крушений и разочарований в просвещенном обществе России 70-х – 80-х годов XIX века, которые болезненно переживал Гаршин.

Итак, в основе стилистики и поэтики гаршинской *сказки* (это слово было в подзаголовке к первому ее изданию) понятие стиля, объемное, колеблемое, недискретное, т.е. плавно переходящее от денотата к денотату (в пределах его предметной ниши).

Сентименталистский стиль окольцован романтическим.

В истории взаимоотношений языка художественных произведений с историей русского литературного языка происходила флуктуация волн: стилевых – с их преломлением (рефракцией) на манер световых (оптика стиля, зрительная стилистика: “черный диск солнца”, преобладание стилевого зйдоса (сентименталистского, романтического, риторического). Спектральный анализ стиля.

Наивная поэтика, простодушная (по синтаксису и лексике) стилистика – с самого зачина: “В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду – огромная оранжерея из железа и стекла. Она была очень красива!..”

Сказка (с намеком на сакраментальное жил-был), но не народная, а под европейскую – скорее, под Андерсена.

Это сказ, но без его игры, без прихотливых интонаций.

Будто оперное либретто: за каждой строкой следует ария или ариозо; *директор* – баритон, *бразильянец* – тенор, *пальма* – контральто, *травка* – альт.

Известно, что извлечение из художественных произведений лексики и фразеологии, коротких или осложненно-длинных предложений не сулит эвристике приобретений по части проникновения в стиль. Однако вспомним одну максиму писателя-академика К. Федина: “Язык – король на шахматной доске стиля”.

Стилистика и поэтика сказки Гаршина местоименна. В ней “ударение чувством” (выражение М.А. Чехова) прослеживается, например, и на местоимениях, как это происходит у Достоевского или Г. Успенского.

“Директор, сидевший в будочке, называл *ее* по-латыни, Attalea. Но это имя не было *ее* родным именем: *его* придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали, и *оно* не было написано сажей на белой дощечке, прибитой к стволу пальмы...”

– А! сказал *он*, – я знаю это дерево. – И *он* назвал *его* родным именем.

<...> Она была одна, она лучше всех помнила свое родное небо и больше всех тосковала о нем...” (Курсив наш. – А.С.). Так похоже на “толпу местоимений”, отмеченную Фединым в рассказе Л. Толстого “Дьявол”: “С какого прелестью рисовало ему *ее* его воображение!”

Роскошная местоименность! Вместе с тем дейктичны, т.е. местоименно-указательны, и другие слова и словосочетания, простые предложения: “Корни переплетались между собою <...> Ветви деревьев мешались с огромными листьями пальмы <...> Садовники постоянно обрезали ветви, подвязывали проволоками листья”; “Иногда, зимой, стекла обмерзали”; “Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, теплый и влажный...”.

Сказка – но не русская и тем более не народная. В ее предметной нише нет ни одного растения из российской флоры. В оранжерее не было русских растений – одни только “уроженцы жарких стран”.

В “Attalea princeps” нет *языка*, т.е. лексики разговорной, просторечной, диалектной, зато есть *стиль* конструкций, и каждая образна не словами, не словосочетаниями, не определениями, а намеками, ассоциациями:

«Посыпались и зазвенели осколки стекол. Один из них ударил в шляпу директора, выходявшего из оранжереи.

– Что это такое? – вскрикнул он <...>

Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зеленая корона пальмы <...> Угрюмо смотрели деревья [сосны да ели] на пальму. “Замерзнешь! – как будто говорили они ей”».

Глагол принято считать конструктивно-динамическим элементом фразы, вспомним пушкинский принцип “нагой простоты” в прозе.

У Гаршина даже императивный глагол описателен, будто в роли эпитета. Парадокс?

“Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напайте на рамы и стекла...”

Мы предполагаем, что основополагающим стилем для “Жизни растения” Тимирязева был все-таки сентименталистский, историко-литературный, а не функционально-научный. В научных произведениях образа автора не бывает. Наше доказательство в пользу сентименталистского – детерминация субъектов литературы: *жизнь* и *растение*, принадлежащих главному субъекту русской жизни – крестьянину и хлебному злаку.

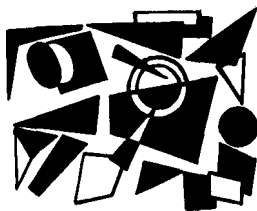
Так “Жизнь растения” из оксиморона преобразуется в тождество с аксиологической опорой: *сердца – Натуры* (в карамзинской редакции).

“...Нигде он не бывал счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею...”

Известно, что Салтыков-Щедрин отказал В. Гаршину в печатании в “Отечественных записках” этой сказки. Его можно понять: Щедрин печатал в то время “Письма из деревни” А.Н. Энгельгардта, проникнутые экономическим, психологическим и нравственным “русским духом”: не оранжерея, а российские кусты Смоленщины – для выкорчевывания.

Теперь мы смотрим иначе. Сказка Гаршина по виду, действительно, будто переводная...

Но по сути, в ней – равнинная русская тоска по высотам...

Актуальность окказионализмов В.В. Маяковского

© А. Ю. АСТАФЬЕВ

Окказиональные новообразования Владимира Маяковского интересны не только своим строением, экспрессивной окраской, но и, несмотря на прошедшие десятилетия, постоянной актуальностью. Проблемы современности, поднятые поэтом на страницах его произведений и отраженные в окказионализмах, увы, не только не потеряли своей злободневности, а, напротив, еще острее встали перед обществом.

Пока *выкипячивают*, рифмами пиликая,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится *безъязыкая* –
ей нечем кричать и разговаривать.
 (“Облако в штанах” [1].

Курсив здесь и далее наш. – А.А.)

Окказиональное прилагательное *безъязыкая* (т.е. лишенная речи) характеризует массовую безграмотность населения, в то время как *некоторые личности* (речь идет о поэтах) “выкипячивают... из любвей и соловьев какое-то варево”. Слова, характеризующие таких поэтов, несут иронически-уничтожительную окраску: они “...ходят, *размозолев* от брожения”, их воображение сравнивается с воблой: “тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения...”. Бездарность в поэзии как проблема отмечена и в стихотворении “О поэтах”, где окказиональные образования обличают *меланхолическую нудь*. Об этом же свидетельствуют слова *зарифмоплесть, заталмудится, перевечнится*.

Тема взяточничества, не менее актуальная и сейчас, звучит в стихотворении “Внимательное отношение к взяточникам”:

Прихожу и *выплакиваю* все мои просьбы,
приникши щекою к светлому кителю.
Думает чиновник: “Эх, удалось бы!
Этак на двести птичку *вытелю*”.

Глагольные окказионализмы *выплакиваю* и *вытелю* играют в тексте важную роль: первый характеризует способ общения просителя с чиновником – он именно *выплакивает* свой вопрос, то есть слезно просит. Выразительность слову придают префикс *вы-* и суффикс *-ива-*. Глагол *вытелю* близок к *выжму* и ясно выражает отношение к посетителю: желание получить от него взятку.

Проблема взяточничества тесно связана с проблемой бюрократии:

Согнулись над кипами,
расселись в ряд,
щеголяют выкладками,
цифрами *пецрят*.
(“Бюрократиада”)

Название стихотворения указывает на значимость темы, это передается с помощью присоединения к существительному *бюрократ* суффикса *-иад-* (по аналогии с *Илиада*). Слово *пецрят*, напротив, необычно не присоединением к корню аффикса, а отсутствием префикса *ис-* (мы привыкли к глаголу *испецрять* в значении “усеивать, покрывать чем-нибудь (мелкими пятнами, надписями)” [2]).

Слово *прозаседавшиеся* – наверное, самый известный окказионализм Маяковского. В одноименном стихотворении оно выступает синонимом понятию *бюрократы*. В “Прозаседавшихся” девять однокоренных слов: *заседания, заседать, заседают* и т.п. Обыгрываются и нелепые названия учреждений, в основе которых лежат подчас непроизносимые сложные слова и аббревиатуры. Это не только различные *глав, ком, полит, просвет*, но и *объединение Тео и Гукона*, а самый показательный пример – соединение букв алфавита в бессмысленную аббревиатуру (*А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома*).

Проявления асоциального поведения осуждаются поэтом в стихотворениях “Хулиган” и “Хулиганщина”. Слово *хулиганщина* создано с помощью характерного для поэта суффикса *-щин-* (ср. *обывательщина, обыденщина* и т.п.). Маяковский переносит мысль с субъекта (*хулиган*) на целое явление (*хулиганщина*). Рассуждая о ее проявлениях, он упоминает *целые небоскребы стоэтажного мата, мускулья пружины, кулак – четыре кило*. Поэт отмечает тот факт, что за хулиганство предусмотрено слишком слабое наказание:

И припаяет судья
(сердобольно)
“4 месяца”.
Довольно!
(“Хулиган”)

Окказиональные новообразования *изоранные, матовым, муску-
ля* усиливают негативное впечатление и придают строкам живость и
выразительность.

Методом борьбы с хулиганством Маяковский считает публичное
порицание:

...и раструбить в молве *многогласой*,
чтоб на лбу горело клеймо:
“Выродок рабочего класса”.

(“Хулиган”)

Прилагательное *многогласой* характеризует самый действенный,
по мнению поэта, вид наказания – народный суд.

Особенно актуально звучат окказионализмы в строках, направ-
ленных против неоправданно большого количества иностранных слов
в газетах. Обыгрывая в стихотворении «О “фиасках”, “апогеях” и дру-
гих неведомых вещах» несклоняемое слово *фиаско*, он намеренно из-
меняет его (“что это за фиаска”, “из-за этой фиаски”, “с фиаской вос-
тро держи ухо”) и даже одушевляет (“его называли – Господином Фи-
аской”).

Обозначенные проблемы живут и в современном мире. Вот только
Маяковского нет, чтобы “во весь голос” говорить о них в стихах.

Литература

1. Маяковский В.В. Собр. соч.: В 2-х т. М., 1988.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 253.

дер. Лукино,
Серпуховского р-на,
Моск. обл.

Лексика казачьей службы в “Тихом Доне”

© О. А. ДАВЫДОВА,
кандидат филологических наук

Создавая казачий эпос “Тихий Дон”, Михаил Александрович Шолохов хотел познакомить читателей с особым народом – казаками. Слово *казак* является многозначным [1]. Его основное значение – представитель военно-земледельческого сословия – уроженец войсковых областей (области Войска Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского и др.), обязанный нести военную службу на своем коне со своим снаряжением за льготное пользование землей и самоуправление территориями.

Одним из основных занятий для казака была служба. Это хорошо показано в романе М. Шолохова “Тихий Дон” [2]. Именно о службе мысли Григория Мелехова после ухода из дома: «Шли в полусне думы гладко и ровно, как баркас по течению, и вдруг натыкались на что-то, будто на мель; муторно становилось, не по себе; ворочался, бился в догадках: “Что же? Что такое поперек дороги?” А утром проснулся и вспомнил: “Служба! Куда же мы пойдем с Аксюткой? Весной – в лагерь, а осенью на службу... Вот она зацепала» (Тихий Дон. 2, X. Далее арабской цифрой обозначена часть, римской – глава; курсив здесь и далее наш. – О.Д.).

Помимо службы другим определяющим жизнь казака понятием была земля. Казак не может не пойти на службу и не может оставить свою землю, об этом говорит Григорий Аксинья в эпизоде, когда она уговаривает его убежать из хутора на шахту: “Ну, куда я пойду от хозяйства? Опять же на службу мне на этот год. Не годится дело... От земли никуда не тронусь. Тут степь, дыхнуть есть чем, а там?” (Тихий Дон. 1, XII).

Даже возраст казака определялся по году присяги: “– *Какого года присяги?* Сосед его... старик гудел, отмахиваясь рукой: – Тридцать девятого, сынок. <...> Значится, в кавказской кампании пребывали? – С самим покойничком Баклановым, царство небесное, служил, Кавказ покоряли...” (Тихий Дон. 1, XXIII); эпизод расстрела подтелковцев: “Тут только Подтелков узнал сопротивлявшегося и ужаснулся:

это был один из наиболее бесстрашных красногвардейцев, *мигулинский казак 1910 года присяги*, георгиевский кавалер всех четырех степеней, красивый светлоусый парень” (Тихий Дон. 5, XXX).

Со службой в армии связано и такое понятие, как *односум*, т.е. “одногодок, сослуживец по полку”. Считается, что понятие *односум* сохраняется с того времени, когда каждый десяток в служилой казачьей сотне вел свое отдельное хозяйство и возил провиант на вьючной лошади в общих сумах, а пищу готовили в общем котле на всю артель [3]. Слово *односум* часто используется казаками, особенно в формулах приветствия: “– Доброе здоровье, *односум*! Припозднился, браток, припозднился... – Высокий казак в соломенной шляпе качал головой, отбивая у дороги косу” (Тихий Дон. 1, IX); “– Ты что-то, *односум*, и глаз не кажешь, – говорил Фомин протяжно, приятным баском, искоса поглядывая на Дарью...” (Тихий Дон. 6, XIX); “– Я [Пантелей Прокофьевич] им не молоденький по сорок верст в день отмахивать, окопы рыть, в атаки бегать... Моего *односума* с Кривой речки цокнула пуля под левую лопатку... Тоже приятности мало в таком деле!” (Тихий Дон. 7, XXI); “Профессиональное чутье мне [Глухову] подсказывает, что Половцев болтается где-то у вас в хуторе <...> Нам известно, в каких частях служил господин Половцев, и вероятнее всего, что он прибил к кому-то из *односумов*” (Поднятая целина. 2, XX).

Парное женское *односумка* – “жена односума” – в речи казаков приобрело и переносное значение “подруга”: “Прохор встретил ее [Аксинью] в горнице, широко улыбаясь, пряча за спину куций обрубок левой руки. – Здорово, *односумка*!” (Тихий Дон. 8, I); “– *Односумка*! Ксюша. Вместе отступали, вместе вшей кормили... – Прохор протягивал стакан, плеская на стол самогонку” (Тихий Дон. 8, VI).

Со службой связано и еще одно распространенное именование казаков – *казак-полчанин*, *полчанин* – однополчанин, то есть казак того же полка по действительной службе, то же, что *односум*: “Остановился Петр возле новой церкви у отцовского *полчанина*, попросил его вырыть труп свата” (Тихий Дон. 6, XXIII); “Первые три недели после ухода из дому Григорий жил в хуторе Верхне-Кривском Еланской станице у знакомого *казака-полчанина*” (Тихий Дон. 8, XI); “Об этом, мол, сказал ему знакомый офицер, *полчанин*, проезжавший с неделю назад через Гремячий Лог” (Поднятая целина. 1, XII).

Это же значение имеют лексемы *полчан* и *полчок*: “Григорий, давным-давно не выдавший Мишки Кошевого, подошел к нему. – Здорово, *полчок*!” (Тихий Дон. 6, XVIII); “И деды, провожавшие с завалинок пыльный багрянец заката, переговаривались через улицу: “Низовскую играют (поют песню, сложенную казаками низовских станиц. – О.Д.) –Этую, *полчок*, в Грузии сложили” (Тихий Дон. 2, III).

Служба, являясь главным делом жизни казаков, длилась долго (в разные периоды истории разных срок). В 1763 году была введена обя-

зательная пожизненная служба казаков, в 1802 году – Положение о военной службе донских казаков, установившее 30-летний срок их службы (со своим оружием и двумя конями). По уставу 1875 года Донского войска, распространенному позже на другие войска, срок службы казаков был определен в 20 лет (с 18-летнего возраста): 3 года в “приготовительном” разряде, 12 лет в строевом – 4 года на действительной службе (первая очередь) и 8 лет на “льготе” (вторая и третья очереди по 4 года с периодичными лагерными сборами), и 5 лет в запасе. Служба второочередников и третьеоочередников заключалась в ежегодных лагерных сборах, как правило, 3–4 недели весной. Эти 8 лет казаки проживали по своим хуторам и станицам, но находились в постоянной готовности к выходу на службу. На “льготе” казак должен был содержать верховых лошадей, холодное оружие. На третьей очереди был один лагерный сбор и можно было не содержать лошадей. Затем казаки могли быть привлечены к службе только в военное время в составе войскового ополчения. В 1909 году срок службы казаков был уменьшен до 18 лет за счет сокращения до одного года “приготовительного” разряда.

С этапами военной службы казаков связано довольно много устойчивых выражений, нуждающихся в особом комментарии. Детально воссоздана картина жизни в лагере, где проводили подготовку молодых и переподготовку казаков второй и третьей очереди: «За хутором Сетраковым в степи рядами тянулись повозки с брезентовыми будками [повозки с закрытыми кузовами]. Невидимо быстро вырос городок, белокрыший и аккуратный, с прямыми улочками и небольшой площадкой в центре, по которой похаживал часовой. Лагеря зажили обычной для мая месяца, ежегодно однообразной жизнью. По утрам команда казаков, караулившая на попасе [пастбище] лошадей, пригоняла их к лагерям. Начинались чистка, седловка, перекличка, построения. Зычно покрикивал заведующий лагерями штаб-офицер, шумоватый войсковой старшина [подполковник] Попов, горланили, муштруя молодых казаков, обучавшие их урядники [унтер-офицеры]. За бугром сходились в атаках, хитро окружали и обходили “противника”. Стреляли по мишени из дробовиц [охотничье ружье, стреляющее дробью]. Казаки помоложе состязались в рубке, постарше – отвиливали от занятий» (Тихий Дон. 1, XI).

В романе говорится, что Григорий не участвовал в лагерных сборах, так как за него попросил младший Листницкий, у отца которого он работал вместе с Аксиньей: “Григорий, избавившись от лагерного сбора по ходатайству Евгения Николаевича, работал на покосе, изредка возил старого пана в станицу, остальное время ходил с ним на охоту... Легкая, сытая жизнь его портила. Он обленился, растолстел, выглядел старше своих лет” (Тихий Дон. 2, XX).

Детство казачат, как правило, кончалось с принятием присяги. Казачата *произрастали в казаков*. Фразеологизм *произрасти в казаков*

имеет значение “Достичь совершеннолетия и принять воинскую присягу” (о поступлении на воинскую, казачью службу).

Молодых, неопытных казаков на Дону именовали *кугой зеленой*. Это еще один фразеологизм, теперь уже не связанный с прямым значением слова *куга* – “камыш озерный”. *Куга зеленая* – “Пренебрежительное именование молодых, неопытных в воинской службе казаков” [4]: – Мальчишка ведь, пацаненок, *куга зеленая*, – говорят шутя в эскадроне, – а подыщи другого, кто бы сумел почти без урона ликвидировать две банды и полгода водить эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира!” (Родинка, I); «Молодые, лет по шестнадцати–семнадцати парнишки, только что призванные в повстанческие ряды, шагают по теплему песку, скинув сапоги... Им неведомо отчего радостно, промеж них и веселый разговорничко вспыхнет, и песню затянут ломающимися, несозревшими голосами. Им война в новинку. Они в первые дни и к посвисту пуля прислушиваются, подымая голову от сырого бугорка земли, прикрывающего окопчик. “Куга зеленая!” – пренебрежительно зовут их фронтовые казаки, обучая на практике, как рыть окопы, как стрелять, как носить на походе служивское имущество, как выбрать прикрытие получше, и даже мастерству выпаривать на огне вшей и обворачивать ноги портянками так, чтобы нога устала не слышала и “гуляла” в обуви, учат несмысленный молодежь» (Тихий Дон. 6, XVI).

На базе фразеологизма родились два однокоренных существительных, имеющих то же, что и фразеологизм, значение: *кугарь* и *кужонок* и даже *зеленый кужонок*: «Пели, судя по ребячески чистым, хорошим голосам, молодые казаки. – Служивого, должно, провожают, – сказал Прохор. <...> Григорий согласился пойти взглянуть, как провожают “кугаря»» (Тихий Дон. 7, XIX); «И до тех пор “кужонок” смотрит на окружающий его мир войны изумленным, птичьим взглядом, до тех пор подымают голову и высматривает из окопчика, сгорая от любопытства, пытаясь рассмотреть “красных”, пока не щелкнет его красноармейская пуля» (Тихий Дон. 6, XLVI); “Ты чего меня, *кужонок зеленый*, учишь?” (Тихий Дон. 6, I); “Макар раздул побелевшие ноздри, в мутных глазах его плеснулось бешенство: – Ты [Найденов] *кужёнок*, молодой меня учить и заметки мне делать! У тебя ишо пупок не просох, а я уже бился в то время за Советскую власть и в партии состоял... Так-то” (Поднятая целина. 1, XXVIII).

В казачьих частях различали молодых и старых казаков. *Молодым казаком* называли казака 1-й очереди в первые годы действительной службы: “*Молодые казаки*, оторванные от работы, томилась первое время, отводя душу в разговорах, перепадавших в свободные часы” (Тихий Дон. 3, II); “ – Ты чтэ ж это, мерзэвэц, здесь выдумываешь? – заговорил есаул [воинское звание в казачьих частях, равное званию капитана в армейских] Попов, ровняя свою ло-

шадь с лошадыю Крючкова. – Ты чему ж это учишь *малодого кэзэка*, а?" (Тихий Дон. 3, VII).

Старым казаком называли казака, служащего последний год действительной службы (из первых четырех лет службы): «Крючков был *"старый"* казак, то есть дослуживавший последний год действительной, и по неписаным законам полка имел право, как и всякий *"старый"* казак, гонять молодых, вымуштровывать, за всякую пустяковину ввалить пряжек» (Тихий Дон. 3, VII); Крючкова, получившего нашивку приказного, т.е. звание нижнего чина в казачьих войсках царской армии – помощника урядника, ефрейтора Митька называет *"господин старый казак"* (Тихий Дон. 3, VII); «В сторонке человек пять *старых казаков* допытывались у одного из молодых: – Ты какой станицы? – Еланской. – Из козлов (казаки разных станиц имели разные прозвища: Еланской – козлы, Вешенской – кобели. – *О.Д.*), значит? – Так точно" (Тихий Дон. 3, VII).

После четырех лет действительной службы казаки возвращались в родные станицы и становились *казаками-второочередниками*, или просто *второочередниками*, т.е. зачисленными на льготу второй очереди: «*Казаки-второочередники* с хутора Татарского и окрестных хуторов на второй день после выступления из дому ночевали на хуторе Ея" (Тихий Дон. 3, VI); «До хутора Сетракова – места лагерного сбора – шестьдесят верст. Петро Мелехов и Астахов Степан ехали на одной бричке. С ними еще трое казаков-хуторян: Федот Бодовсков – молодой калмыковатый и рябой казак, *второочередник* лейб-гвардии Атаманского полка Хрисанф Токин, по прозвищу Христоня, и батарец Томилин Иван, направлявшийся в Персиановку" (Тихий Дон. 1, V); «Вырванные переброской из обычного круга обязанностей, казаки томились в теплушках, ждали отправки на Дон (слух о том, что *второочередников* будут распускать по домам, держался весьма упорно), небрежно ухаживали за лошадыми, дни насквозь толкались на базарной площади, торговали запасенными с позиций ходкими предметами продажи: немецкими одеялами, штыками, пилами, шинелями, кожаными ранцами, табаком..." (Тихий Дон. 4, VIII).

Казаки-третьеочередники или просто *третьеочередники* – это казаки после подготовительной, действительной и четырех лет на *"льготе"* второй очереди: «В это время вместе со штабом 80-й дивизии передвигалась к месту близких боев и особая казачья сотня. В сотню влили *казаков-третьеочередников* с хутора Татарского" (Тихий Дон. 4, III); «С последней маршевой сотней влили в полк *третьеочередников*. Один из них, казак станицы Казанской, Алексей Урюпин попал в один взвод с Григорием" (Тихий Дон. 3, XII); – Ну, козацтво, держися! – Ишо в годок погодить им, вышел бы я из третьей очереди – А ты, дед, зачем? Аль не отломал службу? – Как зачнут народ крошить – и до дедов доберутся" (Тихий Дон. 3, IV).

Достоверно описывая службу казаков, Шолохов использует специальные слова и устойчивые выражения, бытовавшие в среде этого особого воинственного и вольнолюбивого сословия России.

Литература

1. Давыдова О.А. "Их-то и прозвали казаками" // Русская речь. 2005. № 3.
2. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986.
3. Казачество. Энциклопедия. М., 2003. С. 232.
4. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Лирический оптимизм повести Г.Н. Троепольского “Белый Бим Черное ухо”

© Ю. А. ОЗЕРОВ,
кандидат филологических наук

Гавриил Николаевич Троепольский (1905–1995), прозаик, публицист, драматург, начал свой творческий путь в 1953 году.

Но по-настоящему известным он стал, опубликовав в 1971 году повесть “Белый Бим Черное ухо”, она была удостоена Государственной премии (1975) и причислена к отечественной литературной классике, переведена на десятки языков мира, и по ней в 1977 году был снят художественный фильм.

В повести мы находим раздумья о человеческой жизни, ее моральных ценностях, о природе, о совести, преданности, о добре и зле; в книге проходят друзья и враги Бима, разные человеческие характеры, их столкновения, и в этом смысле “Белый Бим Черное ухо” продолжает традицию “Холстомера” Толстого, “Каштанки” Чехова. Автор применяет прием очеловечивания животного, наделяет собаку способностью думать и переживать, как это свойственно людям: Бим грустит, предается отчаянию, испытывает чувство страха, боли, плачет, приходит в восторг, проявляет любопытство и т.д.

В произведении прослеживается вся полная радостных и трагических приключений и событий жизнь Бима от первых щенячьих недель до гибели. Все происходящее с ним составляет сюжетное развитие повести. Собака у Троепольского – существо необычное, доброе, благородное, “интеллигентное”, как называет ее хозяин. По происхождению Бим – шотландский сеттер, но из-за своей белой окраски, вместо полагающейся черной, он не отвечает эталону этой породы. Такая нестандартность делает его в какой-то мере отверженным. Со временем Бим превращается в большую красивую охотничью собаку с умными темно-карими глазами. Его хозяин – журналист Иван Иванович Иванов – уже немолодой, одинокий (война отняла у него единственного сына и оставила в его теле осколок, который все чаще о себе напоминает). Недавно у него умерла жена. Привязанность к Биму помогает ему преодолевать горе. Иван Иванович – человек большой души, отзывчивый и справедливый, страстный охотник, любитель и знаток природы, и неудивительно, что в Биме возникает безграничная преданность и любовь к своему хозяину.

На четырехлетнем жизненном пути Бима встречается много разных людей, и он делит всех, с кем сталкивается, на хороших и плохих

в зависимости от их отношения к нему. Такие, как старая Степановна, молодая женщина Даша, железнодорожница Матрена, сторож дед Михай, мальчики из разных семей Толик и Алеша, пастух Хрисан Андреевич, жалели, кормили и выручали Бима, который тщетно пытался найти своего хозяина (его увезли в Москву в больницу). Это хорошие, добрые, настоящие люди. Писатель умеет найти для них искренние, проникновенные слова, выразить им свою сердечную признательность, что придает повествованию лирическое звучание.

Обращает на себя внимание такая авторская манера характеристики персонажа, как использование нескольких эмоционально-оценочных эпитетов при одном существительном, помогающих полнее передать признаки данного лица: Даша – “белокурая девушка, с большими задумчивыми и теплыми глазами”; “голос у Даши мягкий, душевный, тихий и, казалось, спокойный”; “руки теплые и нежные, ласковые”; “по городу бежала с виду унылая собака, но преданная, верная и смелая”.

Другие – вздорная Тетка, жестокий Клим, некто Серый, тоскующий Рыдаев, “добропорядочный” Семен Петрович, злой Толстый, демагог Курносый – вызывают у Бима настороженность, неприятие, порой желание укусить. Примечательно, что у некоторых отрицательных персонажей нет имен – это указывает на их безличность.

Создавая сатирические портреты, автор прибегает к нагнетаемому преувеличению: “Толстый-претолстый, с толстой палкой в руке, в толстых черных очках на носу, несет толстую папку: всё-всё у него толсто”; “человек с мясистыми обвислыми губами, крупно-морщинистый, курносый, с глазами навывкате”; тетка – “визгливенькая и жирная”.

Книга Троепольского – не только о доброте и черствости, благородстве и подлости, но и о бережном отношении к природе. Высокой поэзии, красоты и лиризма исполнены пейзажи, картины охоты. Иван Иванович преклоняется перед природой, ибо она дарит человеку радость бытия, врачует душевные раны. В этой связи важную роль в повести играют лирические отступления – обращения, в которых слышится взволнованный голос автора и его героя: “О беспокойный Человек! Слава тебе вовеки, думающему, страдающему ради будущего! Если тебе захочется отдохнуть душой, иди ранней весной в лес к подснежникам, и ты увидишь прекрасный сон действительности. Иди скорее: через несколько дней подснежников может и не быть, а ты не сумеешь запомнить волшебство видения, подаренного природой”. И Бим тоже чувствует себя превосходно только в единении с природой. Лесной воздух, деревья, травы, запахи зверя и птицы возбуждают, радуют его. Лес и спасает, лечит пса, избитого недобрым человеком.

Описания природы в повести отличаются разнообразием красок, подчас избытком эпитетов и восклицательных предложений, насы-

ценностью глаголами-синонимами, повторами, яркими и неожиданными сравнениями: “А лес шумел, шумел и шумел”; “вдруг, как огненным узким ножом, молния рассекла черноту, ...а вслед за нею что-то гроыхнуло вверх, ударило, задребезжало чем-то разбитым, ухнуло вниз и покатилося по лесу в разные стороны”; “дубы охнули, как богатыри...”. У Троепольского нравственно-философское отношение к природе, как и у М. Пришвина и К. Паустовского: в ней есть загадки и тайны, она рождает у героев ощущение полноты жизни, а подчас и счастья; природа связывает настоящее с прошлым и будущим, прикосновение к природе обогащает и облагораживает человека, пробуждает творческие силы.

В повести ясно проявляется уже знакомая нам по предыдущим произведениям публицистическая заостренность таланта Троепольского. С сарказмом говорит он о противоречивых установках руководства Общества охотников, согласно которым в разные периоды сороки, ястребы, коршуны то объявлялись вредными и потому подлежащими истреблению, то, наоборот, признавались полезными и оттого уничтожать их строго запрещалось. “Зато никто не отвечает за отравление ядохимикатами птиц степных и лесостепных районов. Спасая леса и поля от вредителей, мы уничтожали птиц, а уничтожая их, губили... леса”. Или размышления писателя о волках, которых безжалостно убивают люди.

В жанровом отношении Троепольский назвал свое произведение лирико-оптимистической повестью, поскольку она наполнена живительным светом добра. Через всю книгу проходит четкая идея: мир, в котором мы живем, всё, что нас окружает, – люди, земля, реки, леса, птицы, животные, – всё испытывает потребность в умном, бескорыстном, душевном отношении, и человек – единственный, кто может помочь всему живому.

Автор призывает быть ближе к природе, у нее учиться доброте, простоте, целомудрию.

Чем покоряет Бим? Своей верностью, преданностью, когда без друга не можешь ни есть, ни пить, а только можешь ждать, любить, надеяться. Пройдя через зло и жестокость, он остается прежним. Эмоции, которые вызывает у читателя смерть Бима, очищают сердце, делают его более чутким ко всему живому.

О классическом и современном употреблении термина *словесность*

© В. И. АННУШКИН,
доктор филологических наук

Впервые употребление термина *словесность* обнаруживается в Словаре Академии Российской 1789–1793 гг., где оно означает “знание, касающееся до словесных наук” и “способность говорить, выражать” (Т. V. С. 536). Любопытно, что здесь это еще не наука, однако именно определения Словаря создали предпосылки для рождения и утверждения *словесности* как одного из ведущих терминов русской филологической науки. В дальнейшем авторы первой половины XIX века осмысливают словесность не только как “способность выражать мысли словами” (А.С. Никольский), но прежде всего как совокупность наук. А.С. Никольский в “Основаниях словесности” (1807 г.) пишет, что *словесность* образует две науки: *грамматику*, обучающую “правильному употреблению слов”, и *риторику*, показывающую “способ, как располагать и изъяснять мысли”. Л.К. Якоб называет словесностью “умозрение словесных наук” [1].

Научное формирование предмета словесности связано с реорганизацией филологического образования в России начала XIX века, когда русская словесность приобрела черты стройной последовательной теории в учебниках Я.В. Толмачева, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, В.В. Плаксына, К.П. Зеленецкого и др. В начале этого периода словесность понималась только как “природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом” (Я.В. Толмачев. 1815 г.), или как “дар слова, которым Творец наградил свое любимое создание – человека” (Н.Ф. Кошанский, 1829 г.). Затем понятие словесности расширяется до совокупности

всех текстов речевой культуры, поэтому в русских частных риториках существует тенденция классифицировать и описывать все существующие роды, виды и жанры словесности. Первые попытки предпринимались А.Ф. Мерзляковым в “Краткой риторике” 1804 г., когда в состав изучаемых видов словесности входили: письма; разговоры, или диалоги (письменные, литературные); исторические сочинения (биографии, повествования, описания, истинная и вымышленная история – “романы”); учебные сочинения, включавшие научные рассуждения и учебники; ораторское красноречие (речи политические, судебные, торжественные, духовные, академические).

В сочинениях Н.Ф. Кошанского еще сохраняется термин “словесные науки”, куда входят грамматика, риторика, поэтика, но уже И.И. Давыдов в “Чтениях о словесности” (1837–1843) выстраивает достаточно сложную классификацию, выделяя три группы понятий:

I. Словесность как наука (“постижение законов изящного в слове”) и как искусство (“творчество, или произведение творчества, выражающее идею изящного”).

II. Словесность как наука имеет свою философию (“творящий дух в его производительности”), историю (“явления изящного в творческих созданиях словесных”), критику (“способность наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам, развитие и облагораживание чувства изящного”).

III. К науке относится *объективная* словесность, которая включает три больших раздела: 1. теория языка; 2. теория изящной речи; 3. теория слога. К области *объективной* словесности принадлежат *грамматика и риторика*, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу. К “творчеству человеческого духа” относится *субъективная* словесность – ее воплощением являются тексты словесности (это уже не наука!): *поэзия и красноречие*. Разделение последних базируется на дихотомии “словесные произведения мира действительного и мира идеально-возможного, гармонии и идеалов с чувственными образами, духовного подражания природе в слове”. Родами красноречия являются история, философия, ораторская речь, родами поэзии – эпос, лирика, драма [1].

В современной филологической литературе термин *словесность* употребляется и исследуется чрезвычайно редко. Наиболее обстоятельно и обоснованно использовал его Ю.В. Рождественский, не только возрождая из исторического небытия, но и придавая ему конкретный научно-терминологический смысл: “Языковая деятельность состоит из высказываний. Отдельное высказывание в филологии называется *произведением словесности* (выделено автором. – В.А.), а вся совокупность произведений словесности – *словесностью*. Словесность, или языковые тексты, – предмет филологии. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культур-

ное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений” [2].

В соответствии с русской филологической традицией Ю.В. Рождественский пытался выстроить наиболее полную классификацию родов и видов словесности, приспособлявая ее к современному информационному обществу: 1) устная словесность: а) дописменная (диалог, молва, фольклор); б) литературная (ораторика, гомилетика, сценическая речь); 2) письменная словесность (сфрагистика, эпиграфика, нумизматика, палеография, включающая: письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность, или литература (научная, художественная, журнальная); 4) массовая коммуникация (массовая информация в виде радио, телевидения, прессы, кино; реклама и информатика) [3].

Необходимо возвращение к правилам словесности, среди которых Ю.В. Рождественский выделял *внешние правила*, регламентирующие порядок создания, передачи, приема и хранения словесных произведений, и *внутренние правила*, регламентирующие лингвистическое строение текста с помощью искусства речи и наук о речи (логика, грамматика, поэтика, риторика, стилистика) [3].

Характерно и восстановление предмета словесности в современной школе. В учебнике “Русская словесность” Р.И. Альбетковой для 7 класса термину *словесность* приписаны три значения: “Во-первых, это словесное творчество. Это искусство рисовать словом картины и изображать людей, рассказывать об их поступках и переживаниях, выражать словом мысли и чувства.

Кроме того, словесность – это все произведения искусства слова: устное народное творчество и книжность, письменная литература.

И наконец, словесность – обобщенное название всех наук о языке и литературе – это грамматика и лексикология, история и теория литературы, стилистика и риторика и другие науки” [4]. Последнее толкование замечательно приближает нас к тому толкованию словесности, которое было в университетском курсе И.И. Давыдова, где словесность включала весь цикл наук о языке (теорию языка, теорию речи и теорию слога). Современное объяснение выглядит несколько странно, потому что, строго говоря, мы не найдем именно такого определения у современных ученых-лингвистов. Тем не менее, такое определение перспективно, поскольку оно показывает восстанавливаемую историческую связь классической русской филологии и современных наук о языке и слове.

Подведем некоторые итоги относительно содержания самого термина *словесность* и перспектив словесности как научной и педагогической дисциплины.

Словесность этимологически определяется как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. Поэтому она объяснялась в классических русских учебниках как природный дар, которым человек отличен от других одушевленных созданий. Владение словом показывает в человеке божественное начало, отражая в нем образ Божий.

Словесность – это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Рассмотрение всей совокупности произведений словесности невозможно, поэтому филологи ставят вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно-значимых текстов.

Словесность изучается и осмысливается как искусство создания словесных произведений. Как искусство речи она предполагает постижение законов словесного творчества и обучение правилам, приемам создания словесных произведений.

Классический термин *словесность* был для русских ученых первой половины XIX века аналогом термина *филология*, поскольку само слово имело логосическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность “словесных наук”, либо как “наука о Слове”.

Современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности – классификация и изучение специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение образцов словесного творчества. Теория словесности должна восстановить в правах такие незаслуженно забытые для изучения и обучения ее виды, как ораторика (публичная речь), деловая проза, письма, показать современному учащемуся разницу между художественной и научной литературой, выяснить специфику и роль средств массовой информации, наконец, оптимально представить современную разговорно-бытовую речь и правила этикета.

Подлежат изучению разные роды и виды словесности: художественная, изящная словесность, приравненная ныне к “литературе” (хотя ни словесность, ни литература не ограничиваются художественными текстами); устная словесность, включающая не только фольклорные произведения, но и бытовые и ораторские формы речи; научная словесность, объемлющая произведения научной речи (кстати, почти нетронутая проблема – существование устной научной словесности в научных диалогах, построении научных докладов, конференций и т.д.); деловая словесность, словесность средств массовой информации и т.д. – по родам и видам словесности (сколько бы необычно это ни звучало для современного пользователя); возможно говорить и о видах профессиональной словесности (как мы говорим о церковной словесности, политической, юридической, дипломатической словесности и

т.д. – каждый из этих “профессиональных” видов речи заслуживает изучения на стыке филологии и соответствующей науки).

Предмет “словесность” имеет большее право, чем “литература”, на то, чтобы быть изучаемым в вузе и школе. Не отрицая значения художественной словесности, необходимо обратить учащихся ко всему богатству речевой действительности. При этом создатели профессиональных учебников словесности, естественно, должны давать вначале общие основы и правила словесности, а затем переходить к частным правилам и особенностям создания того вида профессиональной словесности, к которой имеют отношение данные учащиеся (политологи, предприниматели, юристы, педагоги, военные и т.д.).

При этом должен быть кардинально пересмотрен курс *истории русской словесности*, который необходимо восстанавливать и расширять, предусматривая изучение не только “понятной и занимательной” беллетристики, но и Священного Писания как главного культурообразующего текста, жанров письменности, в том числе деловой, учебной и научной литературы, ораторской прозы и т.д. Здесь встанут две проблемы – корректность отбора культурно-значимых текстов и подготовка преподавателя-словесника (особенно школьного), знающего и способного комментировать этот состав текстов.

В настоящее время в вузах и школах изучается курс истории русской литературы, но, строго говоря, необходимо бы изучать историю русской словесности, понимая под этим термином не только художественную литературу (облегченную для понимания “беллетристику”), но все богатство словесной действительности того или иного исторического времени. Пока что эта действительность предстает в эстетической и художественной упаковке, а необходимо представить ее во всем разнообразии форм и жанров речи. Таков, на наш взгляд, требуемый подход к отбору материала для преподавания словесности XVII–XVIII веков, где сохранился состав авторов, изучавшихся в дореволюционной гимназии, но отсутствуют некоторые важные культурообразующие тексты, значительно более понятные и выразительные для восприятия учащихся.

Восстанавливаемый термин *словесность* не вступает в противоречие с традиционной филологической терминологией. В начале XIX века было принято говорить о “словесных науках” и “филологии” как синонимах, в настоящее время “словесность” продолжает оставаться одним из основных понятий филологии. При всей близости словесности к таким наукам о речи, как риторика и стилистика, словесность более относится к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, а риторика – к построению оптимальной, эффективной речи.

Обобщая написанное, скажем, что термин *словесность* имеет, по крайней мере, четыре значения: 1. Совокупность словесных произве-

дений (текстов) русской речевой культуры. 2. Дар слова, способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. 3. Искусство слова, словесное творчество. 4. Наука о слове, или совокупность “словесных наук”, аналог филологии.

Литература

1. *Аннушкин В.И.* История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд., М., 2002.
2. *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
3. *Рождественский Ю.В.* Общая филология. М., 1996.
4. *Альбеткова Р.И.* Русская словесность: от слова к словесности. Учеб. для 7 класса общеобразоват. учреждений. М., 2000.

Компьютерная информация: единицы измерения

© У. И. ТУРКО

Человек в своем познании окружающего мира пришел к необходимости выделять однородные понятия, которые можно было подвергнуть количественному измерению. Расчлененное видение однородных явлений, деление целого на отдельные виды и/или их обобщение приводило к определению не только родо-видовых, но и видо-видовых отношений. Если родовое понятие “дерево” имело видовые разновидности типа *дуб, береза, клен, ель, яблоня* и т.д., то взаимоотношения между видовыми реалиями можно было исчислять, противопоставляя единичное какому-то множеству однородных реальных. Формирование знаний о единицах однородных понятий обусловило появление единиц измерения. Так, расстояние стало измеряться сначала *локтями, вершиками, шагами* и т.п., а затем общепринятыми единицами типа *миллиметр, сантиметр, дециметр, метр, километр*, связанными с десятичной системой измерения. С этой же системой связаны измерения веса, массы (*миллиграмм, грамм, килограмм, центнер, тонна*). Время стало измеряться *секундами, минутами, часами, сутками, неделями, декадами, месяцами, годами, столетиями, веками*.

Развитие общества, прогресс в науке и технике обусловили необходимость измерения все новых и новых объектов (звука, энергии, мощности, электричества и т.д.). Возникла также потребность измерять не по одному признаку, а по нескольким параметрам одну и ту же единичную реалию, так как сложный объект требовал использования многомерных единиц измерения. Площадь, пространство стали измерять при помощи *десятины, квадратного метра, гектара* и т.д., то есть по двум признакам, а объем – по трем параметрам: при помощи *куба, кубометра* и т.д.

Конец XX – начало XXI века ознаменовался развитием новых технологий, особенно в сфере связи, обмена информацией. Так, компью-

терные технологии породили необходимость измерения информации, объема памяти, скорости передачи информации или изображения.

Компьютерная информация – это многоаспектное явление, поэтому она измеряется по нескольким параметрам. Так, измеряют а) количество и длину информации; б) частоту, скорость передачи и изображение информации; в) обработку информации компьютером (производительность).

Тематическая группа слов со значением “единицы измерения компьютерной информации” представлена терминами-словами *байт, бит, бод, герц, дит, дюйм, пика, пиксел, пункт, твип, флорпс, килобит, килобайт, килогерц, килофлорпс; килогорд, мегабит, мегабайт, мегадит, меггерц, мегфлорпс, меггорд, гигабит, гигабайт, гигагерц, гигафлорпс, гигагорд, терабит, терабайт, терагерц, терафлорпс, петабит, петабайт, петагерц, петафлорпс, экзобит, экзобайт, зеттабайт, йоттабайт*, а также терминами-словосочетаниями *количество пикселов на дюйм, количество точек на дюйм*. Минимальные (однословные) единицы измерения информации представляют собой в основном заимствованные непроразводные в русском языке термины *байт, бит, бод, флорпс, пика, пиксел, дит, пункт, твип*, на базе которых созданы названия со значением определенного количества типа *килобайт, килогорд, килогорд* и т.п.

Количество информации, которая хранится в памяти компьютера или передается на расстояние другому адресату, представлено терминами *бит, байт, дит, килогорд, килобайт, мегабит, мегабайт, мегадит, гигабит, гигабайт, терабит, терабайт, петабит, петабайт, зеттабайт, экзобит, экзобайт* и др.

В компьютерной технологии используются двоичная и десятичная системы измерения количества информации. Минимальная единица измерения количества информации в памяти компьютера, используемая в двоичной системе исчисления или равная одному двоичному разряду, выражается термином *бит* (англ. bit < binary digit) [1], [2], он может соответствовать состоянию “включено” или “выключено” (“1” или “0”): *Событие несет информацию в 1 бит. ...мы также получим информацию о цвете шара в 1 бит* (<http://krugosvet.ru>).

Самое раннее упоминание об этом термине относится примерно к 1948 г. Как объясняет выдающийся американский ученый-статист Джон Тьюки, англ. bit – это сокращенная форма словосочетания *binary digit* “двоичная цифра, двоичный знак” [3].

Аналогичным образом создан и другой термин для обозначения

информации – *дит* в значении “минимальная единица измерения количества информации в памяти компьютера, равная одному десятичному разряду”, т.е. это такая единица количества информации, которая содержится в сообщении о данном состоянии системы, имеющей десять равновероятных состояний (Ваулина Е.Ю. Указ. словарь. С. 142), так как сочетание *decimal digit* имеет значение “десятичная цифра”: *Такая единица степени неопределенности называется десятичной единицей, или дитом* (<http://en.edu.ru>).

Слова *bit* и *dit* созданы из начального слога первого компонента и конечного звука второго компонента словосочетания *binary digit* и *decimal digit*, по аналогии образования слов типа *мотель* из *motorist's hotel* [4].

Возникновение подобных усеченных единиц на базе сочетаний слов свойственно и русскому языку: ср. *веломобиль* из *VELO* [сипед + авто] *мобиль*; *рация* из *ра*[дио + стан]ция; *релин* из *ре*[зиновый] + *лин*[олеум]. По мнению И.Л. Мостицкого, при образовании компьютерного термина обыгрывалось значение английского слова *bit* “кусочек, частица” [3, 72]. Однако в английском языке *bit* (*bit*) совпало с омонимом *bit* “кусочек, частица”, который использовался для обозначения части чего-либо, но не для измерения однородных явлений, поэтому вряд ли можно это считать игрой слов. Уже давно высказывалось мнение, что сокращенные единицы, в том числе и аббревиатуры, должны быть благозвучными [5].

Другим распространенным термином единицы измерения информации является *байт* (англ. *byte*), имеющий в специальной литературе графический символ – *Б* и значение “единица информации, состоящая обычно из восьми бит и используемая как одно целое при передаче, хранении и переработке информации в электронно-вычислительных машинах” [1, 100]: *При вводе в ЭВМ символа с клавиатуры машине передается 1 байт информации* [<http://www.gmcit.murmansk.ru>].

Этимология термина *байт* не имеет точного толкования. По данным Современного словаря иностранных слов англ. *byte* является вариантом формы *bit*.

По мнению И.Л. Мостицкого, этот термин скорее всего был придуман кем-то в IBM (возможно, доктором Вернером Буххольцем) примерно в 1964 году [3, 82]. Термины *бит* и *байт* в отличие от термина *дит* имеют вариантное употребление в род. п. множ. ч.: *битов* и *бит*, *байтов* и *байт*, причем формы род. п. *бит* и *байт* используются преимущественно в разговорной речи [2, 55]: ...результатирующий бит ра-

вен единице в том случае, если только один из сравниваемых битов единица [<http://phys.lan.krasu.ru>]; ...количество бит, требуемых для отображения точки [<http://www.mpgu.edu>]. Такое различие в облике форм слов в род. п. сохраняется и в производных, и дает возможность назвать варианты *бит* и *байт* терминами речи [6]. Различие в употреблении форм род. п. в данной группе, по мнению В.А. Добромыслова и Д.Э. Розенталя, “носит стилистический, а не грамматический характер” [7].

В компьютерной технологии длина информации обозначается терминами *дюйм*, *пункт* и *твин*. Минимальный объем информации называется *твином*: *Один сантиметр содержит 567 твинов* [<http://vfr.narod.ru>]; *По умолчанию все операторы перемещения, измерения размеров и рисования в Visual Basic в качестве единицы измерения используют единицу измерения твин* [<http://saripkro.r2.ru>].

Термин *дюйм* как наименование единицы измерения длины известен в германских языках давно. В русский язык он был введен Петром I и проник из голландского языка, где буквально означал “большой палец”. *Дюйм* применяли до 1918 года, пока не стали использовать метрическую систему [8].

Во второй половине 20-го столетия этот термин стал использоваться и как название единицы информации в английском языке, обозначая величину, равную 1/12 фута, 1/28 аршина или 2,54 см: *Размер экрана у этих компьютеров достигает уже 10 дюймов, а вес составляет около килограмма*. Таким образом, компьютерный термин *дюйм* является заимствованием из английского языка. На письме он имеет графический символ [“].

Для обозначения размеров шрифта используется термин *пункт*, имеющий значение “единица, равная 1/72 дюйма” [9]: ...размер шрифта абзаца в обычном деловом документе – 10–12 пунктов [<http://dmp.kiev.ua>].

В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *пункт* толкуется следующим образом: 1. Место, предназначенное для чего-н. 2. Учреждение или отдел учреждения с узкоопределенным кругом функций. 3. Отдельное положение, раздел в составе изложения, документа. 4. Отдельный момент в развитии чего-н. 5. То, на чем кто-н. исключительно сосредоточил все свои мысли, помыслы [10].

Несмотря на то, что слово *пункт* подразумевает указание на единичное, оно не несет значения “единицы измерения”. В Словаре иностранных слов семантическая структура этого термина дополняется

еще одним значением (от лат. *punctum* “точка”) “наименьшая единица в типографской системе мер, равная 0,376 мм; 1/48 часть типографского квадрата” [11]. В немецком языке термин *пункт* (*punkt*) обозначает точку. Таким образом, немецкий термин как обозначение единицы измерения послужил заимствованием в русский язык и является омонимом указанным значениям слова *пункт*.

Для измерения размеров шрифта используется также единица *twip* (*twip*), равная одной двадцатой пункта, а дюйм содержит 1440 твилов [9, 397]: *По умолчанию единицей измерения является пункт, но можно задать значения и в сантиметрах, дюймах или твинах* [<http://it.kgsu.ru>].

Русскому языку слово *пика* известно как обозначение вида оружия. Этот термин пришел из польского языка, где он обозначал разновидность длинного копья. С исчезновением реалии (разновидности оружия) отпала необходимость в употреблении этого термина, т.е. слово *пика* стало историзмом. В Толковом словаре Ожегова и Шведовой *пика*¹ – термин со значением “колющее оружие, род копья”. *Пика*² встречается также в составе оборота “в пику” (сделать что-н.) (разг.) – намеренно, чтобы досадить кому-н. Но значение этих терминов, служащих для номинации разных понятий, не могло послужить источником для названия единицы измерения длины информации. В английском языке *пика* (англ. *pica*) используется в типографии и обозначает единицу измерения, равную 12 пунктам или 4,325 мм. Следовательно, термин *пика* как обозначение единицы измерения длины информации также заимствован из английского языка и является омонимом к существующим лексическим единицам.

Обработка информации, или производительность компьютера измеряется в *флонсах* или *флонах*. Термины *флонс* и *флон* имеют значение “производительность компьютера, равная одной арифметической операции с плавающей точкой в секунду” [9, 424]: *В 2005 г. появятся вычислительные комплексы производительностью 1016 флонс. Они позволяют прогнозировать погоду с точностью до часа* [<http://www.psweek.ru>].

Название этих терминов представляет собой сокращение английского словосочетания *Floating-Point Operations Per Second* или сокращенно *FLOPS*. В таком сокращенном варианте *флонс* проник в русский язык. Английская аббревиатура привела к возникновению двух терминов: *флонс* и его фонетико-графического варианта *флон*: *Для измерения емкости запоминающих устройств компьютера*

используется следующая единица измерения: байт; бод; флор [http://www.gmcit.murmansk.ru]. Пользователи компьютера нередко называют также дискету или дисковод гибких магнитных дисков жаргонным словечком *флор*. Из объявления о продаже дисковода: “Продам флор NEC к ноутбуку (USB) НОВЫЙ”. Приведенный пример свидетельствует о том, что термины *флор*, как обозначение единицы измерения и *флор*, как обозначение комплектующих устройств – разные понятия, поэтому они являются омонимами. Однако термин *флор* также имеет омоним, используемый, правда, в другой отрасли – кулинарном искусстве – и обозначающий алкогольный напиток. Поэтому в данном случае можно говорить о категориальной омонимии терминов.

Частоту передачи информации принято называть *герцем*, который обычно используется для измерения физических явлений (звука) со значением “единица измерения частоты, равная одному колебанию в секунду” [3, 198]. Этот термин назван в честь немецкого физика Генриха Герца. Сокращенное обозначение термина на письме приобретает аналогичный языку-источнику вид *Гц (Hz)*.

Для передачи скорости информации используют термин *бод* (англ. baud) со значением “единица измерения скорости передачи информации, определяемая числом символов, передаваемых в секунду” [12]: Для диагностического обмена данными используется скорость 10400 бод [http://www.scantool.ru]. Эта единица была введена в 1927 г. в Международном комитете по телеграфии в честь ее основателя, французского инженера Э. Бодо (Emile Baudot, 1845–1903), изобретателя телефонного аппарата и использовалась сначала для измерения скорости передачи данных в телеграфии, а затем – в компьютерных технологиях.

Скорость прохождения информации зависит от времени протекания тех или иных процессов. Номинацией мельчайшей единицы определения скорости передачи информации является *микросекунда* (гр. micros “малый”), которая имеет значение “ 10^{-6} сек” [9, 247]: Определение интервала с точностью до микросекунды [http://cisco.opennet.ru]. Как и другие наименования единиц измерения компьютерной информации, данный термин имеет аббревиатурные синонимы, которые фактически являются калькой английских терминов (*мксек*, *мк*; ср.: msec, ms от англ. microsecond): Передача отклика может начаться не ранее 9,6 мксек [http://book.itep.ru]; Так, скорость построения изображения (время отклика) у самых быстрых LCD-мониторов составляет 25 мс” [Chip. 2002. № 3].

Совершенно новым объектом измерения является изображение. В компьютерной технологии изображение информации измеряется в *пикселах*.

Термин *пиксел* происходит от англ. pixel, где он обозначает минимальную адресуемую единицу растрового изображения; минимальную адресуемую единицу изображения на экране монитора, с которой компьютер может работать как с отдельным элементом (изменять цвет, яркость и т.п.): *Пиксели практически идеально подходят для “жесткой верстки” документов* [<http://dmitri@list-soft.ru>].

Ввиду того, что термин является новым, появившимся сравнительно недавно, он еще не закрепился в языке и поэтому нередко используется его фонетико-графический вариант, который произносится смягченно на конце слова, – *пиксель*: *Для указания размеров шрифта очень удобно использовать пиксели* [Там же].

Пока в языке не существует однословного термина для обозначения изображения информации, поэтому используются составные наименования: *количество пикселей на дюйм, количество точек на дюйм*. Трехсловный термин *количество пикселей на дюйм* [англ. pixels per inch (PPI)] имеет значение “единица измерения разрешающей способности экрана и принтера, равная количеству пикселей, которые устройство может выводить на отрезке прямой длиной в один дюйм” [9, 201]: *Та же связь между количеством пикселей на дюйм и размером изображения дает о себе знать, когда вы уменьшаете изображение* [<http://virusnet.ru>].

Термин *пиксел*, как уже было сказано, имеет фонетико-графический вариант *пиксель*, поэтому при указании разрешения изображения используется словосочетание *количество пикселей на дюйм*: *Данный параметр напоминает параметр задания количества пикселей на дюйм* [<http://www.yatska.ru>].

Термин *количество точек на дюйм* [англ. dots per inch (DPI)] используется в значении “единица измерения разрешающей способности экрана и принтера, равная количеству точек, которые устройство может выводить на отрезке прямой длиной в один дюйм” [9, 201]: *Максимальное разрешение – 4800 точек на дюйм* [Домашний компьютер. 2004. № 10].

Для номинации большого количества информации, большей вычислительной производительности компьютера и т.д. к данным производящим терминам присоединяют префиксоиды *кило-*, *мега-*, *гига-*,

тера-, пета-, экса-, зетта-, йотта- и др., которые являются интернациональным фондом классических морфем ныне мертвых греческого и латинского языков. Терминоэлементы *мега-, кило-, милли-, миксо-* и др. были приняты еще в прошлом веке Международной электротехнической комиссией в качестве международных средств выражения понятий [13].

История этих префиксоидов началась в 1789 году с переходом на метрическую систему. Сначала появились префиксоиды *кило-* и *мега-*, в середине 50-х гг. XX века к ним присоединились *гига-* и *тера-*. Спустя несколько лет, а именно в 1975 г., Генеральной конференцией мер и весов были утверждены префиксоиды *пета-* и *экса-*. И в настоящее время происходят активные процессы возникновения аналогичных префиксоидов. В последнем издании Британской энциклопедии получили права гражданства единицы измерения на *зетта-* и *йотта-* [Черняк Л. 2001: <http://www.osp.ru>].

Префиксоиды указывают на соответствующее увеличение единицы измерения: *кило-* (от греч. *chilioi* “тысяча”) на тысячу раз, *мега-* (от греч. *megas* “большой”) на миллион раз, *гига-* (от греч. *gigas* “гигантский”) – на миллиард раз, *тера-* (греч. *teras, teratos* “огромный”, “чудовище”) – на триллион раз, *пета-* (от греч. *peta* “пять”, что соответствует пяти разрядам по 10^3) – на квадриллион раз, *экса-/экса-* (от греч. *hex* “шесть”, что соответствует шести разрядам по 10^3) – на квинтиллион раз, *зетта-* (лат. *zetta*) – на секстиллион раз, *йотта-* (гр. *iota*) на септиллион раз.

Для измерения большего объема памяти применяются следующие единицы: *килобит, килобайт, мегабит, мегабит, мегабайт, гигабит, гигабайт, терабит, терабайт, петабит, петабайт* и др., созданные при помощи соответствующих префиксоидов с указанием на количественный признак компьютерной информации, а больший объем частоты передаваемой информации обозначается терминами *килогерц, мегагерц, гигагерц, терагерц, петагерц* и др.

Для номинации большей вычислительной производительности компьютера к производящим терминам *флорп* и *флорпс* присоединяют префиксоиды *кило-, мега-, гига-, тера-, пета-*. Нами зафиксированы пока единичные образования с префиксоидами *экса-/экса-* и *йотта-*: Как бы предвзято будущие потребности, сформирована линейка терминов на перспективу: *эксабайт – 1018, зеттабайт – 1021 и йоттабайт – 1024 и, соответственно, экса-, зетта-, йотта-флорпс. Когда настанет их черед?* [<http://www.aca-dem.info>].

Есть одна интересная особенность, касающаяся сфер использования префиксоидов в сфере компьютерной терминологии. Обычно префиксоиды *кило-*, *мега-*, *гига-*, *тера-*, *пета-* и др. использовались в метрической системе мер для обозначения физических единиц измерения. Теперь они используются для обозначения единиц измерения в информатике и вычислительной технике. Для дифференциации наименований с данными префиксоидами строчными буквами сокращенно обозначают измеряемую в десятичных значениях физическую величину. Если же речь идет о двоичных цифрах в информатике, то прибегают к прописному написанию [3, 228]. Соответственно и значение, которое выражают эти единицы, используемые в области компьютерных измерений и физике, будет немного различаться.

Рассмотрим это правило на примере сокращения термина *килобайт*. Так, аббревиатура *Кб* определяется как количество байт, равное 2^{10} или 1024 байта, а термин *килобайт* записан следующим образом: первая буква строчная, вторая – прописная (*кБ*) и имеет значение: “количество байт, равное 1000”. Написание названия единиц измерения в сокращенном варианте *кБ* используется редко, а в Толковом словаре Ваулиной сокращение *Кб* не рекомендуется использовать, т.к. необходимо отдавать предпочтение сокращенно *Кбайт* [2, 212]: *Емкость оперативной памяти обычно равна 640 Кбайт* [<http://economika-model.ronl.ru>]; *Крохотной была и память – от 8 до 32 килобайт*. Компрессия обоих терминоэлементов может вызвать нежелательную омонимию. Сокращение *КБ* термина *килобайт* становится омонимом распространенной аббревиатуры *КБ* “конструкторское бюро”. Кроме того, в словарях нет единообразия в подаче сокращений терминов. И.Л. Мостицкий образования с терминоэлементом *байт* сокращенно обозначает прописными буквами: *КБ, МБ, ГБ, ТБ* [3; 229, 251, 187, 383]. А в словаре Е.Ю. Ваулиной зафиксированы сокращения *Кб, Мб, Гб*, которые И.Л. Мостицкий использует для наименования величины *килобит*.

Помимо привычного сокращения двух терминоэлементов типа *Кб, кБ* может быть изъята вторая часть: *килобайт* – *кило*. На наш взгляд, возникновение слова *кило* обусловлено сходством со словом *килограмм*. Покупатели, приобретая весовой товар, измеряют его в килограммах. Говоря о компьютерном “товаре”, информации, пользователи исчисляют ее *килобайтах*. Возможное сходство в единицах измерения двух “товаров” и обусловило появление слова *кило*, бытующего за пределами терминологической лексики. В словаре Мостицкого

зафиксировано слово *кило* с пометой “жарг.”, т.е. сокращению подверглась вторая часть термина *килобайт*, по аналогии *килограмм* → *кило*.

Кроме того, при сокращении терминов могут наблюдаться изменения, обусловленные метафорическим переносом на основе сходства каких-либо явлений. Так, в словаре Мостицкого встречается жаргонное образование *метр* [С. 253]. Возможно, это связано с тем, что английское написание *МВ* (*МБ*) от термина *мегабайт* стало буквально читаться на русском языке, а в русском языке этот термин означает метровые волны: *Мой Атлон 1800 с 512 метрами памяти немного не успевает, пропускает небольшие фрагменты* [<http://forums.pinnacle.ru>].

На наш взгляд, более предпочтительными являются сокращения первой части термина с сохранением смысловоразличительного компонента: *бит*, *байт*.

В письменной речи префиксоиды подвергаются усечению и приобретают следующее написание: *Кбит*, *Кбайт*, *Мбит*, *Мбайт*, *Гбайт*, *Пбайт*, *Тбайт* и т.д. Однако в устной речи каждая часть сложного слова произносится или читается как полное слово. Такие письменные усечения слова или его части аналогичны сокращениям типа *г.* (год), *др.* (другие), *и т.д.* (и так далее), *и под.* (и подобное), *гр.* (гражданин), *ж.д.* (железная дорога). По мнению Е.Ю. Ваулиной, письменные сокращения *Кбит*, *Кбайт* произносятся и в устной речи (*Ка бит*), (*Ка байт*) [2; 212].

При использовании терминов *флос* и *флор* с префиксоидами *кило-*, *мега-*, *гига-*, *тера-*, *пета-*, *экса-*, *зетта-*, *йотта-* в письменной речи первый терминоэлемент также подвергается сокращению по аналогии со словами *килобайт* – *Кбайт*, *килобит* – *Кбит*, и возникают сокращения *Кфлос*, *Кфлор*, *Мфлос*, *Мфлор*, *Гфлос*, *Гфлор*, *Тфлос*, *Тфлор*, *Пфлос*, *Пфлор* и т.д.

Говоря об образовании сокращенных терминов, используемых для определения частоты, можно отметить употребление термина *герц* с соответствующими префиксоидами в трех вариантах: 1) первый терминоэлемент сокращается до прописной буквы, вторая часть термина пишется строчными буквами *гц* – *Кгц*, *Мгц*, *Ггц*, *Тгц*, *Пгц*: *В списке Format (формат) выберите РСМ 44, 100 Кгц; 16 бит; Стерео, что соответствует качеству музыкального компакт-диска.*

2) первый терминоэлемент сокращается и пишется со строчной буквы, вторая часть термина – с прописной *Гц* – *кгц*, *мгц*, *ггц*, *тгц*,

нГц: *Рабочая частота компьютера не превышает 100 кГц (несколько сот операций в секунду).*

3) оба терминоэлемента сокращаются и пишутся с прописных букв – КГц, МГц, ГГц, ТГц, ПГц: *Единственная из тестируемых карт, которая в состоянии воспроизвести и записать звуки в формате 24 бита при частоте дискредитации 96 КГц [Chip. 2002. № 3]; Процессоры, устанавливаемые в КПК, по частоте могут отличаться на порядок – от 16 МГц до 206 МГц (Потребитель. 2001. № 3); Эта технология поддерживается процессорами Pentium 4, работающими на частоте свыше 3.06 ГГц [Chip. 2002. № 3]; 1 ТГц соответствует длине волны 33 см [<http://ufolog.nm.ru>]; Процессор работает на частоте от 3.33 ПГц [<http://www.toster.ru>].*

Таким образом, в настоящее время мир переживает эпоху информационного взрыва, когда за считанные секунды по каналам и проводам передается большое количество информации. И с каждым годом объем этой информации увеличивается. Необходимость в номинации единиц измерения требует терминов, которые бы обозначали величины, определяющие количество, скорость, время и т.д. Информационный прорыв влечет за собой появление образований как с уже известными префиксоидами: кило-, мега-, гига-, тера-, так и созданными сравнительно недавно: пета-, экса-, зетта-, йотта-, хотя еще не ко всем терминам можно применить эти префиксоиды.

Литература

1. Баш Л.М., Боброва А.В. и др. Современный словарь иностранных слов. Толкование. Словоупотребление. Словообразование. Этимология. М., 2000. С. 113.
2. Ваулина Е.Ю. Мой компьютер. Толковый словарь. М., 2003. С. 55.
3. Мостицкий И.Л. Новейший англо-русский толковый словарь по современной электронной технике. М., 2003. С. 72.
4. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. С. 160.
5. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968. С. 97.
6. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993. С. 67.
7. Добромыслов В.А., Розенталь Д.Э. Трудные вопросы грамматики и правописания. Вып. второй. М., 1960. С. 56.

8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Том 1. М., 1999. С. 279.
9. Дорот В., Новиков Ф. Толковый словарь современной компьютерной лексики. СПб., 2002. С. 347.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 631.
11. Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 411.
12. Фридланд А.Я. Информатика и компьютерные технологии: Основные термины. Толковый словарь. М., 2003. С. 25.
13. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977. С. 92.

*Елец,
Липецкой обл.*

Как устроен деловой текст

© Н. В. МУРАВЬЕВА,
доктор филологических наук

Как правильно выбирать языковые средства для делового текста, мы уже обсуждали (Русская речь. 2005. № 1. С. 69). Однако есть еще одна трудность, с которой хотя бы раз в жизни сталкивался каждый из нас. Говорят, что деловые тексты “составляют”, а не “пишут”. Их на самом деле складывают так же, как складывают игрушки Lego. Поэтому, чтобы справиться с любым документом, надо знать, как он устроен: из каких частей он состоит и как – где и в какой последовательности – расположить эти части. И правила эти обычно строго закреплены государственными стандартами или узаконенной традицией.

В составе любого документа есть, прежде всего, две основные части – формуляр и собственно текст. Текстовая часть передает основную информацию документа. Формуляр же играет, на первый взгляд, вспомогательную, но очень важную роль: когда мы читаем какой-либо деловой текст, формуляр помогает нам быстро и точно разобраться, при каких обстоятельствах составили этот документ.

Формуляр, в свою очередь, распадается на вводящую (начальную) и удостоверяющую (конечную) части. Получается, что формуляр – это своего рода рамка, в которую помещается собственно текст; на листе сам текст располагается между вводящей и удостоверяющей частями. Обязательные смысловые блоки, которые должны быть в формуляре той или иной деловой бумаги, называются реквизитами.

Какие реквизиты могут быть в начальной части формуляра? Обычно это наименование документа (заявление, приказ, инструкция; заметим сразу, что единственный документ, наименование которого мы не даем, – это деловое письмо) и сведения о том, кто и кому направляет данный документ (если это не частные лица, то указывается их должность, фамилия, имя и отчество, при этом имя и отчество даются только как инициалы и следуют после фамилии; если частные лица – то должности не будет; в некоторых случаях нам нужно указать контактную информацию – адрес, телефон/факс, e-mail). Иногда в начальной части формуляра мы указываем порядковый номер, дату и

место выхода документа, а также его тему. Удостоверяющая часть включает в себя подпись того, кто направляет документ, а в некоторых случаях – расшифровку этой подписи (имя, отчество, фамилия удостоверяющего лица; имя и отчество, как мы уже знаем, даются в виде инициалов) и должность удостоверяющего лица. Иногда дата документа находится в удостоверяющей, а не в начальной части формуляра.

Не менее важно знать, в какой последовательности и на каком месте расположить на листе необходимые реквизиты. К тому же в некоторых деловых текстах есть особые реквизиты: например, в деловых письмах нужны также сведения о том, кто является исполнителем (это человек, который готовил окончательный текст документа и с которым можно связаться, чтобы уточнить те или иные детали, поэтому указываются полностью его имя, отчество и фамилия, должность и контактный телефон).

Понятно, что все здесь зависит от того, какой конкретно документ мы составляем. Например, в *служебной записке* до основного текста сначала указываем сведения о том, кому и кто направляет данный документ (справа, занимая одну треть листа, выравнивая обозначения по левому краю и начиная каждый реквизит с новой строки – Генеральному директору ТД “Глобус” [с новой строки] Сидорову В.П. [с новой строки] от коммерческого директора [с новой строки] Завьяловой Н.И.). Затем пишем наименование документа (ниже, через одну строку от уже названных реквизитов, по центру листа, прописными буквами – СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА). После основного текста записки следует должность удостоверяющего лица, его подпись и расшифровка этой подписи в круглых скобках (в одну строку, начиная слева, – Коммерческий директор – подпись – (Завьялова Н.И.)). Наконец, на новой строке, начиная слева, указываем дату составления записки (22.12.04 или 22 декабря 2004 г.).

Текстовая часть документа тоже может включать разные смысловые блоки. Это введение, которое кратко обозначает ситуацию, затем – изложение или доказательство (в этой части описываются детали ситуации или доказывається необходимость чего-либо) и, наконец, – заключение, где даются выводы, просьбы, предложения и рекомендации. Кстати, в текстовую часть одного документа нельзя включать содержание другого документа, этот последний дается отдельно, как приложение (например, в письме о перспективном плане не должно быть текста самого плана).

От того, какую деловую бумагу мы пишем, выбираем необходимые смысловые блоки. Например, в *заявлении* или *деловом письме* может быть либо только третий блок (просьба или приглашение), либо второй и третий блоки (обоснование просьбы + просьба; объяснение предложения + предложение); в *инструкции* может быть либо

второй блок (описание правил использования чего-либо), либо первый и второй блок (обозначение ситуации, в которой нам необходимы те или иные правила + описание этих правил), в *резюме* есть только второй блок и т.д.

Но прежде чем приступить к составлению деловой бумаги, полезно задать себе следующие вопросы.

1) Что из того, что мы хотим сообщить, представляет собой основную информацию (и войдет в основной документ), а что – дополнительную (и будет составлять приложение)?

2) О чем надо написать во вводящей части основного документа (до самого текста) и как расположить эти сведения?

3) Будут ли в данном документе введение, изложение и заключение; о чем будет написано в каждой из этих частей?

4) Что надо указать в удостоверяющей части документа?

Если нам известны ответы на все эти вопросы, мы знаем, как устроен деловой текст, который нам необходимо составить.

Видовые пары русского глагола

© Я. В. КОВАЛЕНКО

При изучении в школе темы глагольного вида у преподавателя возникают трудности в попытке исчерпывающе объяснить ученикам употребление вида глагола. Этой проблеме посвящены работы многих лингвистов (Н.С. Авиловой, Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгиной, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, А.В. Исаченко, М.А. Кронгауза, Ю.С. Маслова, С.И. Ожегова, А.Н. Тихонова, Е.Н. Ремчуковой, М.Ю. Чертовой, М.А. Шелякина и мн. др.). Трудности возникают прежде всего потому, что видовые пары образуются по-разному: от глаголов несовершенного вида при помощи приставок (префиксация) образуются глаголы совершенного вида, и такая видовая пара называется *перфективной*; от глаголов совершенного вида при помощи суффиксов образуются глаголы несовершенного вида, и такая видовая пара называется *имперфективной*. Эти типы видовых пар основные.

Видовая пара может образовываться супплетивным способом (разнокорневые глаголы: *брать* – *взять*, *ловить* – *поймать*).

Можно выделить еще один тип видовой пары, в которой образование происходит при помощи ударения (*нарезать* – *нареза́ть*, *пересыпать* – *пересыпа́ть*). Класс парных глаголов активно пополняется за счет перехода непарных глаголов в парные, неологизмов.

При образовании видовой пары у многозначных глаголов несовершенного вида выявлены следующие тенденции:

а) прямое и переносное значения совпадают;

б) прямое и переносное значения не совпадают: в прямом значении пара есть, в переносном значении – нет, т.е. лексико-семантический вариант представляет собой *imperfectiva tantum*; в прямом значении пары нет, а в переносном – есть;

в) и в прямом и в переносном значении глагол имеет видовую пару, но она образована при помощи только одного из префиксов, возможных для лексико-семантических вариантов с прямым значением, или образована при помощи другого префикса.

Обратимся к конкретным случаям.

Глагол *гаснуть* в своем прямом значении “переставать гореть, переставать светить” (*Огонь гаснет. Звезды гаснут*) так же, как и в переносном “ослабевать, терять силы, исчезать” (*Надежды гаснут. В больном гаснет жизнь*) имеет два видовых коррелята: *погаснуть* и *угаснуть*. Очевидно, что в современном языке для прямого значения частотна приставка *по-*, в то время, как для переносного значения характерна приставка *у-*, при этом *у-* является стилистически маркированной.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова глагол *гладить* представлен как глагол, имеющий два значения: 1. *что*. Делать гладким, выравнивать горячим утюгом или специальным механизмом. *Г. белье*. 2. *кого – что*. Легко проводить рукой по чему-н. *Г. волосы, по волосам. Г. по шерстке* (также перен.: *во всем угоджать, потворствовать*; разг. ирон.). *Г. против шерсти* (также перен.: *делать или говорить наперекор*; разг. ирон.). *Г. по головке* (также перен.: *потворствовать проступкам, потакать*; разг. ирон.). При образовании глагола совершенного вида и у лексико-семантических вариантов прямого и переносного значения используется префикс *по-*: *гладить – погладить*.

Видовая пара *маневрировать – сманеврировать* существует как в прямом (“производить маневр, маневры”), так и переносном значении (“ловко и предусмотрительно действовать, обходя возможные неприятности. *Маневрировать/сманеврировать в сложной обстановке*”).

Глагол *кланяться* имеет пять значений. 1. *кому*. Делать поклон. *Артист выходит к зрителям*. 2. *с кем*. Приветствовать при встрече наклоном головы, снятием шляпы. *К. со встречными знакомыми. Я с ним не кланяюсь* (в ссоре и потому не здороваюсь). *Честь имею к.* (приветствие при прощании; устар.). 3. *кому*. Посылать или передавать привет. *Кланяйся от меня друзьям*. 4. *кому чем*. Приносить в дар (стар.). *К. кому-н. хлебом-солью*. 5. *перен., кому и перед кем*. Обращаться с просьбой, униженно просить о чем-н. (разг.). *К. перед начальством*. Для всех пяти значений, в том числе и переносного, дан один глагол совершенного вида – *поклониться*. В то время, как лексико-семантический вариант “я с ним не кланяюсь” явно является одновидовым.

У глагола *сватать* может быть отмечено два основных значения: 1. Предлагать в мужья или (*за кого*) в жены. *Ему сватают невесту. За него сватают вдову.* 2. Просить себе (или для кого-н.) в жены. *Сваты приехали к купцу сватать у него дочь. Сватать дочь соседа (у соседа).* В своих основных значениях глагол *сватать* имеет видовую пару *сватать – посватать*. Но есть еще пара *сватать – сосватать*, которая также присуща и переносному значению: “усиленно рекомендовать занять какую-н. должность, выступить в качестве кого-н. или использовать в качестве кого-н. (разг.). *Его сватают к нам в руководители*”. С нашей точки зрения в современном языке у лексико-семантического варианта с переносным значением видовой коррелят отсутствует.

Глагол *венчать* имеет четыре значения. 1. *кого-что*. Возлагать (возложить) венец или венок в знак возведения в какой-н. сан, присвоения высокого звания. *В. на царство. В. чемпиона лавровым венком.* 2. *перен., что*. Находиться на верху чего-н. *Башню венчает рубиновая звезда.* 3. *перен., что*. Заканчивать собой что-н., успешно завершать (высок.). *Конец венчает дело.* 4. *кого (что) с кем*. Соединять браком по церковному обряду. *В. перед алтарем.* Форма совершенного вида *увенчать* отмечена как для основного значения, так и для переносных (2, 3). С нашей точки зрения значение (3) является фразеологически связанным и глагол употребляется как одновидовой.

Форма совершенного вида *вскипеть* для глагола *кипеть* в его первом значении (“о жидкости: бурлить, клочкотать, испаряясь от сильного нагрева. *Вода кипит. Самовар кипит* [кипит вода в нем]”) совпадает с формой совершенного вида этого глагола в переносном значении (“проявлять какое-н. чувство, волнение с силой, бурно. *Кипеть негодованием, злобой, возмущением*”).

Глагол *грабить* в своем прямом (“отнимать, похищать силой, заниматься грабежом. *На дорогах грабили разбойники*”) и переносном (“разорять, отнимая что-н., обременяя налогами, поборами, обирать”) значениях имеет один и тот же коррелят – *ограбить*.

У глагола *гулять* может быть пять значений. 1. Совершать прогулку. *Няня гуляет с ребенком. Ребенку нужно больше гулять. Гулять с собакой.* 2. *перен.* Перемещаться в разных направлениях; распространяться. *По комнатам гуляет ветер.* 3. Быть свободным от работы, иметь выходной день, отпуск (разг.). *Сутки дежурили, двое суток гуляли.* 4. Кутить, веселиться (прост.). *Гулять на свадьбе.* 5. *с кем*. Быть в близких, любовных отношениях (прост.). Для всех значений существует один коррелят – *погулять*, в то время как несовершенный вид в значении (2) является непредельным и, следовательно, одновидовым.

Глагол *пушить* в своем прямом (“делать пушистым. *Пушить шерсть*”) и переносном (“бранить, ругать”) значениях характеризуется наличием коррелята *распушить*.

Глагол *рисовать* имеет два переносных значения: (“1. Изображать, представлять в образах. *Воображение рисует будущее*. 2. То же, что обрисовывать. *Рисовать сложившуюся обстановку*”) и основное значение: (“изображать предметы на плоскости при помощи графических средств. *Рисовать карандашом, углем, красками*”). Для всех трех значений отмечена форма совершенного вида – *нарисовать*. Нам кажется, что для несовершенного вида (2) будет еще и видовая корреляция с глаголом *обрисовать*, на что указывает и словарная статья (*рисовать* – то же, что *обрисовать*).

При решении поставленных задач в изучении видовой парности в лексикографическом аспекте, на наш взгляд, оказались следующие положения.

Основными процессами видообразования являются и имперфективация и перфективация. Перфективация в современном русском языке – важный способ образования видовых пар, в том числе и видовых пар от двувидовых глаголов. 72% всех пар от двувидовых глаголов являются префиксальными. Этот факт свидетельствует об активности и продуктивности перфективации в современном русском языке.

В русском языке при образовании префиксальных пар используются 16 видообразующих приставок. В современном видообразовании самыми продуктивными являются префиксы *по-*, *с-*, *про-*, *за-*.

Видовые пары образуются не по единой модели. Анализ позволил увидеть, что практически все префиксальные пары в своей основе представляют собой тот или иной способ действия. Вид как глобальная грамматическая категория “черпает” возможности своего дальнейшего развития в способах глагольного действия. В системе современного русского языка парных по виду глаголов большинство. Они составляют более 97% всей глагольной лексики.

Во многих словарных статьях обнаружены неточности и расхождения, связанные с недостаточно адекватным отражением видовой парности многозначных глаголов с прямым и переносным значением. Это подтверждает давно назревшую необходимость в создании глагольного аспектологического словаря, учитывающего современное состояние видовой системы русского языка, отвечающее реальному функционированию глаголов. Естественно, тестирование видовых пар с помощью функционального критерия – нелегкий труд, т.к. видовые соответствия необходимо проверять не только на уровне значений, но и на уровне употребления, тем не менее, лексикографы в своих работах должны стремиться реализовывать данный подход.

В современном языке процесс развития видовой парности активизируется, терминология обогащается новыми понятиями и представлениями, поэтому очень важен учет и отражение тех изменений, которые реально происходят в видовой системе.

Литература

- Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Ремчукова Е.Н.* Морфология современного русского языка. Категория вида глагола. М., 2004.
- Русская грамматика.* М., 1980. Т. I.
- Тихонов А.Н.* Русский глагол. М., 1998.
- Черткова М.Ю.* Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
- Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.

Лингвистический комментарий к футбольным баталиям

© Г. В. БОБРОВСКАЯ,
кандидат филологических наук

Интересный материал для исследования литературной нормы в сфере лексики и фразеологии представляет жанр спортивного комментария, главным образом, футбольных баталий. Здесь можно выделить следующие моменты:

- 1) собственно номинация (лексико-фразеологическими средствами) футбольных реалий;
- 2) стилистическое использование языковых средств в жанре футбольного телевизионного комментария;
- 3) речевые ошибки, связанные с отступлением от действующих норм словоупотребления.

Значительное место в числе номинаций первого типа отводится лексике, заимствованной из английского языка. Иноязычное заимствование представляет собой само название спортивной игры *футбол* (как и *баскетбол*, *волейбол*, *гандбол* и других спортивных игр с мячом). Как полагает Л.П. Крысин, многочисленные заимствования приживаются в языке, в частности, благодаря “тенденции к цельности обозначения”. Так, нерасчлененность номинации объясняет устойчивое употребление в спортивном дискурсе слова *овертайм* вместо сочетания *дополнительное время* [1]. Критерию цельности обозначения отвечают и такие англицизмы, как *офсайд* “положение вне игры”, *лайтсмен*, “боковой судья”, *пенальти* “одиннадцатиметровой удар” (показательно, что данное слово утрачивает грамматические характеристики среднего рода; предпочтение отдается согласованию в форме мужского рода: *мощный пенальти*).

Калькирование – “генетически” присущий футболу способ номинации: *фэр-плей* “честная игра” (от англ. *fair play*); *плеймейкер* “наиболее активный, ключевой игрок” (от англ. *playmaker*). Отметим, что принятое в спортивном дискурсе новообразование *плеймейкер* “тот, кто делает игру” создано по заимствованной модели (сравните аналогичное *нюсмейкер* «тот, кто “делает” новости; человек, дающий по-

вод для новостей». Любопытно, что именно кальку с английского *be-regite себя* (от англ. take care) выбрал в качестве завершения передачи “На футболе” комментатор В. Гусев.

Займствованная футбольная лексика не исчерпывается однословными наименованиями, заменяющими русские описательные обороты. Такие номинации, как *голкипер* “вратарь”, *форвард* “нападающий”, *фол* “ошибка, нарушение” и проч. не заменяют собой русского эквивалента в виде словосочетания. Однако названные иноязычные синонимы традиционно являются важной частью футбольной терминологической микросистемы; устойчивый характер их употребления выражается, в частности, в способности изменяться по русским слово- и формообразовательным моделям: *футболисты фолят*. Слово *фол* (от англ. foul play “нечестная игра”) вообще вышло за рамки спортивной терминологии, стало употребляться шире – в значении “нарушение правил”: *Приходится действовать на грани фола*.

Вместе с тем в футбольном комментарии зачастую употребляются немотивированные, неоправданные заимствования: *На трибуне вспыхивают файеры* (от англ. fire “огонь”; имеются в виду дымовые шашки, зажженные болельщиками). Интересно, что ненормативный характер некоторых заимствований осознается комментаторами, испытывающими, однако, затруднения в своевременном и точном подборе русского синонима. Например, слово *сэйв* (от англ. save) в значении “спасение ворот” вводится в контекст следующим образом: “Не было пока таких *сэйвов* – не все любят это слово, но у нас нет русского эквивалента” (“Россия–Португалия”, 2004. 16 июня).

Любопытный пласт футбольной терминологии представляют собой заимствования не из английского языка, например, итальянское *тиффози* “болельщики”, перифрастическое название итальянской национальной сборной команды по футболу “*Скуадра адзурра*” (дословно “голубая эскадра”, по цвету спортивной формы). Думается, подобные номинации можно отнести к специфическим футбольным экзотизмам.

В числе словообразовательных способов, характерных для футбольной терминологии, отмечаются различные виды компрессивного словообразования:

усечение (касается как заимствований: *хав* от *хавбек* “полузащитник”, так и русских номинаций: “*Локо*” от “*Локомотив*”;

сложение: *футзал* “футбол в зале” (производное *футзальный*);

суффиксация: *забивной (игрок)* “игрок, который забивает много голов”, *угловист* “игрок, выполняющий угловые удары”;

конверсия: общеспортивное *сборная* вместо *сборная команда*, *стандарт* вместо *стандартное положение*;

смешанные способы: “*Крыльышки*” – название команды “*Крылья Советов*”. Помимо способов, образующих более короткие производ-

ные единицы, используются и противоположные способы номинации, например, перифрастическое *игровой снаряд* “мяч”. В футбольном комментарии активно употребляются глагольно-именные сочетания, характерные для спортивного дискурса в целом: *играть в обыгрыш* “обыгрывать”, *делать забегание* “забегать”, *нанести удар* “ударить” и т.п.

Чрезвычайно широко представлены в футбольном комментарии метафорические номинации: *золотой гол* “забитый в добавленное время гол, после которого игра прекращается”; *мертвый мяч* “мяч, который очень трудно отбить” (отмечено также каламбурное словоупотребление *мертвый мяч, мертвее не бывает* в комментарии к игре “Локомотив–Монако” 2004 г.). В качестве примеров узуальных образных выражений можно привести также *плести кружева* “использовать сложную систему передач, передавать мяч от одного игрока к другому”; *играть в роли волнореза* (*выступать/быть волнорезом*) “мешать соперникам продвигаться к воротам (обычно в центре поля)”. Функционируют специфические футбольные вторичные номинации: *король футбола* – Пеле; *королевский клуб* – “Реал Мадрид”; *немецкая машина (каток)* – сборная Германии; *второй Марадона/Бэкхем*, ... (ряд открыт, позиция замещается фамилией наиболее популярного в мире футболиста).

Специфика жанра – необходимость дать оперативный комментарий на происходящее на поле – обуславливает использование большого числа речевых штампов: *выполнить большой объем работ*; *на острие атаки*; *начались звоночки в ворота*; *идет отчаянная борьба*. Подобные выражения позволяют достичь информативной насыщенности при экономии языковых средств. С футбольными штампами сближаются и фразеологически связанные сочетания типа *футбольная погода* “сухая погода, температура воздуха около 15–17°C”. На устойчивый характер подобного словоупотребления указывает следующий контекст: “Погода, которую принято называть *футбольной*”.

Впрочем, было бы несправедливо обойти вниманием “словотворческую деятельность” футбольных комментаторов, использующих, помимо вышеперечисленных стандартных средств, целый арсенал изобразительно-выразительных приемов и, главным образом, каламбуров. В.З. Санников отмечает, что “каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо 1) разных значений одного слова, либо 2) разных слов (словосочетаний), тождественных по звучанию (омонимов), либо 3) разных слов (словосочетаний), сходных по звучанию (паронимов), либо 4) псевдосинонимов, либо 5) псевдоантонимов” [2].

Чаще всего в футбольном комментарии встречаются типы каламбурных семантических преобразований, основанные на многозначности. Так, полисемия лежит в основе языковой игры в контексте: “Этот

игрок хорошо *работает головой*” (возникает двусмысленность: в физическом смысле или хорошо соображает?); омонимия – в каламбуре “Побольше б в футболе хороших *голов*!” (забитых мячей или умных игроков, впрочем, одно является следствием другого...) Мощный источник футбольных каламбуров – созвучие слов. Только ленивый комментатор, пожалуй, не шутил по поводу фамилии футболиста Фигу (“Португальцы показали Фигу”); или, например, как обыгрывает на украинский манер В. Уткин фамилию французского игрока Живе: “Хай, Живе!”

Из средств выразительности особо следует отметить использование крылатых слов в футбольном комментарии. Например, в ситуации, когда игрок имитирует травму, комментатор удачно вспоминает легендарную фразу Станиславского: «Арбитр посмотрел на игрока и сказал: “*Не верю!*”» (“Динамо Киев – Байер”. 2004 г.). Вот уж действительно, “весь мир – театр, и люди в нем – актеры”... В играх международного уровня уместна активизация фоновых знаний болельщиков. Например, в игре сборных Дании и Швеции на чемпионате Евро-2004 выход команды в следующий тур был обозначен “датским вопросом” *Быть или не быть?*; занявшие прочную оборону датские футболисты названы *стойкими оловянными солдاتي́ками* (аллюзия к сказке Андерсена). Примером “староноведческого” комментария может служить и реплика в матче сборных Англии и Португалии: в ситуации, когда арбитр из Швейцарии смотрит на секундомер, комментатор замечает: “Времени осталось мало... А время измеряют на родине арбитра Урса Майера”.

Касаясь темы национальной специфики в футбольном комментарии, можно попутно отметить паралингвистические особенности. Дело в том, что для русской речи не характерен чрезмерно экспрессивный комментарий (в радио- и телерепортаже); и памятное поколениям болельщиков протяжное “*Го-о-о-л!*” Н. Озерова и других выдающихся комментаторов значительно отличается от речевого стандарта стран романской языковой группы (Испании, Италии, Португалии, стран Латинской Америки).

Наконец, говоря о речевых ошибках и недочетах, возникающих в ходе футбольного комментария, следует выделить нарушения норм словоупотребления: “Не удержал мяч вратарь, но добить *его* было некому”. Как справедливо заметили Д.Э. Розенталь и И.Б. Голуб в популярном пособии “Секреты стилистики”, знание литературных норм позволяет избегать подобных ошибок. Действительно, подчас в футбольном комментарии создаются невольные, неосознанные каламбуры, возникают двусмысленности, связанные с нарушением лексических и грамматических норм. Например, логически неудачным может быть признан такой выбор словоформы: “Игрок не может пользо-

ваться левой ногой". Использование творительного орудийного падежа создает в данном случае нелепое сочетание.

Не могут быть признаны удачными и некоторые окказиональные словоупотребления, к примеру, попытка назвать членов сборной команды *сборниками* (возникает стилистически неоправданная омонимия). Характерным недочетом является и тавтология, хотя в некоторых случаях комментатор специально прибегает к этому эффектному средству усиления экспрессии: "*Рисковать будет рискованно, уж простите вашему комментатору эту тавтологию*" ("Локомотив – Монако". 2004 г.).

Фразеологизмы как эмоционально-оценочные и образно-экспрессивные языковые единицы находят самое широкое применение в футбольном комментарии. Однако в некоторых случаях контаминация, смешение фразеологических единиц, создает стилистически неудачные контексты: "*Этот игрок сегодня полностью, с ног до головы, не в своей тарелке*". Контаминация может затемнить смысл высказывания: так, на чемпионате мира 2002 г. сборная Бельгии была названа *серой лошадкой* (*темная лошадка*, которая может неожиданно выйти в лидеры, *серая мышка*, ничем не примечательная команда, или *серый кардинал*, который имеет тайные рычаги влияния?).

К сожалению, спонтанный характер комментария порождает разнообразные грамматические недочеты: неудачный эллипсис типа *исполняет главного форварда* (вместо *исполняет роль...*); неоправданный выбор страдательной конструкции: *будет вступлено в борьбу* (вместо *вступят в борьбу*). Особая тема – употребление форм имен и фамилий, поскольку в футбольном комментарии нередко предпочтение отдается не строго-нормативному, а разговорному варианту: "*Игрок смотрит на итальянского арбитра Коллину*"; "*у грузинского игрока Ошветии*". При восприятии на слух особенно заметны оказываются звуковые повторы, не соответствующие критериям благозвучия: *у руля "Уралмаша"*.

В ряду речевых комментаторских недочетов выделяется типичное сочетание *автор гола*. Проблема лексической сочетаемости слова *автор*, безусловно, шире собственно футбольной тематики. Как указывал К.С. Горбачевич, требование правильности речи накладывает запрет на сочетаемость *автора гола/прыжка* и т.п.; нормативными являются *автор книги, музыкального произведения* и подобные сочетания. Однако в современной речевой реальности ситуация иная: первоначальное высокое значение "творец, основатель, сочинитель" забылось и слово расширило свою семантику. Помимо того, что за сочетанием *автор гола* стоит мощный узус, по аналогичной модели образуются все новые сочетания: "*Этот рефери становится автором штрафа*" (В. Гусев в игре сборных России и Уэльса в 2003 г.) Положительная нормативная оценка подобных сочетаний все-таки представляется спорной.

В завершение лингвистического комментария к комментарию футбольному скажем, что футбол – зрелищная спортивная игра, любимая миллионами и нередко сравниваемая с самой жизнью. Неслучайно в выдающихся матчах комментаторы сравнивают накал спортивных эмоций на поле с жизненным драматизмом. Яркие спортивные спектакли, когда таковые случаются, отражают нечто большее, чем спортивные состязания; за ними стоят и мудрость расчета, и сила воли, и борьба характеров (часто – национальных характеров). И если футбол – это в какой-то степени отражение действительности, то футбольный комментарий – это своеобразное отражение языковой действительности, со всеми уязвимыми сторонами.

Литература

1. Крысин Л.П. Проблемы лексикографического представления новых иноязычных заимствований // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. С. 251.
2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. С. 497.

Волгоград

Говорка ... переговоры

Русская дипломатическая лексика

© М. Ф. ШАЦКАЯ,

кандидат филологических наук

В отношениях между государствами время от времени возникают военно-политические, территориальные, экономические и другие спорные вопросы. Испытанным мирным средством их разрешения искони были переговоры. К ним всегда прибегала Древняя Русь, Московия, Русское государство. Они не сняты с “вооружения” и в наше время.

В русской письменности до начала XVIII века встречается много слов, обозначающих понятие “дипломатические переговоры”: *говорка* /*говоря*, (XV в.), *разговор(ы)* (XV–XVII вв.), *договор(ы)* (XVI–XVII вв.), *негоциация* (с середины XVII в.) и др., например: “И князь великий послал к ним на *говорку* боарина своего князя Ивана Юрьевича да Ивана Борисовича” (1478 г. Здесь и далее курсив в цитатах наш. [1]); “И высылал князь великий к послам с ответом и на *говорю* князя Ивана Васильевича Шуйского да Михаила Юрьева” (1526 г. [2. Т. 1]); “Да се *говорити* Еске Волохову кунсолосу кафинскому и кафинцом, а после посолства в *розговоре* и Олексею им о том *говорити*” (1475 г. [3. Т. 1]); “Не ждав малых дней, прервать *договоры* и учинить, оставя их, с турки мир” [2. Т. 9]. Некоторые из них эпизодически встречаются в памятниках права начала XVIII века.

Однако в дипломатическом языке этого столетия значение “переговоры” передавалось в основном лексемами *негоциация*, *трактование* и *переговоры*. По частоте использования в дипломатическом языке на первом месте был латинизм *негоциация* (*negotiatio*), пришедший в русский язык через немецкий (*Negotiation*) и польский (*negocjacja*). Единично он употреблялся в языке с середины XVII века: он нам встретился в Союзном трактате, заключенном Россией и Бранденбургским курфюршеством (в 1656 году [4. Т. 5]). Для примера приведем несколько цитат из памятников XVIII века: “Министр его опять в новую *негоциацию* с морскими державами вступил” [5. Т. 4]; “На то ему он [милорд] объявил свое мнение к начатию той *мирной негоциации*” [5. Т. 8].

Со словом *негоциация* соотносится полонизм *негоциатор* (*negocjator*; ср. французское *négociateur* – “посредник”) – “уполномоченный для ведения переговоров”: “Тогда настанет для господина посланника Стахиева удобный момент учинить *негоциаторам* Оттоманским выше сего означенное объявление...” [6. Т. 26]. В памятниках дипломатии использовалась и глагольная лексема *негоцировать* – “вести переговоры”: “О том же министры прилежно *негоцируют* здесь с голанским посланником” [7. Т. 1].

Слово *негоциация* попало в словари начала XIX века: “**Негоциация**. Слово значит переговоры...” [8. Ч. 2]; “**Негоциация** – дипломатические переговоры” [9. Т. 2]. В XX веке это заимствование выходит из активного употребления, о чем свидетельствует помета в Словаре Д.Н. Ушакова – “редко, офиц. дипл.” [10. Т. 2], а также “устаревшее” в 17-томном Словаре [11. Т. 7].

На правах синонима слова *негоциация* в практическом языке русских дипломатов употреблялся также полонизм *трактование* (*traktowanie*): “Даем сим полную мочь послу нашему <...> Куракину к *трактованию* с их высоковеличества господам Статам <...> Нидерландов о комерции” [12. Т. 12 (2)]; “Нет намерения допустить татар к непосредственному *трактованию* с Портою о признании их независимости” [6. Т. 26].

Употреблялся и глагол *трактовать* (ср. польское *traktować* от латинского *tractare* “обсуждать”) в значении “вести переговоры, договариваться”, известный по дипломатическим памятникам с 90-х годов XVII века: “Его цесарское величество с теми послы болши *трактовать* не будет” [2. Т. 7]; “Король Венгерской соглашается на status quo в точном смысле, хочет немедленно заключить с турским перемирие и *трактовать* с ним о мире” [6. Т. 26].

Глагол *трактовать* нашел отражение в Сборнике 1730 года: “**Трактоват** – договариваться” [13. Т. 88]. В Словотолкователе Н. Яновского указан латинский источник и три значения: “**Трактовать**. Лат. 1. Рассуждать, толковать, писать о чем-либо. 2. Говорить,

беседовать, вести переговоры, договариваться о чем-либо. 3. Угощать, потчевать..." [8. Ч. 3]. В Словаре 1847 года дано четыре значения, первое из них дипломатическое: "**Трактовать**. 1. Вести переговоры с иностранною державою" [9. Т. 4]. Современные словари это значение не отмечают.

Как синоним к словам *негоциация*, *трактование* с середины XVIII века начинает довольно активно употребляться исконно русское образование от глагола *переговорить* – *переговоры*. Кстати заметим, что в ед. числе *переговор* в значении "разговор, беседа, пересуды" едва ли не впервые появляется в судебных документах процессов по государственным преступлениям под 1630 годом: «Слышал он в *переговоре* от стрельцов, что Савинко Васильев, побранясь с Федоровым человеком <...> говорил: "топерва де сию в тюрьме, а буду де вам царь"» [14. Т. 1]. В документах первой четверти XVIII века это слово нам не встретилось, однако в Лексиконе 1704 года оно есть в статье "Коммуникация": "**Коммуникация** – *переговор, сообщение*" [15. Т. 88]. В Журнале Петра Великого под 1720 годом *переговаривать* употребляется в значении "вести переговоры": "*Якобы переговаривали с бароном Герцом об особливом мире*" [16. Т. 2].

В деловых бумагах XVIII века встречается существительное *переговоры* уже в современном значении: "Ея Имп. Всероссийское Величество <...> соизволила приказать своим министрам, а именно: своему канцлеру <...> Алексею Бестужеву-Рюмину, а равно своему вице-канцлеру <...> Михаилу Воронцову *войти в переговоры* по этому предмету с вышепереченным чрезвычайным и полномочным послом Великобританского величества при сем Дворе" [17. Т. 9]; "Ея В. Императрица и Е.В. Король Прусской обязуются <...> но и не *вступать* ни в какие *переговоры*" [17. Т. 6]; "Франция уполномочила Гривеса *войти в переговоры* с нашим министром" [6. Т. 13].

Как и заимствование *негоциация*, слово *переговоры* употреблялось в сочетании с прилагательными *мирный*, *тайный*: "Движимыя этими чувствами и намерениями их величества открывали в этих видах несколько раз *мирные переговоры*" [17. Т. 2]; "Король шведский сам противится сим *тайным переговорам*" [6. Т. 26].

Слово *переговор(ы)* отражено и в словарях второй половины XVIII века, например в "Российском целларусе 1771 г.": "*переговор* <...> *мирные переговоры*" [18]; "*Переговор* в просторечии *переговорка*. 1. Взаимное сношение, объяснение между кем о каком-нибудь деле. *Мирные переговоры*. 2. Пересуды, осуждение, опорочивание кого" [19. Ч. 2]; Словарь 1847 года отмечает: "*Переговор*, но употребительнее *переговоры*" [9. Т. 3] (далее следует толкование двух значений этого слова, близких к толкованиям в САР-1). Как дипломатический термин слово *переговоры* употребляется в современном русском языке.

Литература

1. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949.
2. Памятники дипломатических сношений России с империей Римской. СПб., 1851.
3. Крымские дела. СПб., 1884.
4. Собрание трактатов и конвенций ... СПб., 1874.
5. Архив князя Ф.А. Куракина. М., 1711.
6. Архив князя М.С. Воронцова. СПб., 1777.
7. Реляции князя А.Д. Кантемира из Лондона. СПб., 1733.
8. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1803–1806.
9. Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847.
10. Толковый словарь русского языка. М. Под ред. Д.М. Ушакова. 1938.
11. Словарь современного русского литературного языка. М., 1965.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1712.
13. Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1910.
14. Слово и дело государево. М., 1911.
15. Лексикон вокабулам новым. Сб. ОРЯС. СПб., 1910.
16. Журнал Петра Великого. СПб., 1720.
17. Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1874.
18. Российский целлариус. СПб., 1771.
19. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1789–1794.

Волгоград

И.А. Бодуэн де Куртенэ и Словарь В.И. Даля

© С. В. НАУМЕНКО,
кандидат филологических наук

*Прошлое научной мысли рисуется
нам каждый раз в иной и все новой пер-
спективе. Каждое научное поколение от-
крывает в прошлом новые черты.*

В.И. Вернадский

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) один из ярчайших языковедов мира, основатель Казанской лингвистической школы, имя которого в равной мере принадлежит и русской, и польской науке. Его теоретические и методологические постулаты, необычайно широкий круг научных интересов во многом определили облик лингвистики не только XIX века, но и всего 20-го столетия: первая теория фонемы и первая в России лаборатория экспериментальной фонетики, истоки морфонологии и морфемики, типологическая классификация славянских языков по долготе – краткости гласного и функции ударения, славянская диалектология, причины языковых изменений, идея о социальной и территориальной дифференциации языков, тайные языки и жаргоны.

За научные заслуги И.А. Бодуэн де Куртенэ был избран действительным членом Краковской Академии наук, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (1897), удостоен звания почетного доктора Казанского, Тартуского, Варшавского университетов, являлся членом Львовского, Познаньского, Вильнюсского и Парижского научных обществ [1. С. 201].

Глубокий интерес И.А. Бодуэна де Куртенэ к лексикографическим проблемам проявился в напряженной работе над переизданием “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля, занявшей несколько лет [2. С. 217–222].

Первое издание Словаря В.И. Даля (1863–1866) выходило с большими перерывами, так что, по свидетельству современников, в то время, “как появились последние книжки, первых уже не было в продаже” и полный словарь стал библиографической редкостью [3. С. 569–570]. Кроме того, выпуски сопровождалось многочисленными комментариями, которые содержали замечания и дополнения, поэтому

В.И. Даль еще до окончания выхода первого издания Словаря приступил к коррективке материала для второго, но эта работа так и не была завершена, оборвавшись с его смертью в 1872 году.

Право второго издания Словаря со всеми изменениями и правками после смерти В.И. Даля приобрел книгоиздатель М.О. Вольф. Оно вышло в 1880–1882 году с подзаголовком “Исправленное и значительно умноженное по рукописи автора”. Однако современники дали ему отрицательную оценку. В рецензиях сообщалось, что издание осуществляется “частным предпринимателем”, бесконтрольно, на основании лишь “простого доверия покупателя к фирме, когда есть целые ряды разнообразных учебных учреждений, начиная от Академии наук до разных местных филологических обществ”. Словарь “неизвестно кем редактируется”, под чьей ответственностью, и, если “подчас вы остановитесь в тупике перед тем или иным объяснением слова, вам не к кому обратиться, нет у вас лица, которое поручилось бы вам за *верную передачу работы автора и его многолетних изучений*” ([3. С. 570]. Курсив наш. – С.Н.).

Как удалось установить М.В. Канкаве, автору обширной монографии “В.И. Даль как лексикограф”, действительно, более десяти процентов дополнений второго издания не принадлежат В.И. Далю. На листах первого издания, куда В.И. Даль вносил свои поправки, кроме почерка автора встречаются еще, как минимум, два других, один из которых, предположительно, принадлежал профессору Новороссийского, а затем Варшавского университета П.Н. Полевому [4].

К числу таких неавторских изменений относятся, например, исправления в гнездовании и толковании отдельных слов, пропуск ряда выражений, новый этимологический комментарий и существенное изменение орфографии, противоречащее заявленным В.И. Далем в “Напутном слове” к Словарю постулатам собственной “правописи”. При этом во втором издании нет никаких условных знаков, которые позволили бы читателю разграничить собственно авторские и неавторские дополнения.

Накануне столетия со дня рождения В.И. Даля книгоиздательское общество М.О. Вольфа вновь выступило с инициативой третьего переиздания Словаря. Не желая повторять прежних ошибок, редакция обратилась к общественности с вопросом, насколько действительно необходимо переиздание данного словаря и каким оно должно быть: “переработать его совершенно вновь или же сохранить в прежнем виде, лишь исправив и дополнив, сообразно с новейшими данными науки” [5. Предисловие. С. II]. Программа третьего издания встретила широкую поддержку, редакция получила массу писем с предложениями и пожеланиями, в которых подчеркивалось, что эту “единственную в своем роде обширную энциклопедию русской речи, охватывающую одновременно все проявления внутренней и внешней обиходной жиз-

ни” следует, по возможности, “сохранить в неприкосновенности” [5]. В числе откликнувшихся были, в частности, Е.Ф. Будде, А.С. Будилович, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, В.В. Розанов.

Возглавить работу над третьим изданием согласился И.А. Бодуэн де Куртенэ. Она продолжалась шесть лет (1903–1909) и во многом определила последующее развитие теории и практики составления словарей, заслуженно поставив ученого в ряд крупнейших отечественных лексикографов.

Свою редакторскую задачу он видел “прежде всего в смысле усовершенствования подробностей внешней отделки словаря, исправления ошибок и включения слов, почему-либо пропущенных Далем, а также тех новых, которыми обогатился живой русский язык за последние годы... Но Даль должен остаться Далем”. Монументальный труд Даля, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, “сам по себе заслуживает переиздания и навсегда останется памятником литературы” уже потому, что не только является “одною из самых богатых сокровищниц речи человеческой”, но и представляет уникальнейший материал “для исследования миросозерцания русского народа” [5. С. IV].

Общий объем дополнений в новом издании, по подсчетам И.А. Бодуэна де Куртенэ, составил двадцать процентов или 224 листа [5. Послесловие. С. IX–X]. О том, насколько ответственно он относился к работе, говорит тот факт, что почти каждый лист проходил шесть, семь, а иногда и двенадцать корректур. Не случайно И.А. Бодуэн де Куртенэ сравнивал свой труд редактора с “горьким трудом рудокопа, вынужденного собственными руками добывать разные драгоценности и сокровища” [5. Предисловие. С. XI].

Основные особенности третьего издания Словаря В.И. Даля заключаются в следующем:

1. Для того, чтобы читатель мог легко разграничить собственно текст В.И. Даля и нововведения редакции, И.А. Бодуэн де Куртенэ разработал особую систему из десяти условных знаков, которыми и отмечены все изменения третьего издания. Так, в квадратные скобки помещены дополнения редакции непосредственно к тексту В.И. Даля. Этот знак сопровождает и отдельные слова, и целые словарные статьи, а также вопросы, предостережения и уточнения редактора. В фигурные скобки заключены “лишние”, с точки зрения И.А. Бодуэна де Куртенэ, слова, как правило, областного происхождения, а специальный знак указывает на архаичные, “неживые” слова, включенные В.И. Далем “без нужды, вопреки общему характеру словаря”, знак [!] указывает на недопустимость предлагаемого В.И. Далем толкования значения слова или его словообразовательных связей [5. С. XIII]. Таким образом читатели получили “полную возможность знать, что в словаре осталось от Даля, а что дополнено или прибавлено” [5. Послесловие. С. III].

2. Большим “неудобством” прежних изданий Словаря В.И. Даля И.А. Бодуэн де Куртенэ считал гнездовой порядок слов “в ущерб алфавитному”. Из-за этого многие слова оказались “так хорошо запрятаны”, что нередко даже “специалисту по языку приходилось долго думать и искать”, прежде чем ему удавалось “открыть место ссылки интересного незнакомца” [5. С. V]. Первоначально И.А. Бодуэн де Куртенэ попытался сохранить расположение слов по гнездам, облегчив поиск нужного слова с помощью последовательных алфавитных указателей, для чего приходилось часто либо менять прежний порядок слов внутри гнезда, либо разбивать “придуманые” В.И. Далем гнезда на два, а то и на три самостоятельных.

Видимо, поэтому, начиная уже с буквы *Н*, И.А. Бодуэн де Куртенэ ввел строго алфавитный порядок слов, указывая, в каком гнезде раньше находилось у В.И. Даля то или иное слово.

3. Существенно изменено содержание словарных статей, посвященных буквам русского алфавита. Во-первых, И.А. Бодуэн де Куртенэ устранил свойственное трактовке В.И. Даля отождествление понятий буквы и звука. Во-вторых, при объяснении природы звуков он анализировал “акустическое или слуховое впечатление”, особенности артикуляции, ее возможные изменения под воздействием окружающих звуков, рассматривал соответствующие графемы. Действительно, трудно не согласиться с И.А. Бодуэном де Куртенэ, утверждающим, что “читатель нигде больше в научной литературе не найдет подобных объяснений” [5. С. VII].

4. В Словарь был введен весь лексикографический материал, накопившийся после выхода первых двух изданий или по каким-либо причинам не использованный в свое время В.И. Далем: “Опыт областного великорусского словаря” (1852 г.), “Дополнения к опыту областного великорусского словаря” (1858 г.) и т.д. Использовал И.А. Бодуэн де Куртенэ и собственные записи казанского периода.

Объем словника был увеличен в том числе и за счет включения большого количества “неприличных” слов. Этого, как считал И.А. Бодуэн де Куртенэ, требовала лексикографическая объективность. Словарь не может “урезать и кастрировать живой язык”, не вправе его “переделывать и скрывать то, что в нем действительно есть и бьется интенсивной жизнью”, даже если это «режет ухо чопорных педантов-моралистов. Как по поговорке “из песни слова не выкинешь”, так и из словаря живой речи нельзя выкинуть даже тех слов, которые режут ухо» [5. С. VI].

Такая позиция редактора подверглась “ожесточенным упрекам и нападкам” многих подписчиков, потребовавших немедленно исключить из словаря все “сквернословия, ругательства, мерзость площадного жаргона, проституции, разврата, дикого и разнузданного эротизма” [5. С. VII].

5. Значительно упорядочен семантико-грамматический комментарий слов: проверены и уточнены историко-этимологические справки; для иноязычных слов указана орфография языка-источника; омонимы снабжены порядковыми номерами; указаны трудные с точки зрения образования формы косвенных падежей у существительных и личные формы глагола. В качестве заглавного слова в третьем издании выступает форма инфинитива глагола совершенного вида как “морфологически первообразная” и “первичная” (у В.И. Даля гнездо открывал инфинитив глагола несовершенного вида). И.А. Бодуэн де Куртенэ последовательно, в отличие от первого и второго изданий, привел ударение у слова.

6. И.А. Бодуэн де Куртенэ осуществил корректировку “правописи” В.И. Даля, орфографию которого он считал “устаревшей” и иногда “слишком односторонней”. Исправление коснулось, главным образом, следующих пяти групп написаний: *беспалубный, бесхитростный, чересполосный* (В.И. Даль) – *безпалубный, безхитростный, черезполосный* (И.А. Бодуэн де Куртенэ); *бесловный, воставать, и(з)страдать, расрочить* (В.И. Даль) – *безсловный, возставать, изстрадать, разрочить* (И.А. Бодуэн де Куртенэ); *соображать или сображать, со(о)тветить, во(о)ружать* (В.И. Даль) – *соображать, соответить, вооружать* (И.А. Бодуэн де Куртенэ); *бесмысленный, особенный, подсушенный* (В.И. Даль) – *бесмысленный, особенный, подсушенный* (И.А. Бодуэн де Куртенэ); *безызвозная, безызносный, безыскусный* (В.И. Даль) – *безъи(ы)звозная, безъи(ы)зносный, безъи(ы)скусный* (И.А. Бодуэн де Куртенэ).

Отметим, что последующее развитие орфографической мысли доказало правоту В.И. Даля относительно правописания приставок *без-, чрез-* по фонетическому принципу и написания буквы *ы* в корне после приставки на согласный.

В третьем издании достаточно отчетливо выражена тенденция переориентировать фонетические написания В.И. Даля на морфологические [6].

Примечательно, что при этом сам И.А. Бодуэн де Куртенэ допускал разное написание одного и того же слова с учетом разных принципов: “написать ли *рости* или же *расти*, написать ли *ножень* или же *ножонь*... положительно все равно”. Кроме того, И.А. Бодуэн де Куртенэ высказывался за вариантность в орфографии. Орфографические своды в отношении трудных случаев не должны считаться “неприкосновенной святыней”, а отступления от них “преступлением, наказуемым по всей строгости законов”. В правописании необходимо “допустить известную свободу и растяжимость... угрюм-бурчеевщина же, принимающая для маршировки только одну линию, недостойна мыслящего человека” [5. С. III–IV].

Существенным недостатком орфографии В.И. Даля И.А. Бодуэн де Куртенэ считал также отсутствие буквы ё: “Я везде стараюсь ставить ё, где этого требует произношение: *берёза, берёста* и т.д.” (1-е и 2-е изд. – *береза, береста*). После шипящих под ударением И.А. Бодуэн де Куртенэ заменил ё буквой о и соответственно писал только *шолкъ, счотъ, жордка, щотка, почотъ, чорный*; тогда как в 1-м и 2-м изданиях такие написания обычно вариативны.

После выхода четвертого тома И.А. Бодуэн де Куртенэ приступил к подготовке материала для отдельного и самостоятельного тома, куда должны были войти все изменения и дополнения третьего издания. Однако из-за финансовых трудностей этот том так и не вышел. Возможно, что после его отъезда Бодуэна де Куртенэ в Польшу рукописные материалы пятого тома перешли в архив Ф.Ф. Фортунатова, а затем были утеряны во время Великой Отечественной войны.

Третье издание “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля было высоко оценено специалистами. Ученый комитет Министерства народного просвещения признал его “заслуживающим рекомендации особому вниманию педагогических советов... на предмет приобретения в фундаментальные и ученические библиотеки” [5. С. II–III].

В реакционной же прессе, в частности, в газете “Новое время”, развернулась кампания по дискредитации нового издания: «...некоторые из добавлений ...вызвали...целую печатную бурю в органах известного направления, бурю, сопровождавшуюся тяжелыми обвинениями редакции в разных чуть ли не преступных деяниях”. Редакция стала получать письма, как правило, анонимные, с угрозами и “бесцеремонной бранью»» [5. С. III]. Причина этого преследования заключалась в толковании значений ряда “щекотливых” слов общественно-политической лексики, обязанных “своим происхождением последним годам, годам политической смуты и коренных переворотов в мировоззрении почти всех классов общества” [5. С. IV].

“Настоящая травля, вершившаяся по всем законам общественной психологии, наблюдаемым как в мире животных, так и в мире людей”, приняла такой характер, что заставила И.А. Бодуэна де Куртенэ ответить обвинителям [7. 222–226].

В первом номере “Вестника литературы” за 1907 год он опубликовал большую статью «Газетная травля против 3-го издания “Словаря Даля”», материалы которой затем полностью вошли в Послесловие четвертого тома словаря.

Он писал, что «у различных враждующих между собой “партий” одни и те же слова получают различные, иногда диаметрально противоположные значения и вызывают различное настроение». Редакция старалась “избегать односторонности, пристрастия, партийности”, поэтому заимствовала примеры у разных “партий”. Наряду с «изрече-

ниями так называемого прогрессивного характера... рассеяны тоже характерные слова и фразы из заявлений и произведений “обрусителей”, “антисемитов”, “официальных патриотов”, так называемых “черносотенцев»» [5. Послесловие. С. IV–V]. В качестве примера он рассматривал слова *патриот* и *патриотизм*: “Сами по себе эти слова весьма почтенные и заслуживающие понимания согласно их первоначальному источнику. Такими они были всегда и такими, вероятно, воскреснут в будущем. Но кто же виноват, если в последнее время эти слова взяты в исключительную аренду известными партиями и группами и получили, вследствие этого... разбойничий, погромный и карательный оттенок?.. таким пониманием патриотизма одни кичатся и хвастают, а другие его гнушаются... одних приводит в восторг, а на других наводит ужас” [5. С. V]. Впрочем, И.А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, “что полное беспристрастие” в этом вопросе “почти невысказано”, поскольку ученый – прежде всего человек, а как человек “он в научных трудах не может не отражать своих личных взглядов” [5].

Итогом “похода” против И.А. Бодуэна де Куртенэ стало заключение, утверждающее, что он “искажил до неузнаваемости”, “искалечил” и “изломал” труд В.И. Даля, что третье издание с научной точки зрения несостоятельно. А между тем И.А. Бодуэн де Куртенэ совершенно справедливо указывал, что “из текста Даля не выпущено ни одно слово, ни одна фраза не заменена другой фразой. Редакция будет всяма обязана тому, кто найдет хотя бы одно выражение Даля или устраненное, или замененное другим” [5. Послесловие. С. III].

Это мнение, видимо, и сыграло роковую роль при подготовке фотомеханического переиздания словаря в 1935 году издательством “Художественная литература”. Редакция, несмотря на возражения А.М. Горького, предпочла воспроизвести второе издание со всеми его недоработками. Л.В. Щерба в одном из номеров “Литературной газеты” 1937 года тоже высказал сожаление, что издательство “не послушалось совета великого писателя” и выпустило словарь В.И. Даля в менее совершенном, дободуэновском издании. Второе издание легло в основу и остальных переизданий Словаря уже в советское время (1955 г., 1956 г., 1978–1980 гг., 1981–1982 гг., 1989 г.) и нескольких юбилейных коммерческих изданий к 200-летию со дня рождения В.И. Даля в 2001 году.

Бодуэновское издание Словаря было повторено затем в 1911–1912 годах. Особо следует отметить хранящееся в “Музее книги” при Российской государственной библиотеке “японское” издание Словаря В.И. Даля в редакции И.А. Бодуэна де Куртенэ (токийское издательство “Тачибана Шотен”, 1934 г.), на титульном листе которого используется как дореформенная, так и новая орфография (“Толковый словарь *живого* великорусскаго языка”) и неверно указана фамилия И.А. Бодуэна де Куртенэ – *И.А. Бордуэн де Куртенэ* [6].

Возможность же наслаждаться великой энциклопедией русской речи В.И. Даля в “совершенном виде” появилась только в 1995 году. Впервые за последние более чем восемьдесят лет отечественному читателю стал доступен словарь В.И. Даля в редакции И.А. Бодуэна де Куртенэ. Следующее стереотипное повторение третьего издания вышло в 2000 году.

Литература

1. *Смирнов С.В.* Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. М., 2001.
2. *Пономарева С.В.* Редакторское наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность. Красноярск, 2000.
3. *Указатель по делам печати.* СПб., 1879.
4. *Канкава М.В.* Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Предисловие. В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., 1903–1909.
6. *Пономарева С.В.* “Толковый словарь живого великорусского языка” В.И. Даля в контексте орфографической вариативности XIX – нач. XX вв. Дис. на соискание канд. фил. наук. Красноярск, 2000.
7. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Газетная травля против 3-го издания “Словаря Даля”. Публикация Т.М. Григорьевой // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность. Красноярск, 2000.

*Канск,
Красноярский край*

Мудрость в определении В.И. Даля

© Д. В. АБАШЕВА

Современный студент на вопрос: “Какие ассоциации у Вас вызывает слово *мудрость*?” в большинстве случаев называет “ум” и “пожилой возраст”. Для адекватного восприятия культурного пространства древнего и нового времени такого понимания мудрости недостаточно. Чтобы раскрыть значение этого слова у древних славян и русичей, а также узнать, что из них перешло по традиции в современную культуру, литературу, обратимся к разысканиям В.И. Даля.

В середине XIX века *мудрый* понимали как “основанный на добре и истине: праведный, соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный” [1]. Такое определение приводит к вопросам бытия: что есть добро и истина, что есть любовь и правда с позиций средневекового человека, воспитанного на христианских идеалах?

Идеал “мудрости” и “мудрой жизни” сложился в русской культуре еще до принятия христианства и отразился в фольклоре, прежде всего в жанре пословицы, а с принятием христианства наполнился “библейским содержанием”. Все это нашло отражение и преломление не только в культуре Киевской Руси и позднего русского средневековья, но и нового времени.

В.И. Даль в сборнике “Пословицы русского народа” понятие “мудреное” выстраивал в один ряд с “чудом-дивом”. *То мудрено, что на льду сварено*. Сложное дело в народе всегда считалось *мудреным*: *Это не вожжой трясти* (т.е. помудренее будет), а с проникновением библейской мудрости в бытовое сознание появилось представление: *Это печать премудрости Соломоновой с семью* (девятью, двенадцатью) *столпами* (говорится о чем-либо таинственном или непонятном).

Вместе с этим разум и мудрость, хитрость и мудрость в бытовом сознании часто сближаются: *Не штука дело, штука разум; Что хитро, то и не просто, или что хитро, то и просто: девятью десять – девяносто; С одного конца хитро, а с другого мудреней того; а в середке ум за разум заходит*. Представление о том, что на всякую мудрость найдется что-то более мудреное, также нашло отражение в на-

родном сознании – *Мудрено, что тело голо; а шерсть растет – мудреней того*. Главной мудростью жизни народ считал жизнь природы: *Мудр, а не как теленок: под хвост языком не достанешь*. Постепенно в народном сознании происходило соединение природного и божественного начал: *Чуден свет – дивны люди. Дивны дела твои, Господи!* [2].

Религиозно-философские воззрения древних славян (I–IX вв. н.э.) – мифы о Вселенной, человеке, сверхъестественных силах и явлениях, языческое многобожие, отраженное в фольклоре, мифологии соединились с монотеистическим представлением о мудрости. Библейское понятие “мудрости” через византийскую культуру пришло в русскую философскую мысль, а тем самым и в культуру (проявилось как в литературе, так и в архитектуре храмов и иконописании), проникло в бытовое сознание русского человека средневековья. *Печать премудрости Соломоновой* отразилась в древней русской культуре (литературе) в полной мере. Неслучайно в каждом городе средневековой Руси был храм Софии-Премудрости Божией (греч. *sophia* – “мастерство, знание, мудрость”). Общеизвестно, что уже в сказаниях Соломона выражена мысль о том, что высшая мудрость – это не просто плод ума, она дается человеку творцом. Мудрость, как в жизни, – дар Бога: “ибо Господь дает мудрость, из уст его знание и разум” (книга Притч. 2; 6). Добро и истина так же от Бога, а истина и есть Бог. Человек должен искать, принять и взрастить в себе эти дары Бога и умножить их, в таком случае он будет праведным. Неслучайно у В.И. Даля *мудрый и праведный* поставлены в синонимическом ряду.

По справедливому утверждению А. Меня, “счастлив человек, нашедший мудрость, и человек, обретший разумение, ибо польза ее больше серебра и больше золота ее ценность. Она дороже жемчуга, и ничто из желанного тебе с ней не сравнится” [3]. В определении мудрости у В.И. Даля мы находим соединение двух традиций: греческой, где мудрость и сама по себе считалась добродетелью, и традиции, восходящей к книге Притч, где именно добродетель почитается мудростью. Веления же Божии, как известно – это любовь и правда, о которых пишет в своем определении Даль: *мудрый-праведный-соединяющий* в себе любовь и правду-истину.

В полной мере библейские традиции, сочетающие в себе веру и гуманизм, развились в русской культуре раннего средневековья (Поучение Владимира Мономаха; Слово о Законе и Благодати Иллариона и др.), перешли затем и в XVIII–XIX века.

Русские писатели были верны традиции библейской и эллинистической, видя в самой премудрости Божией великую силу. Источник мудрости – не в человеке. Это утверждение в полной силе проявилось во всей древней русской литературе. В “Поучении Владимира Мономаха”, например, ясно доказывается, что людям может быть доступна

праведная жизнь (высокое житие, добытое неустанным трудом и молитвами), познание мира и окружающих людей, но все это возможно лишь потому, что Бог дал человеку разум, который и есть отражение в нас Божественной силы, высшей премудрости. Человек, по мнению Владимира Мономаха, разделяющий взгляды Отцов церкви, может достигнуть определенной мудрости, если просит ее у Бога и знает, что она исходит от него, Бог же становится явным через свою любовь и свою премудрость.

В определении мудрости В.И. Даля соединилось, как и в русском национальном сознании, отношение и к религиозному прошлому, и к язычеству, и к христианству. Здесь отражено не приземленное бытовое, а Божественное понимание мудрости как основы гуманистического миропонимания, пути человека к Богу и Бога к человеку.

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1984.
3. *Мень А.* История религии в семи томах. М., 1992.

Чебоксары

“Пестрый фараон”

История одной группы карточных терминов

© И. Н. КАТАЕВА

Азартная карточная игра *фараон* пользовалась большой популярностью в высшем обществе XVIII – XIX веков. Жажда острых ощущений, стремление отвлечься от скуки обыденной жизни, тяга к общению и, прежде всего, возможность легкого и быстрого обогащения способствовали широкому распространению этого увлечения. А для некоторых эта карточная игра становилась единственной страстью и смыслом жизни.

По свидетельству М.И. Пыляева, “карты положительно завладели всем высшим обществом. При императрице Елизавете игра в фараон составляла занятие всех придворных дам с утра до поздней ночи” [1. С. 48–49]. В более позднюю эпоху, при Екатерине II, азартные игры вытеснили почти все остальные развлечения:

Что ни толкуй Волтер или Декарт –
Мир для меня – колода карт,
Жизнь – банк: рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю

(Лермонтов. Маскарад);

“В Екатерининское время в каждом барском доме по ночам кипел банк” (Пыляев); “Молодежь к нему нахлынула, забывая балы для карт и предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства” (Пушкин); “В публичных собраниях вовсе почти не танцевали, а всё садились за карточные столы” (Пыляев).

Страстью к игре пронизаны страницы художественных произведений XIX века: А. Пушкина, М. Лермонтова, П. Вяземского, Н. Гоголя, А. Сухова-Кобылина, Н. Некрасова, Л. Толстого. Их герои испытали на себе власть фараона. Авторы описывали ход игры, стремясь увлечь ею читателей, которые отлично знали и правила, и карточную терминологию. Со временем терминология банковых игр упростилась и практически бесследно исчезла, что несправедливо ни с исторической точки зрения, ни с лингвистической. Это может привести к исчезновению огромного культурного пласта эпохи XIX века и развернутой терминологической системы, оставившей заметный след в

русском языке и пополнившей его целым рядом новых слов и переносных значений.

Изучением терминов азартных карточных игр занимались лингвисты В.И. Чернышев [2] и В.В. Виноградов [3]. В своих статьях они дали толкования лишь отдельных терминов, встречающихся в произведениях русских классиков XIX века, прежде всего, в “Пиковой даме”, “Евгении Онегине” Пушкина, “Двух гусарах” Л. Толстого. С точки зрения литературоведения анализировал термины азартной игры *фараон* Ю.М. Лотман [4].

Названия этой карточной игры менялись в языке игроков: в XVII – начале XVIII века она называлась *фараон* (*фаро*), в конце XVIII века – *банк*, чуть позже появилось название игры *шосс*. В речи игроков, а также в художественных текстах второй половины XIX века бытовали все три названия игры, а также и неофициальные названия: *веришь – не веришь*, *стос*, *стосико*, *направо – налево*, *подрезать*, *бита – есть*, *наверное*. Л.Н. Толстой в “Двух гусарах” привел гусарское выражение для фараона: *любишь – не любишь*. “Однако что же вы, господа, не играете? Пожалуйста, чтоб я вам не мешал. Ведь я болтун, – сказал Турбин, – любишь не любишь – дело хорошее”. В “Войне и мире” он привел название для фараона *наверное*: “Попробовать на счастье играть или наверное?”

М. Фасмер считал, что название игры *фараон* пришло в Россию из немецкого *pharo* уже в 1728 году от *pharao* “фараон, червовый король” [5. Т. IV]. Ср. французское *pharaon* в том же значении. Слово *фараон* употребляется в составном наименовании *пестрый фараон*: “И перед ним воображенье свой *пестрый* мечет фараон” (Пушкин. Евгений Онегин). Необходимо отметить, что слово *пестрый* употреблено в значении “разноцветный, разномастный, узорчатый, расписной” [6. Т. III]. Кроме того, *фараон* назван *пестрым* из-за быстрого мелькания перед глазами героя разномастных карт, быстрой смены настроения, удачи или проигрыша, “цвета их лиц разнообразных, блистанья их очков и глаз” (Лермонтов. Тамбовская казначейша). Как свидетельствуют примеры из художественных текстов, развитию предметного значения способствовало как использование определителя со словом *фараон*, так и употребление его в составе конструкций с глаголами: “В то время дамы играли в фараон” (Пушкин. Пиковая дама) в значении “вели игру в своих интересах”; “Что ж, приходи к нам когда вечерком, фараон заложить” (Л. Толстой. Война и мир) в значении “положить начало игре, заняться игрою”. В текстах XVIII–XIX веков слово зарегистрировано многократно, поэтому можно говорить о его активной жизни в языке этого периода. Кроме того, *фараон* встречается в более поздних по времени источниках, описывающих события XVIII–XIX веков. В XIX веке русский язык пополнился арготизмами, обозначающими термины карточной игры и кутежа. Так, у

уланов, по воспоминаниям Ф. Булгарина, кружок отчаянных картежников именовался “бессменный Совет царя Фараона” [7. Т. 2. С. 280].

Более поздним названием этой азартной игры считается *банк*. *Банк* заимствовано из итальянского *banco* со значением “стол менялы” через немецкое *bank* и засвидетельствовано с 1707 года [5. Т. 1]. В русском языке в значениях “род азартной карточной игры” и “известная сумма денег, поставленная на кон, принадлежащая одному из игроков (банкомёту)” слово фиксируется впервые в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг.: “В карточной игре называется сумма денег, принадлежащая игроку, против которого прочие играют. Сие же название и самой игре присвоется” [8. Ч. 1]. Здесь же приведен пример: *играть в банк*. Следует заметить, что словари нередко регистрируют то или иное лексическое явление уже после того, как оно закрепилося в языке, поэтому время появления слова *банк* в значении “азартная карточная игра” можно отнести к 70-м годам XVIII века: “Где вист, да банк, да макао, на деньги дружбу там меняют” (Державин. Кружка. 1777 г.); “Наш доктор хромоглазый в банк выиграл вчера, а, следовательно, гоняет он лошадей с утра” (Пушкин. Дневники. 1815. 10 декабря).

В переносном значении зафиксировано употребление лексемы в составе конструкций с глаголами: *заложить банк* “положить основание, начало чего-либо”, *начать играть в банк*; *поставить в банк* известную сумму; *резать в банк* “задорно играть в намерении обыграть соперника”: “И сам банк заложил, и мне заложить предложит – бьет одну карту за другой, да и шабаш” (Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы). Лексема *банк* употребляется также в составе устойчивых выражений: *метать банк* (карт. арг.) – “сдавать карты понтёрам” (о банкомёте); *держать банк* – “вести карточную игру, поставив на кон определенную сумму денег”; *сорвать банк* – “выиграть все деньги, находившиеся в банке”: “Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру” (Пушкин. Дневники. 1827 г.); “В гостиной за длинным столом, около которого теснилось человек двадцать игроков, сидел хозяин и метал банк” (Пушкин. Пиковая дама); “Любил налево и направо он в зимний вечер прометнуть” (Лермонтов. Тамбовская казначейша); “За столом мечут банк и понтруют” (Лермонтов. Маскарад); “Толпа гостей теснилась шумно вокруг зеленого стола; игра уж дельная была, и банк притом благоразумный. Его держал сам казначей для облегчения друзей” (Лермонтов. Тамбовская казначейша). В названии игры *в банк* имеются сходные уменьшительные формы: *банчок*, *банчик*, *банчишка*: “Этот, братец, и в гальбик, и в банчишку” (Гоголь. Мертвые души); “Хотите вы держать банчик?” (Гоголь. Игроки).

В 20-е – 40-е годы XIX века игра *фараон* стала называться *штосс*. Слово заимствовано из немецкого *stoss* – колода. Писалось как с од-

ной, так и с двумя с на конце слова. В Словари начала XIX века термин *штосс* не входил, но фиксировался в произведениях классической и мемуарной литературы: “Во Пскове думал я Вас застать, поспорить с Вами и срезать штос – но судьба определила иное” (I пол. дек. 1826 г. Письмо А. Пушкина из Пскова в Петербург И.Е. Великопольскому); “В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове вместо того, чтобы писать 7 главу Онегина, я проигрываю в штос четвертую: не забавно” (Письмо П. Вяземскому 1 дек. 1826 г. из Пскова в Москву от А. Пушкина); “Певец любви то трезвой, то унылой, играешь ты на лире очень мило, играешь ты довольно плохо в штос, пятьсот рублей, проигранных тобою, наличные свидетели тому” (Письмо И. Великопольскому 3 июня 1826 года из Преображенского во Псков от А. Пушкина); “Не угодно ли, я вам промечу штосс?” (Лермонтов. Штосс).

В игре *фараон* (банк, *штосс*) играющие делятся на *банкомета*, который держит и мечет банк в игре, и *понтера* или *понтировщика*, человека, делающего ставку или куш и играющего в банк против банкмета. Играть против банка означало понтировать. Слово *понтёр* (*ponteur*) французского происхождения – “человек, играющий против банка в азартных играх” [8. Ч. 3]: “Поставь ва-банк! – кричал Вулич одному из самых горячих понтеров” (Лермонтов. Герой нашего времени); “Любил налево и направо он в зимний вечер прометнуть, четвертый куш перечеркнуть, рутёркой понтирнуть со славой” (Лермонтов. Тамбовская казначейша). *Руте* или *рутёркой* (разг. устар.) называлось счастливое положение в карточной игре, при котором выигрывает несколько раз одна и та же карта [9. Т. 3].

В банке существовало два основных вида ставок: *семпель* (от фр. *simple* – “простой”) и *дублет* (от фр. *double* – “двойной”). *Играть семпелем* означало каждую *талию* (в карточной игре это круг игры до окончания колоды у банкмета или до срыва банка) ставить одинаковую ставку, не увеличивая ее от игры к игре. Именно о такой манере игры говорит Чекалинский в “Пиковой даме” Пушкина: “Игра ваша сильна: никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь еще не ставил”; “Вам надо счастье поправить, а семпелями плохо – надо гнуть” (Лермонтов. Маскарад). “*Играть дублетом* означало удваивать ставку в каждой талии, т.е. *гнуть*, т.к. это действие сопровождалось сгибанием карты. *С тобой играть – с бритвы мед лизать*” [3. С. 81]; “Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно” (Пушкин. Пиковая дама); “Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто” (Лермонтов. Маскарад); “Нет, вот попробуй он играть дублетом, так вот тогда я посмотрю, какой он игрок” (Гоголь. Мертвые души); “Поставлю первую двадцать пять, вторую – угол... на семь кушей... на пятнадцать, на тридцать, на шестьдесят...” (Л. Толстой. Два гусара).

Отдельно скажем о том, как комментируются термины азартной игры *фараон* в справочной и специальной научной литературе. Начнем с выражения *играть мирандолом*. В свое время термин *мирандоль*, на наш взгляд, правильно объяснил В.И. Чернышев: “*играть мирандолом* – ставя куш на две карты, при выигрыше идти углом. Это ограничительный, менее азартный, чем другие, способ игры, рассчитанный на хладнокровных игроков. Понтер ставил одинаковые ставки на две карты, тем самым подстраховывая себя и повышая вероятность того, что хоть одна из них выиграет. При выигрыше обеих карт понтер ставил дуплетом, т.е. шел углом, при проигрыше больше не играл вовсе”. В первой главе “Пиковой дамы” о таком способе игры говорит Сурин: “Надобно признаться, что я несчастлив: играю мирандолом, никогда не горячусь, а всё проигрываюсь”. В “Словаре языка Пушкина” [9] и в статье В.В. Виноградова [3] дано одинаково неверное толкование: “играть мирандолом (играя в карты, не увеличивать первоначальной ставки)” [9. Т. 2].

Названия постоянно увеличивающихся ставок при игре *в дублет* составляли основную часть терминологии азартных игр. Предположим, что существовало две группы терминов, с помощью которых игрок обозначал стратегию своей игры.

Обратимся к первой группе терминов, сохранившихся благодаря литературным источникам, где мерилom служила исходная ставка игрока – *куш* (слово заимствовано из фр. *couche*, где в XIX веке означало “ставка, крупный выигрыш”). Выделим четыре наименования способов увеличения ставок: *сизелево* (от фр. *six* – “шесть”) – “выигрыш шести кушей”; *сетелево* (от фр. *sept* – “семь”) – “выигрыш семи кушей”; *кензельва* (от фр. *quinze* – “пятнадцать”) – “выигрыш пятнадцати кушей”, *трантелево* (от фр. *trente* – “тридцать”) – “ставка, увеличенная в тридцать раз или выигрыш тридцати одного куша”:

Ум, совесть и закон святой,
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут

(Державин. На счастье).

А. Пушкин в письме к П. Нащокину вспоминал: “Здесь говорили, что ты проиграл в долг всё, что тебе следовало получить от брата. Но теперь надеюсь на перемену жизни твоей. Тебе уже не нужно потрясений кенз-ель-ва и плие, для рассеяния своего домашнего горя” (середина марта 1834 г. Петербург). *Плие* (из фр. *plie* от *plier* – “гнуть, раскладывать”) – “ставка на загнутую карту”.

К такому значительному увеличению ставок игрок приходил после нескольких ходов. Первый ход при любой системе игры был одина-

ков: игрок ставил на карту сумму и в случае удачи выигрывал *куш*, происходило удвоение ставки. Второй ход обозначал выбор игроком одного из двух способов увеличения ставки: *загнуть угол* или *загнуть транспорт*. Термин *транспорт* в словарях, которые дают толкования других карточных терминов, не зарегистрирован. Его значение разъясняется только В. Чернышевым как “ставка, увеличенная в три раза” [2. С. 403]. Таким образом, *загнуть транспорт* означало прибавление к получившейся в результате первого хода сумме еще *трех кушей (транспорта)*, и чистый выигрыш, не считая первоначальной ставки игрока, составлял *четыре куша*. *Загнуть угол* значило прибавить к уже получившейся в результате первого хода сумме еще *двух кушей* или *угла*. В результате чистый выигрыш игрока составлял *три куша*, и *один куш* был первоначальной ставкой понтера. *Загнуть угол* или *загнуть паролы* толкуется в Словаре В.И. Даля как “удвоение выигранной ставки” [6. Т. III], в статье В.В. Виноградова – “сделать двойную ставку” [3. С. 95], например: “Он узнал некоторые ассигнации, которые углами и транспортами несколько раз переходили из рук в руки, вспоминал весь ход игры” (Л. Толстой. Два гусара).

После второго хода – увеличения ставки *на угол* или *транспорт* – игрок должен был решить, играет он на все получившиеся у него в результате предшествующих выигрышей деньги или изымает свой первоначальный *куш* и играет только на *прибыль*. Если игрок *отгибался* (изымал первоначальную ставку), то дальнейшая игра в *дублет* называлась *дублетом от угла* или *дублетом от транспорта*. Если же игрок *не отгибался* (играл на все деньги), то, следовательно, он начинал играть *выше дублета от угла* или *выше дублета от транспорта*. Первая стратегия игры упоминается у Л.Н. Толстого в романе “Война и мир”: “Если от угла на шесть кушей я понимал когда-то, но по стратегии транспорт – ничего не понимаю”.

Существовали другие наименования способов увеличения ставки игры в *дублет*: *пе*, *паролы*, *паролы пе*. Чаще всего в русской литературе встречаются именно эти термины. И это неудивительно, так как такая игра была самой элементарной из всех: постоянное удвоение всего выигранного позволяло стремительно увеличивать ставки и выигрыши. Упоминание о такой схеме игры и ее терминов – *пе (на пе)*, *паролы (пароле, пароль)*, *паролы – пе (пароле – пе)* встречается в произведениях различных авторов:

Не мысля о погибели рад сам себя на пе,
Согнувши в три погибели пустить назло судьбе
(Некрасов. Говорун)

В выражении *ставить пе, гнутья на пе*, где *пе* означает “идти на ставку, увеличенную предшествующим выигрышем” [2. С. 400], в

“Словаре языка Пушкина” *пустить на не* означает “поставить удвоенную ставку”. В основном, термин *не* употребляется вместе с *пароли* и означает “ставка в карточной игре, увеличенная вчетверо против первоначальной”: “Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника [т.е. с первой вскрытой карты], загнул пароли (удвоил сумму), пароли не [дальнейшее удвоение], – отыгрался и остался еще в выигрыше” (Пушкин. Пиковая дама). У Н. Гоголя в пьесе “Игроки”: “[Швохнев] Черт поberi, пароле! “Глов (перегибает карту)] Черт поberi! Пароле не!”

Наблюдая за употреблением лексем *фараон*, *банк*, *штосс*, нужно заметить, что названия этой азартной карточной игры менялись с течением времени и фиксировались в художественных текстах, справочной и специальной научной литературе XVII–XIX веков в порядке их появления. Мы попытались составить представление о системе ставок и возможных стратегиях игры и определили, что при сравнении терминов двух групп *куш* и *не*, *угол* и *пароли*, *сетелево* и *пароли не* обозначают одну и ту же ставку. Попытка реконструкции этой терминологии не может быть бесспорной, но она в большей или меньшей степени отражает употребление терминов азартной карточной игры в русском языке XVIII–XIX веков.

Литература

1. Пыляев М.И. Старое житье. М., 1990.
2. Чернышев В.И. Темные слова в русском языке // Сб. академику Н.Я. Марру. М.-Л., 1935.
3. Виноградов В.В. Стилъ “Пиковой дамы” // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.-Л., 1936. Т. 2.
4. Лотман Ю.М. “Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Пушкин. СПб., 1995.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
7. Булгарин Ф.В. Воспоминания: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846.
8. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1789–1794.
9. Словарь языка Пушкина. М., 1956–1961.

Девушка и барышня

О русских обращениях

© А. Г. БАЛАКАЙ,

доктор филологических наук

В обращении к незнакомым русские испытывают некоторое неудобство. На это обращают внимание и ученые, и писатели, и иностранцы, овладевающие русским этикетом. Иногда приходится слышать сетования, в которых сквозит сожаление по ушедшим русским обращениям *сударь, сударыня*, а нередко и зависть к иностранной культуре: «То ли дело на Западе уважительные обращения “сэр”, “леди”, “мсье”, “мадам”, “мадемуазель”, “синьор”, “синьора”, “синьорита”, а у нас “мужчина”, “женщина”». Писательница Наталья Ильина в автобиографической книге “Дороги и судьбы” вспоминает о встрече во Франции со своей давней знакомой, пожилой русской эмигранткой тетей Эдме: «Она обращается ко мне так: “мадам Наташа”. Я к ней: “мадам”. Как не хватает здесь нашего доброго русского обычая имени-отчества. И уважительность в этой манере обращения, и тепло, и дружелюбие. Лишь у нас в России... А, впрочем, что я расхвасталась? Это-то у нас есть, а другого, тоже необходимого, другого нет. Я имею в виду французского “Мсье – мадам”, польского “пан – пани”. А вот мы не знаем, как обращаться к людям незнакомым. “Улица корчилась безъязыкая” и, помучившись, выход нашла. “Женщина! У вас чулок порвался!”, “Мужчина! Сдачу забыли!” Все чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они замечны, но чем заменить их, чем?».

Действительно, если в обращениях к друзьям, родственникам, знакомым, старшим и младшим мы не испытываем неудобств, то в обращении к незнакомым нередко затрудняемся. Выход, конечно, найдем. Чаще всего, не называя адресата, обращаемся на “вы”: *Вы не выходите на следующей остановке? Вы не скажете, как пройти к универмагу?* Для большей вежливости пользуемся словами *извините, простите*, а также формулами вежливых вопросительных обращений: *Вы не скажете? Вы не могли бы сказать?* и другими подобными.

Дело, конечно, не в бедности русского языка. Наш язык располагает десятками форм обращений самых разных тоналностей и оттенков. Основная трудность заключается в выборе подходящего обращения в той или иной ситуации.

Приведенные нами примеры обращений можно использовать, лишь находясь в непосредственной близости к адресату, так сказать, глаза в глаза. А как быть, если требуется обратиться к человеку на некотором расстоянии, окликнуть его? Вот тут-то как раз и возникают трудности.

Уже сама по себе ситуация, когда надо громко и принародно обратиться к незнакомому или незнакомой, требует повышенных осмотрительности, вежливости, чтобы своим обращением никак не задеть чувства и достоинства человека, которого мы выделяем из других людей, привлекаем к нему внимание окружающих, ставя его на всеобщее обозрение. В такой ситуации и пониженная степень вежливости (*эй, женщина*), и неуместно повышенная, необычная для окружающих степень вежливости (*сударыня, госпожа, барышня, мадам*) могут поставить в неловкое положение и адресата и самого адресанта.

В русском речевом этикете и до революции не было “универсального” обращения к незнакомой девушке. В простонародной, преимущественно деревенской, среде к незнакомой могли обращаться в зависимости от цели обращения и от возраста адресанта: *девушка, красавица, дочка, доченька, милая*. Такие обращения употреблялись, как правило, в речи старших по возрасту, исключительно на “ты”: “[Пропотей:] При девке этой не стану говорить, она игумень – наушница. [Таисья (озлилась):] Я – не девка, жулик! <...> [Донат:] Ты, девушка, будь умницей, – уйди! И ты, Глаха...” (М. Горький. Достигаев и другие).

Обращение *девушка* (*деушка*) широко использовалось в деревенском речевом обиходе пожилыми крестьянками не только как вежливая форма обращения к незнакомой, но и к знакомой девушке, и к замужней женщине, вдове, независимо от возраста. В Словаре русских народных говоров приводятся такие примеры: “[Одна старушка – другой:] Ну-тко, деушка, кака беда со мной стряслась!” Или: “У тебя, девушка, свекор-от еще жив?”. В повести писателя Виктора Белова “Привычное дело” показаны сцены жизни Вологодской деревни 1960-х годов: “Магазин открылся в десять часов, бабы ждали выпечки хлеба и со смаком обсуждали новость: «“Ой, ой, ведь не рассчитаться Иванто Африкановичу!” – “А всё вино, вино, девушки, не было молодца побороть винца!”». В некоторых русских говорах обращение *девушка* от частого употребления уже потеряло свое изначальное значение и используется в качестве частицы в обращении к любому лицу, независимо от возраста и пола: “Ну, девушка, в магазин товару лико что навезли”.

К девушке из привилегированного сословия низшие по положению (крестьяне, дворовые, прислуга) обращались *барышня*, равные – на французский манер: *мадемуазель*. «“Скоро ли рассветет?” – спросила Наталья. – “Теперь уж полдень, – отвечала служанка”. – “Ах, бо-

же мой, отчего так темно?” – “Окна закрыты, барышня”» (А. Пушкин. Арап Петра Великого); “Он [Рудин] ходил по плотине, а Наталья спешила к нему прямо через поле, по мокрой траве. – Барышня! барышня! вы себе ноги замочите, – говорила ей горничная Маша, едва поспевая за ней” (И. Тургенев. Рудин); “[Иван Сидоров (Лидочке):] Позвольте, барышня вы наша, ручку поцеловать. (Подходит и целует у нее руку – она целует его в лоб.) Добрая, добрая наша барышня” (А. Сухово-Кобылин. Дело).

Вообще, ситуации обращения к незнакомой девушке возникали в прошлом реже, чем сегодня, так как появление девушки из привилегированного сословия без соответствующего окружения, в одиночестве, не было принято.

В советский период судьбы обращений *девушка* и *барышня* сложились по-разному. Вместе с барами и барынями стали быстро исчезать барчуки и барышни. Сами эти слова приобрели в советском обществе отрицательную, иронически-насмешливую окраску. Пример из романа Н. Островского “Как закалялась сталь”: «[Павка] встал и, надвинув на лоб кепку, что всегда у него являлось признаком злости, проговорил, подбирая наиболее деликатные слова: “– Вы бы, барышня, ушлялись куда-нибудь, что ли”».

Впрочем, в речи лиц старшего поколения слово *барышня* сохранялось дольше. Так по привычке называли в первые годы советской власти телефонисток, служащих машбюро и канцелярий: “[Дунька:] Елисатового тут нету, барышня? [Панова:] Нету, барышня. [Дунька:] Я-то уж не барышня, признаться. [Панова:] А вы не признавайтесь. [Дунька:] Ну, этого уже платочком не закроешь” (К. Тренев. Любовь Яровая); “Подхожу к аппарату. Звоню срочно. – Алло, – говорю, – барышня, дайте в ударном порядке уголовный розыск. Обкраден, говорю, вчистую” (М. Зощенко. Телефон); “Раздается телефонный звонок. Мингали снимает трубку: – Четвертый участок... Вам Алдакаева, бырышня? Пожалуйста, Алдакаев на проводе... А-а-а, это ты, Соня!” (В. Куропатов. Жена бригадира).

Зато простонародное обращение *девушка* стало употребляться широко и повсеместно, так что уже в 30–40-х годах XX века оно перестало восприниматься как просторечное. По свидетельству писателя Валентина Катаева, в широкий обиход это обращение помогли ввести советские писатели, в частности, В.В. Маяковский: «Пишу “гражданка”, потому что в то легендарное время дореволюционные слова вроде “барышня” или “мадемуазель” были упразднены, а слово “девушка” как обращение к девушке, впоследствии введенное в повседневный обиход Маяковским, еще тогда не вошло в моду и оставалось чисто литературным» (В. Катаев. Травя забвенья). Это обращение может быть адресовано без ограничений практически любой девушке. При необходимости степень вежливости может усиливаться с по-

мощью эпитетов *дорогая, милая* и т.п. «В палату вошел доктор, посмотрел на часы. “Девушка, милая, сколько вы обещали пробыть?” – “Всё, доктор, ухожу. Поправляйтесь, Павел”» (В. Шукшин. Любавины).

Закрепилось слово *девушка* как обращение к продавщице, официантке, приемщице службы быта, телефонистке, почти независимо от возраста адресата: “[Ланцов:] Девушка, получите с нас. (Входит официантка, Ланцов расплачивается.)” (Н. Погодин. Цветы живые); «“Девушка, здравствуйте! Как вас звать?” – “Тома”. – “Семьдесят вторая! Жду, дыханье затая...”» (В. Высоцкий. 07); «Магазин оказался совсем рядом <...> и Лешка опять даже присвистнул – так велик был выбор баянов и всяких гармоней. “Девушка, а девушка?” Продавщица отсутствующими глазами глядела куда-то поверх голов...» (В. Белов. Целуются зори...).

В отличие от *женщина* обращение *девушка*, как правило, не вызывает явной негативной реакции ни у девушек, ни у молодых женщин. Оно воспринимается как нейтральное, обиходное. Особой вежливости, учтивости, комплиментарности оно, конечно, не выражает. Суффикс *-ушк-* в слове *девушка* (ср. *дева* > *девушка*) давно утратил уменьшительно-ласкательное значение. Потребность же в комплиментарном обращении к незнакомой девушке остается.

Трудно сказать, возродится ли в качестве комплиментарного обращение *барышня*. В последнее время его можно услышать чаще в форме множественного числа при игриво-шутливым разговоре старших с девочками-подростками, девушками: “Меня обогнали явно спешащие две девушки. – Веселей, барышни! – поторопил я, подумав, что они явно бегут к началу телефильма...” (В. Крупин. Боковой ветер); «А дяденька, вылезавший возле нее из полотняных штанов, поинтересовался игриво: “Ну, как водичка, барышня?”» (Т. Горбулина. Улица Коммунарка, четная сторона).

Можно только предполагать, если обращение *барышня* вернется в обиход, оно будет иметь ограниченную сферу употребления и едва ли вытеснит закрепившееся обращение *девушка*. По мнению большинства опрошенных нами лиц разного возраста, обращение *барышня*, даже как шутливое, подходит не к любой девушке, а скорее – к той, которая находится в поре ранней юности (гимназистке, старшекласснице), аккуратно или нарядно одетой, в платье. Во всяком случае, представляется маловероятным обращение *барышня* к студентке-старшекурснице, медсестре, маляру, киоскерше, а также девушке в джинсах или шортах, с бросающимся в глаза макияжем, “свободными” манерами. Обращение *барышня* возможно, на наш взгляд, лишь со стороны значительно старших по возрасту. В устах ровесника, юноши и уж тем более ровесницы оно будет звучать скорее насмешливо, чем комплиментарно.

Толковый словарь российских фамилий

© В. О. МАКСИМОВ,

директор Исследовательского центра
“История фамилий”

Аплевич, Оплева. *Оплёвой* в тверских и псковских говорах называли осмеянного человека. Псковичам и сегодня свойственно так называемое “аканье”. В старину же эта особенность была выражена значительно сильнее. Разумеется, здесь имя или прозвище *Оплёва* произносилось как *Аплёва*. А вот было ли оно именем-оберегом, которым родители пытались защитить дитя от будущих житейских проблем, или прозвищем человека, которому и впрямь довольно часто доводилось становиться предметом едких насмешек, видимо, так и останется загадкой.

Белослудцев. *Белослудцы* – жители села Белослудского, и ныне существующего в Свердловской области. Во многих русских говорах (в основном, в северных) слова *слуда*, *слудка* означают “крутой берег, обрыв” и “каменистая почва”. А появление в названии населенного пункта эпитета *белая* или *белый* часто указывает на тот фат, что его жители были “обелены”, т.е. освобождены от уплаты части налогов и пошлин. Интересно, что село Белослудское упоминается в документах XVII века как *Белослудская слобода* или *слобода Белая Слудка*: *слободами* назывались поселения, жители которых пользовались некоторыми льготами по уплате налогов и несению повинностей.

Выроцков, Выроцкий. Калужане *Выроцковы*, вероятно, являются потомками коренных жителей этих мест. Об этом напоминают деревни с названиями *Верхняя Вырка* и *Нижняя Вырка*, поныне существующие в Калужской области. Но не исключено, что другие их однофамильцы или носители созвучной фамилии – *Выроцкие* – выходцы из других земель. Прозвище *Выроцкой* или *Выроцкий* мог получить приезжий из любого небольшого селения, расположенного на берегах реки с названием *Выр*, *Выра* или *Вырка*. Такие реки, помимо Калужской, существуют в Московской, Сумской, Тульской и Черниговской

областях, а их названия восходят к старинному русскому слову *выр*, *вырь* – “водоворот, омут, пучина”.

Грозник, Грозников. В основе фамилии лежит не прозвище, указывающее на грозный вид или тяжелый характер родоначальника, а его обычное мирское имя. *Грозником* на Руси в старину называли месяца июль (по обилию гроз). А имя *Грозник* давали ребенку, родившемуся в этом месяце.

Гужевников, Гужеедов. В настоящее время слово *гужевник* забыто. Но в некоторых сибирских говорах и ныне бытует *гужевать* – “вселиться, гулять”. Поэтому не исключено, что прозвище *Гужевник* мог получить известный весельчак или любитель праздничных застолий, а также оно могло быть связано и с профессией родоначальника. *Гужами* в прошлом назывались кожаные или веревочные петли, служащие для скрепления оглобель с дугой. *Гужевником* могли прозвать мастера, изготавливавшего *гужи*, и человека, занимавшегося гужевыми перевозками (*возить гужем*, т.е. конной тягой, отсюда – *гужевой транспорт*). Гужевой промысел был раньше весьма популярным. Крестьяне охотно подражались перевозить грузы на весьма значительные расстояния. Нередко этим занимались мужчины целого селения или даже уезда. Например, жителей всей бывшей Томской губернии в шутку называли *гужеедами*, так как большое число жителей этих мест зарабатывали на жизнь тем, что разъезжали с подводами по различным городам, вплоть до Иркутска. От этого прозвища была образована современная фамилия *Гужеедов*. Возможно, и прозвище *гужевники* в прошлом имело то же значение, но со временем забылось, будучи вытесненным из обихода более оригинальным – *гужееды*, и сохранилось лишь в фамилиях потомков бывших крестьян-гужевников. В пользу этого говорит тот факт, что и в настоящее время фамилия *Гужевников* чаще всего встречается в южных областях Сибири. Может быть, зная сибирских говоров или местным жителям и ныне знакомо это значение забытого (точнее – не зафиксированного словарями русских говоров) слова – *гужевник*?

Двоеглазов. *Двоеглазыми* или *двоеглазками* на Руси в старину называли собак, имевших над глазами пятна другого окраса (обычно, белые пятна при черной окраске шерсти), которые назывались “вторыми глазами”. Считалось, что такие собаки обладают способностью видеть нечистую силу. По представлениям наших предков, нечистая сила таких собак отчаянно боялась. Существовало поверье о том, что с двоеглазыми был в хороших отношениях домовый, относящийся тоже к нечистой силе: если надвигалась большая и неожиданная беда, домовый извещал о ее приближении тем, что велел собакам рыть среди двора ямы и выть на всю деревню, тем самым, извещая жителей об

опасности. Таким образом, назвав сына *Двоеглазом*, родители могли одним разом “запугать” зловедных представителей нечистой силы и “задобрить” полезных. В более позднее время наши предки уже не придавали столь мистического значения именам, но и тогда нередко использовали их в качестве традиционных мирских. Кроме того, *Двоеглазом* или *Двоеглазым* могли прозвать белобрового человека. Возможно, в некоторых случаях это прозвище указывало на его национальность, а именно, на принадлежность к какому-либо угро-финскому племени. Например, чудь в древних документах именуется как *чудь белоглазая* или *чудь двоеглазая*. О том, где встречалось это прозвище, напоминают деревни с названиями *Двоеглазово* и *Двоеглазовцы*, сохранившиеся на территориях Кировской, Нижегородской областей и Красноярского края.

Закачури. В говорах Поволжья, Урала и Сибири слова *закочуриться*, *закочериться* и сегодня означают “заболеть, умереть”. Образованное от них имя *Закочура* или *Закачура*, т.е. “погибель, смерть”, по мнению наших суеверных предков, могло отпугнуть и злых духов, и вполне реальных недоброжелателей: не всякий рискнет покуситься на благополучие человека, носящего столь опасное, буквально, “смертельное” имя (о существовании обоих вариантов этого имени напоминают современные фамилии *Закачурин* и *Закочурин*). Кроме того, в новгородских, костромских, ивановских и разанских говорах даже в XIX веке бытовало прозвище *Закачура*: так называли любителя хмельных застолий.

Замулин. Во многих русских говорах XIX века бытовали слова *мулить* и *замулить*, имевшие несколько значений: “натирать, жать”, “докучать”, “мешать”, “беспокоиться, волноваться” (причем в южно-русских говорах эти значения сохранялись и в XX веке). Поэтому, вероятно всего, прозвищем *Замула* или *Замуля* в старину могли называть дотошного, либо беспокойного, неугомонного человека. В “Рестре Войска Запорожского” упоминается *Хведор Замуля*, казак Киевского полка (1649 г.).

Злакоманов, Злокоманов. *Злокоман* – “злой человек”. Возможно, имя *Злокоман*, так же, как *Зло* или *Злоба*, давалось в качестве охранительного: имя заберет на себя плохие качества и малыш вырастет добрым человеком, а злых духов оно отпугнет. Разумеется, *Злокоманом* могли прозвать и человека с тяжелым, неуживчивым характером. В белорусских и западных русских говорах, которым свойственно “аканье”, имя *Злокоман* произносилось и записывалось на свой манер *Злакоман*.

Книр, Книрик, Кныр, Кныриков, Кнырков, Кнырик, Кныров, Кнырь. Все эти фамилии “родом” из белорусско-украинских или западных и северо-западных русских земель. В белорусских говорах *кныр* – “хряк, боров”. В украинских *кнырь* или *кныр* – “скряга, жади-на”. Различие в написании этих фамилий связано с тем, что украинское написание было сохранено и в русском (украинское *и* соответствует русскому *ы*). Даже в “Реестре Войска Запорожского” (1649 г.) встречаются разные варианты: *Тимко Кныр*, казак Брацлавского полка и *Сергей Книр*, казак Прилуцкого полка. Легко заметить, что прозвище *Кныр*, *Кнырко* или *Кнырик* в этих говорах имело весьма неодобрительное значение (хотя белорусы могли прозвать *Кныром* и толстяка). Но вот в русских говорах прозвище *Кнырь* неожиданно “объявилось” в весьма приятном значении. В тверских говорах начала XX века так называли деятельного, хлопотливого человека, никогда не сидящего без дела.

Мешавкин. Екатеринбургцы *Мешавкины* не без причины считают свою фамилию исключительно уральской. Хотя встречается она и в Сибири, и в Центральной России, где, впрочем, очень редка (появление представителей этой фамилии в других регионах, вероятнее всего, связано с более поздними переездами). А вот уральским (точнее – пещорским) говорам это слово было знакомо и в XX веке. *Мешавкой* здесь называли кушанье из заваренной муки с толчеными ягодами. В северных землях в старину вообще были очень популярными мирские имена, повторяющие названия различных блюд. Но, возможно, столь простое объяснение первоначального значения имени *Мешавка* не совсем верно. Слово *мешавка* здесь употреблялось еще и в значении “путаница, неразбериха”, и вообще “смесь чего-либо разнородного”. Поэтому *Мешавкой* могли прозвать суматошного, суетливого человека, а, быть может, и ребенка, родившегося от смешанного брака (т.е. в семье, где родители были разных национальностей).

Одёров, Одеров. Словом *одёр* в старину называли большую телегу для перевозки сена, соломы. О том, что это значение могло стать основой личного имени *Одёр*, напоминает распространенность “родственной” фамилии *Телегин*. Но в большинстве случаев в основе этого имени лежало прозвище с большим количеством значений, бытовавшее во многих русских говорах. Так, например, в курских говорах *Одёром* называли крепкого, сильного мужчину, в калужских – так говорили о неуступчивом, своевольном человеке; в воронежских – о неторопливом; в псковских и тверских – о начальном, беззастенчивом. В челобитной 1678 года упоминается *Петрушка Одер*, веневский крестьянин.

Пожогин. *Пожогой* в старину называли костер, поджог, погорелое место, пепелище, а также жаркую погоду, горячий ветер. Существовало и имя-прозвище *Пжога*: в грамоте 1552 года записан *Жадко Пжога*, Черкасский мещанин. В древние времена это имя могло быть охранительным: например, чтобы нечистая сила побоялась обижать “огнеопасного” малыша. Нетрудно догадаться и о том, кого могли прозвать *Пожогой*: смуглого или вспыльчивого человека. Прозвище *Пжога* мог получить и погорелец, или выходец из селения с названием *Пжога*, *Пжогино*. В Писцовых книгах Новгородских Пятин в 1496 году упоминается *Ивашко Пожогин*, крестьянин Деревской Пятины.

Склёмин, Склемин. Даже в XX веке в некоторых русских говорах слово *склёма* имело несколько значений – “жизнь, исполненная лишений”, “ссора, вражда”; *склёмы* – “сплетни”. Поэтому *Склёмой* могли назвать ребенка, родившегося в “тяжелую годину”. Такое имя могли дать и в качестве оберега: по мнению суеверных родителей, оно должно было обеспечить ребенку безбедную, счастливую и сытую жизнь. Подобные защитные имена (от обратного) были очень популярны: *Кручина*, *Беда*, *Зло*, *Невдача* и т.д. И, наконец, *Склёмой* могли прозвать взрослого человека, обладателя непростого характера, а также любителя посудачить. Исследователи русского языка XIX века зафиксировали эти основы лишь в северных и северо-восточных говорах. Но в более древние времена они бытовали и в других говорах восточных славян. Так, в 1649 году в “Реестре Войска Запорожского” упоминается казак Корсуньского полка *Жадан Склема*.

Фруктов, Фруктовский. Казалось бы, экзотические фамилии. Но, оказывается, и они имеют наше, “местное”, происхождение. В прошлом в церковном календаре существовали канонические крестильные имена *Фрукт* и *Фруктул*. В современных святцах они отсутствуют. Но в протяжении нескольких столетий церковный именник постоянно менялся, редактировался, а в XIX веке был подвергнут серьезной реформе. Но до этого православная церковь 20 июля отмечала именины святого мученика *Фрукта Коринфского*, а 18 февраля – *Фруктула Африканского*. Значения этих имен восходят к латинской основе *fructus* – “польза, выгода, плод, произведение”. В обиходе же оба этих имени могли употребляться в одинаковой форме – *Фрукт*. С началом процесса образования русских фамилий, потомки человека, носившего имя *Фрукт*, получили фамилию *Фруктовы*.

Кроме того, фамилии *Фруктов* и *Фруктовский* присваивались в духовных семинариях. В.В. Шереметевский в книге “Фамильные прозвища великорусского духовенства” отмечал: «Духовные школы назывались “Аполлоновыми житницами”. Поэтому нет ничего удиви-

тельного, что многие фамилии говорят о цветении и плодоносии, имея ввиду умственное и нравственное преуспевание их носителей». Этим объясняется большое количество фамилий, образованных от названий различных растений, их цветов и плодов. Они присваивались лучшим ученикам семинарии и должны были символизировать процветание, совершенствование умственных и нравственных качеств будущего священнослужителя: *Фруктов, Яблоков, Кедров, Виноградов* и др.

Продолжение следует

Желающие задать вопрос или предложить свои дополнения к материалам, опубликованным в этом разделе, могут воспользоваться адресом редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, д. 18/2, а также электронной почтой: dialog@familii.ru (письма отправлять с пометкой "Толковый словарь российских фамилий") или посетить сайт Исследовательского Центра "История фамилий": www.familii.ru.

Топонимика

Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье

© А. Л. ШИЛОВ

Три древних города юго-запада современной Ленинградской области интересны уже тем, что имеют точные даты возникновения, а это встречается не так уж часто.

Шлиссельбург – город у истока Невы из Ладожского озера и крепость на соседнем острове. История крепости ведет свое начало с 1323 года, когда “ходиша новгородци с князем Юрьем [Юрий Данилович – брат Ивана Калиты и внук Александра Невского. – А.Ш.] и поставиша город на усть Невы на Ореховом острове” [1. С. 97]. Впоследствии в летописях город (крепость) назывался *Орехов*, *Ореховый*, *Ореховец*, *Орешек*, а жители его – *ореховцы*.

Его именованье, как мы видим, произведено из названия острова, на котором он был построен. Оно не исконно русское, а является переводом карельского *Pähkinä saari* “Ореховый остров”. Доказательством этого может служить запись под 1300 годом шведской “Хроники Эрика”, составленной между 1320 и 1335 годами: “когда они [шведы. – А.Ш.] вернулись на Pekkinsaag, там стоял их передовой отряд” [2. С. 115].

В свое время А.И. Попов обратил внимание на запись в писцовой книге Водской пятины 1500 года: “у города у Орешка остров Пешков” и отметил, что *Пешков* «отражает чрезвычайно старую форму (с позднейшим русским формантом *-ов*) *пешик*, представляющую слово *орех* чуть не в древнейшем виде (из финно-угорских языков только язык мордвы-эрзя сохранил эту форму: эрзянское *пешикс* – “орешник”» [3. С. 80]. Особый интерес здесь представляет следующее обстоятельство: в языке прибалтийских финнов (карел, води, ижоры) переход *š > h произошел еще до начала новой эры. Так от кого же новгородцы могли услышать в XV веке название Орехового острова в этой архаичной финно-угорской форме? Ответ будет на первый взгляд неожиданным: от саамов. Сейчас саамы живут на Кольском полуострове и на севере Финляндии, Швеции и Норвегии. Но область их бывшего обитания была намного шире. И в окрестностях Орешка жили не только прибалтийские финны, но и саамы (*лопь* в русских документах).

Папские буллы 1171 и 1229 годов называют саамов (*lappie*) в печенге язычников (*paganas*) западного и южного Приладожья, наряду с карелами, ижорой и водью. Волостка Лопца Ладожского уезда на реках Лава и Кобона описана в упомянутой нами писцовой книге 1500 года. Там же приводится описание Егорьевского Лопского погоста Ореховецкого уезда по течению рек Лава, Назия и Шельдиха. Одна из “сторон” Орешка в этой книге названа *Лопской*, другая – *Корельской* [4]. О былом проживании саамов к югу от Невы и Ладожского озера свидетельствует и топонимия этих мест.

Известно, что древнему финно-угорскому *š соответствуют современные прибалтийско-финское *h* и саамское *s*. Мы же видим не *s*, а *š* (*Пешк-*, а не *Песк-*)! Дело в том, что на раннем этапе развития саамского языка в нем как раз сохранялось древнее *š*, не перешедшее еще в *s*. Это надежно доказано на обширном материале топонимии Вологодской и Архангельской областей А.К. Матвеевым [5. С. 232–242]. Теперь же мы имеем аналогичный пример и с территории Южного Приладожья. Он ценен еще и тем, что в современном саамском языке вовсе не сохранилось соответствующее слово, обозначающее орех, ибо в Северной Фенноскандии, где ныне живут саамы, лещина не растет.

Но вернемся к истории Орешка. В 1348 году шведы захватили было город, но новгородцы вскоре отбили его: “Магнушь король взя Ореховець... Той же осене стаща новгородци под Ореховым и... взяша город” [1. С. 360–361]. В 1352 году крепость была перестроена в камне и список “А се имена градом всем русским далним и ближним”, составленный в 1375 году (впоследствии корректировался; окончательную форму приобрел в первой половине XV в.) указывает: “Орешек камен” [1. С. 477]. Крепость устояла против набега шведов в 1392 году: “пришедши из моря разбоинице Немце в Неву, взяша села по обе стороне реке за пять верст до города до Орешка” [1. С. 385]. В 1410 году каменные укрепления окружили и городской посад на острове. Со временем город разросся настолько, что вышел своими предместьями на материковый берег.

В 1611 году крепость была захвачена шведами и стала называться по-шведски *Hornborg* (*nöt* “орех”, *borg* “город, крепость”). В 1702 году была взята русскими штурмом и переименована в *Шлиссельбург* “Ключ-город” (нем. *Schlüssel-Burg*), ибо Петр I считал ее ключом к обладанию невскими берегами. В народе это чуждое русскому уху название трансформировалось в *Шлюшин*.

Находившееся на материке напротив крепости селение Спас-Городенка или Спас-на-Неве в 1755 году стало уездным городом, также получившим название *Шлиссельбург* и образовавшим с крепостью единое целое в административном отношении. В XIX веке крепость была превращена в политическую тюрьму. В 1941 году Шлиссельбург был

захвачен фашистами, но крепость на острове устояла и осталась в руках советских войск.

В 1944 году с целью устранения немецкого названия город был переименован в *Петрокрепость* (в честь царя Петра). Название *Шлис-сельбург* городу и крепости было возвращено в 1992 году. Жаль, что при этом была упущена возможность восстановления названия *Орешек* (или *Ореховец*). В конце концов, при нежелании утрачивать историческое название *Шлиссельбург*, можно было его оставить за городом, а крепости вернуть старинное ее имя *Орешек*.

Кингисепп – район центр на западе Ленинградской области. Возник как крепость *Яма* на реке Луга в 1384 году: “поставиша новгородци город камен на Луге на Яме” [1. С. 397]. Так он и значится в упомянутом нами списке “А се имена градом...”: “Яма камен на Луге”.

Летописи фиксируют неоднократные попытки шведов и ливонских рыцарей в XIV–XV веках овладеть крепостью, но они были безуспешными: “Приходиша Немци Своя к новому городку к Яме и поихаша прочь и князь Константин с городцаны иных изби и инии убежаша” (1395); “тои же осени пришедше Немци взяша семь сел у Ямьского городка и пожгоша” (1397); “тои же осени пришедше Немце у Яме города посад пожгоша” (1444); “того же лета... Немци... пришедше под город под Яму... а города не взяша а самых Немець много паде под городом” (1445) [1. С. 387, 389, 423–424].

Со временем все более устойчивой становится форма *Яма город* (вместо свободного порядка употребления компонентов названия), подчас – уже в слитном написании: с *Ямыгорода*; *отчину свою Ямогород*; *старцы ямогородские*; *на Ямугород* (1592) [6. Ч. 3. С. 102]. Написание *Jamgorodt* мы видим у Исаака Массы (начало XVII в.).

В 1583–1595 и 1617–1703 годах город, как и всё южное побережье Финского залива, находился под властью шведов, будучи центром округа *Jamo Lään*. Под власть России он вернулся уже с онемеченным названием *Ямбург*.

В 1922 году город был переименован в *Кингисепп* – по фамилии организатора эстонской компартии В.Э. Кингисеппа (1888–1922). Остается только сожалеть, что в период массового восстановления исторических имен городов (в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.) было обойдено вниманием исконное название *Ямгород*.

О происхождении названия имеется несколько версий. Наиболее ранняя из них восходит к воззрениям историка Ф.В. Туманского (1746–1810), который именем *ямы* называл финноязычную этническую группу низовьев Луги и Курголовского полуострова. Эта версия воспринята В.А. Никоновым [7] и Е.М. Поспеловым: “Название крепость *Яма* получила по местности, где она находилась: на южном побережье Финского залива, между финскими племенами *ижора* (ср. р. Ижора близ Санкт-Петербурга) и *чудь* (ср. Чудское оз.), размещалось

финское племя *ямь*; так же называлась и земля, где оно проживало, а по ней назвали и крепость *Яма*” [8]. Но А.И. Попов по поводу этой этимологии писал: “не подлежит ни малейшему сомнению, что название г. Яма не имеет никакого отношения к племенному имени Ямь или Емь (финск. *Näme*)” [3. С. 83]. Действительно, история застаёт племя *Нäше* (*Ямь* Лаврентьевской летописи под 1042 г.) в районе группы крупных озер центральной Финляндии – к северо-западу от Карельского перешейка. К тому же в новгородской традиции употребительным было не *Ямь*, а *Емь*, *Емьская земля* (см. географический указатель к [1]). Наконец, если бы подобный этноним действительно существовал в Водской земле, то летописная запись об основании Ямы должна была бы выглядеть следующим образом: “поставиша новгородци город камен на Луге в Ямах”.

А.И. Попов считает, что “первоначальное название города – *Яма* – произошло, вероятнее всего, от слова *ям*, заимствованного в русский язык из тюркско-монгольской лексики (*jam* “почтовая станция”), по-видимому, уже в XIII в.” [3. С. 82]. Но и эта версия вызывает серьезные возражения. Во-первых, почему в названии *Яма* (если из *ям*) произошло рассогласование морфологического оформления по роду не только с этимологией, но и с родовым термином (город), определяющим вид объекта?

Во-вторых, русские названия населенных пунктов, при которых размещались почтовые станции – ямы, обычно назывались не просто *Ям*, а были осложнены аффиксами – *Ямское*, *Ямицина*, либо являлись составными: *Николо-Ям* (Тверская обл.), *Устьянский ям* (на р. Жижице; позднее – *Ямище*), *Ям-Ижора* (ряд названий последнего типа указан А.И. Поповым). Е.М. Поспелов подчеркивает: “Названий *Ям*, состоящих из одного лишь термина *ям*, по-видимому, не встречалось – *ямы* было нужно как-то различать между собой. И если современные списки названий указывают село *Ям* (Домодедовский р-н Московской обл.), то можно быть уверенным, что это название не первичное. Действительно, в документе 1480 г. это *Фроловский ям*, в 1862 г. *Старофроловский Ям*, затем *Старый Ям* и только с 1977 г. просто *Ям*” [9].

Эту версию следует, видимо, отвергнуть. Но существует еще одна версия, на первый взгляд наивная, данная “по сходству звона” (выражение В.К. Тредиаковского). Недаром по поводу нее А.И. Попов высказался таким образом: «Не очень убедительно также предположение о связи названия со словом “яма” (на Луге)» [3]. К народной этимологии относил эту версию и Э.М. Мурзаев [10. С. 349].

Тем не менее, на наш взгляд, именно она не только имеет право на жизнь, но и весьма правдоподобна. Чтобы доказать это, обратим внимание на этимологию названия реки Луга. Финны называют ее *Laukaan joki*. Для формы родительного падежа *laukaan* Й. Миккола вос-

становливает форму именительного падежа *lauas*, реконструируя более древнее **laugas* [11. С. 16]. Этой древней форме (*laugas*) близко современное водское название реки – *laugaz-jecī* или просто *laudaz*, род. пад. *laukā* [12].

Наиболее же близким фонетически к водскому (и древнему финскому) названию реки является эстонское слово *laugas*, род. пад. *lauka* “лу́жа в болоте” [13]. Большинство авторов и ограничивается указанием, что название реки *Луга* связано с эстонским *laugas* “болото” [12, 8, 14].

Однако А.И. Попов, апеллируя к тому же эстонскому слову *laugas*, справедливо указывает более широкий его семантический спектр: “отверстие”, “углубление”, “лу́жа”, “яма” [3. С. 86–87]. Финский этимологический словарь для эстонского *laugas* дает значения “отверстие”, “углубление, впадина”, “яма на болоте” [15]. Как видно, эти значения несводимы к понятию “болото”. Если же попытаться передать все указанные значения одним русским словом, то, пожалуй, лучше всего этой задаче отвечает слово *яма* – о разнообразии его толкований говорил В.И. Даль [16], а о географическом употреблении – Э.М. Мурзаев [10].

Таким образом, мы полагаем, что в летописном “на Луге на Яме” содержится русская калька прибалтийско-финского названия реки Луга. Калькирование (точное или приблизительное) иноязычных названий – не редкость в русской топонимии с древнейших времен, в летописях для того же региона находим и подтверждение этому: *Венець Земли* (1300) – шведское *Landskrona* на Неве; *Новый Городок* (1341) – немецкое *Neuhausen* на Пивже; *Синя Река* (1464) – латышское *Zilupe*; *Кедилив* (эст. *Kädepäivä* “рука-солнце”) – *сиречь Солнца Рука* (1054); *Медвежья Голова* (1116) – эстонское *Oterpää*; *город Воробиин* (1214) – эстонское *Varbola*; *Островская земля* (1344) – эстонское *Saaremaa*. Ну, и наконец – наш *Орешек*.

Заметим, что слово *яма* активно и в собственно русском топонимическом творчестве, например, названия населенных пунктов *Ямка* на о. Кижи, *Ямны* под Новгородом (с 1386 г.), *Ямки*, *Ямна*, *Ямное*, *Ямница*, *Ямы* [10], рек *Яма*, *Ямка*, *Ямна*, *Ямница*, озер *Ямно*, *Ямное* [14], *Крулая Яма*, *Черная Яма* и т.д. Неудивительно поэтому, что название местности (пусть и переводное) по реке Луга, а затем крепости *Яма* естественным образом вошло в русскую топонимическую систему.

Копорье – поселок на западе Ленинградской области на речке Копорка, в двенадцати километрах к югу от Копорской губы Финского залива. Являлся административным центром Водской земли Великого Новгорода. Возникновение города (т.е. укрепления) датируется 1240 годом “придоша Немци [ливонские рыцари. – А.Ш.] на Водь с Чюдью и повоеваша и дань на них възложиша а город учиниша в Копорьи погосте”. Новгородцы посягательства на земли подвластных им племен

не стерпели и в следующем году “пойде князь Олександр на Немци на город Копорью... и взя город” [1. С. 78].

Надо сказать, что впоследствии летописи не говорят об осаде или взятии Копорья врагами. Другое дело, что каменные укрепления Копорья, возведенные “для себя” князем Дмитрием в 1280 году, были в 1282 году разрушены самими новгородцами, не желающими, чтобы приглашенный князь имел в Новгородчине собственные земельные владения, тем более – укрепленные. Впрочем, в 1297 году укрепления Копорья были новгородцами восстановлены в противовес основанию шведами в 1293 году крепости Выборг на западе Карельского перешейка [1. С. 323, 324, 328].

Это не значит, что военные действия вовсе не велись в окрестностях Копорья. Так, под 1338 годом летопись сообщает о набеге немцев на Водскую землю, но копоряне отбили их нападение [1. С. 349]. Еще раз военная угроза появилась в 1349 году, когда мимо Копорья проходили войска шведского короля Магнуса Эриксона после несостоявшегося нападения на Орешек. Об этом мы узнаем из русского “Рукописания короля Магнуша” (сочинения во многом фантастичного, но опиравшегося на русские и шведские известия о реальных событиях), имеющего во многих русских летописях, и “Шведской рифмованной хроники” XV века [2. С. 125–126]. В последнем документе говорится, что Магнус был окружен новгородцами, но спасся, прокопав путь к морю в стороне от устья реки *Lowka*, т.е. Луги.

В свете сказанного чрезвычайно интересно сообщение новгородской берестяной грамоты: “в други ряд рать ударила подо Копорию а я без другого коня живот пометаль” [17]. Стратиграфическая датировка грамоты (по глубине залегания): 70-е – начало 80-х годов XIV века. С ней согласуется палеографическая (по особенностям написания букв) датировка: 1360–1380 годы. Однако в указанном временном интервале наши летописи ничего не говорят о военных действиях в районе Копорья. Поэтому В.Л. Янин полагает, что известие берестяной грамоты может относиться к походам новгородцев на Новый Городок немецкий в 1370 или 1377 годах. Но поход новгородцев и псковичей 1370 года был направлен на немецкий Новый Городок (Нейгаузен) на реке Пивже. Поход же 1377 года имел целью шведский Нейшлосс (порусски тоже Новый Городок) на финской реке Оулу (*Овла* наших летописей). В обоих случаях военные действия велись далеко от Копорья, да и нападающей стороной были не “немцы”, а новгородцы.

В “Ливонской Хронике” конца XIV века [18] под 1367 годом мы находим сообщение о том, что ревельский командор Гельмих Дебенборгский по распоряжению магистра Ливонского Ордена перешел реку Нарову в Ватланд (Водскую землю) и опустошал эту страну огнем пять дней кряду. Об аналогичном набеге говорится в “Хронике” и под 1369 годом. Это подтверждают как предложенная датировка берестя-

ной грамоты, так и ее содержание: ведь в ней говорится о том, что “рать ударила” под Копорьем вторично: “в други ряд”.

Теперь обратимся к очень непростому вопросу о происхождении названия *Копорья*. Можно, конечно, строить предположения (в силу географического положения селения) о его прибалтийско-финских истоках, например – из *kuopra-järvi* “яма-озеро”, тем более, что относительно недалеко от Копорья находятся озера Копанка и Глубокое. Но этому препятствует наличие названия *Копорья на Порозе* в упомянутом списке “Асе имена...”, локализуемого нами у Бенского порога на Верхней Волге, близ которого нет никаких озер.

Более правдоподобным видится славянское происхождение названия. Вслед за С.В. Кисловским [19] В.П. Нерознак [20. С. 92–93] связал его с древнерусским *копати*, приводя диалектные *копарига* “род кирки, мотыги”, *копаруля* “ральник на крюку”. Г.П. Смолицкая [21. С. 62] в рамках этой версии указывает диалектные *копорушка* “орудие для рыхления, прополки почвы”, *копорило* “инструмент для окучивания почвы”, допуская, что *копорье* может обозначать “разрыхленный, распаханый участок земли”. Е.М. Поспелов [8. С. 214] данную версию отводит как малообоснованную. Действительно, слово *копорье* в русской земледельческой лексике неизвестно.

М. Фасмер [22] трактовал *Копорье* как образование с собирательным суффиксом -ье- от *копёр* “укроп”, т.е. *копорье* – “место с зарослями укропа”. Равным образом название *Копорье* можно связывать и с *копорка* “кипрей узколистый, иван-чай”. Связь названия *Копорье* с *копоркой*, кипреем, видимо, интуитивно предполагал известный художник Орест Кипренский (1782–1836). Он родился в деревне Нежново Ямбургского уезда, а крещен был в Копорье, потому и получил фамилию *Копорский*, которую впоследствии сменил на *Кипренский* [23. С. 109].

Подобные образования хорошо представлены в восточнославянской топонимии: *Берестье* (ныне *Брест*) – от *берест* “вяз”. *Олешье* – от *ольха*, *Черемошье* – от *черемуха*, *Сокорье* (в берестяной грамоте середины XIV в.) – от *осокорь* “тополь” и др. Но названия травянистых растений (в отличие от названий древесных пород) чрезвычайно редко служат источниками названий населенных пунктов. К тому же, *Копорье* – достаточно поздняя форма (среднего рода) обсуждаемого названия. В летописях, берестяной грамоте, списке “А се имена...” мы видим название в форме женского рода – *Копорья*, у И. Массы – *Kopuria*. Чрезвычайно выразительна и запись Сигизмунда Герберштейна [24. С. 152], довольно точно передававшего звучание русских названий: *Soporoia*. А эта форма отсылает нас к совсем иному пути образования названия и, соответственно, к иному его значению.

Формы *Копорья*, *Копороя* очень похожат на сложные топонимы, издавна хорошо известные в западно- и восточнославянских землях:

русские *Черторый, Черторой, Черторье, Свинороя, Свинорье, Свинорои, Свинорой, Свиноройка*; украинские *Чорторий, Чортория*; польские *Czartoryja, Zlotoryja*; чешские *Reporyie, Břehoryje*.

Второй их компонент происходит из слав. **guti* “рыть”; первый же называет субъект (черт, свинья) или объект (золото, берег) действия. К названиям этого типа и причислил *Копорье* О.Н. Трубачев, выводя его из древнего сложения **коро-гује* [25]. Компонент *коро-* О.Н. Трубачев выводил из **кора* или **коръ* с вероятным значением “земляная насыпь, холм”. В русских диалектах известны термины *копа* “большая куча сена, снопов хлеба, копна”, *коп* “углубление, вырытое в земле; искусственный проток”, *копец* “межевой знак, курган, насыпь, могила” [26. Вып. 11; 10. Т. 1. С. 297].

О.Н. Трубачев подчеркивал, что реальность сложения **коро-гује* на апеллятивном уровне не подтверждается и реконструируется лишь на основании существования названия “нашего” *Копорья* (уже упоминаемое верхневолжское *Копорья на Порозе* прошло, видимо, мимо внимания Олега Николаевича). Можно допустить, что слово *копорье* все же существовало реально, отразившись в диалектном фразеологизме *уйти в копорье* “умереть”, зафиксированном в Олонецкой губернии в конце XIX века [27. Вып. 14]. Здесь *копорье* выглядело как эфемизм слова могила “вырытое углубление, яма”, либо если выражение пришло из давних, языческих времен – (*могильный*) *курган*, т.е. насыпанная, “нарытая” над покойником груда земли.

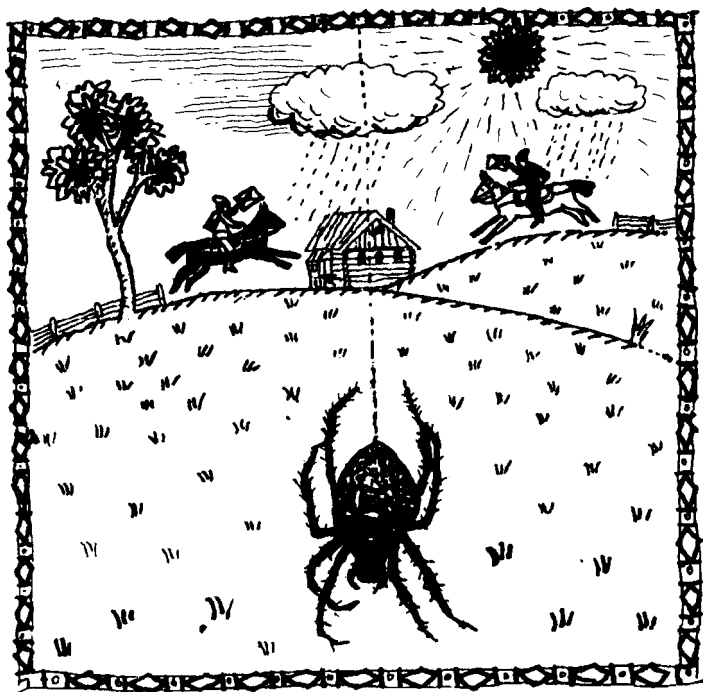
В заключение затронем вопрос, имеющий к нашей теме лишь косвенное отношение, но небезынтересный для русской диалектологии. На Русском Севере в свое время был распространен термин *копорский чай*. Так назывался напиток, получаемый из сушеных листьев кипрея (иван-чая). В словарях В.И. Даля, М. Фасмера и во многих популярных изданиях этот термин возводится не к названию растения *кипрей*, *копорка*, а прямо к названию *Копорье*. Случаи образования названий товаров, продуктов от названий местностей их первоначального производства хорошо известны, представляя собой языковую универсалию, ср. *индейский петух* “индюк” в записях Р. Джемса (1619 г.); *греческий боб* “фасоль” в берестяной грамоте 1-й половины XII века и т.д. Но мог ли топоним *Копорье* послужить источником названия суррогата чая, используемого малоимущими слоями жителей северной России (*копорское крошево и кисло и дешево*)? Копорье, хоть и являлось в XIII–XVI веках административным центром Водской земли, не имело торгово-промышленного значения. Писцовая книга Водской пятины 1500 года отмечает на посаде Копорья лишь 16 дворов, по сравнению с 209 дворами на посаде города Ямы. Показательно, что Лаврентьевская летопись по Суздальскому списку вовсе не знает Копорья. Иное дело, если традиция употребления копорского чая возникла именно на западных окраинах древней Новгородской

земли, символом которой в народном сознании и было название *Копорье*. Но это вопрос уже к специалистам по этнографии.

Литература

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
2. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
3. Попов А.И. Следы времен минувших: из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
4. Кирпичников А.Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
5. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Ч. 2.
6. Сборник документов по истории СССР. М., 1972. Ч. 3.
7. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
8. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 1998.
9. Поспелов Е.М. Названия подмосковных городов, сел и рек. М., 1999.
10. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1999. Т. 2.
11. Mikkola J.J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
12. Ariste P. Über wotische Ortsnamen // Советское финно-угроведение. 1967. № 2; Posti L. Valtian kielten kutsunimen musteen sanakirja Helsinki, 1980.
13. Tamm J. Eesti-vene sõnoraamat. Tallinn, 1962.
14. Агеева Р.А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 2004.
15. Suomen kielten etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1978.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. VI.
17. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
18. Die livländische Chronik Hermann's von Wartberge. Aus dem Lateinischen übersetzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval, 1864.
19. Кисловский С.В. Знаете ли Вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1974.
20. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983.

-
21. *Смолицкая Г.П.* Топонимический словарь Центральной России // Русская речь. 1996. № 3.
 22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II.
 23. *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М., 1996.
 24. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
 25. *Трубачев О.Н.* Етимологічні спосереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонимії // Мовознавство. 1971. № 6.
 26. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1984.
 27. Словарь русских народных говоров. М., 1978.
-

Народные приметы в вятских говорах

© В. Г. ДОЛГУШЕВ,
кандидат филологических наук

Вятская губерния, как и другие местности России, издавна была богата народными поверьями и приметами. Они относились к разным сторонам жизни и деятельности человека: предсказание погоды; виды на урожай; материальный достаток; отношения между членами семьи; предсказание судьбы и т.д. Знакомство с народными поверьями и приметами позволяет раскрыть духовный мир человека прошлого и заглянуть в глубину народного мировосприятия, которое характеризовалось гармоничными отношениями между человеком и природой. Природа для крестьянина – основа его существования, неотъемлемая часть мироздания со своими законами. Знание и использование их помогало выжить.

Не менее значимыми были и отношения между людьми. Так, в вятских говорах издавна считалось большим грехом обидеть сироту: *Не*

обижай сироту – в доме не будет спориться – гласит народная мудрость. Во все времена человек стремился к миру и благополучию в семье, материальному достатку. В народе и на этот случай существовала примета: *Не свисти в доме, деньги водиться не будут*, а если *долонь (ладонь) зудится (чесется) – это, говорят, к деньгам*.

Вятский народ примечал всякую живность, даже маленьких насекомых. Особенно много примет относится к пауку. В современных говорах его называют по-разному – *тенётник*, *теня́тник*, но наиболее распространенное – *мизгирь*. Увидеть паука – к добру: *Мизгирь кверху подымается, значит, к добру* (Оричевский р-н, 1974); *Мизгири водятся к счастью* (Орловский р-н, 1964). Широко бытовала и такая примета: *Мизгирь ползет – письмо придет* (Слободской р-н, 1965); *Мизгирь ползет – письмо несет* (Свечинский р-н, 2002); *Мизгирь бежит по стене – значит, письмо будет* (Омутнинский р-н, 1972); *Мизгирь на стене – письмо, знать, будет* (д. Науминцы, Белохолуницкий р-н, 1972); *Мизгирь над глазами спустился – письмо придет* (Слободской р-н, 1968) и др. Но к самому пауку в различных местностях отношение было неоднозначным. В одних считалось плохой приметой обидеть паука – *Мизгиря-то не дают: не к добру* (д. Березник, Куменский р-н, 1973), в других, наоборот, паука недолюбливали: *Не люби мизгиря – несчастье будет* (Орловский р-н, 1967); *Мизгиря раздавить – сорок грехов снять* (д. Барашки, Унинский р-н, 1973). Известный писатель и этнограф XIX века М. Забылин отмечал: “По народному русскому поверью, все науки вредны от мала до велика” [1]. Согласно народным поверьям, и паутина в доме (в говорах – *тенетó*, *тенёта*) – плохая примета: *Обмети-ко тенета-то: хоть поменьше ругаться, может, будем* (с. Ишлык, Советский р-н, 1976). То есть, если есть паутина в доме – это к близкой ссоре или ругани.

Зоркий народный глаз подмечал: если уголек выкатился из печки, то будут гости. Эта примета существовала в середине XIX века и о ней писал В.И. Даль: *Уголья, искры, головни из печи – к гостям* [2]. В диалектном тексте, записанном, по предположению, священником и этнографом Н. Кибардиным в Орловском уезде Вятской губернии, говорится как раз об этой примете: “Ну, бог с тобой, уголек, прямехонько в рожу!.. Видно седни уж приедут: уголье-то не лгут веть неколя! Да и сорока-та вечор малошно ле шшокотала у окошка: так гостей и насказывала!.. Принеси их осподи!..” [3]. Здесь говорится еще об одной примете, указывающей на скорый приезд гостей, – *стрекотании сороки*.

В текстах, записанных Н. Кибардиным в Орловском и Котельничском уездах в середине XIX века, идет речь и о приметах, свидетельствующих о хорошем урожае: если в святки стоит хорошая погода, то и лето будет хорошим, а следовательно, и урожай будет хороший: *Эв-то веть первая примета, ежели, особливо светьем, стоит ведро, се-*

нокос будет вёдро, а рожь-та зреет сенокосом (Орловский у.). Если в святки будет много на деревьях инея – *кўржевины* – то тоже будет хороший урожай – *ежели светьем кма живет куржевины, хлебеч будет басок, умолотен* (Орловский у.). В святочные дни нельзя заниматься домашней работой – это не нравится силам зла: “Преди пожалуй, – говорит одна из крестьянок другой, – нет ума-ту! Куляш [мифологический персонаж, появляющийся на святках, водяной черт. – В.Д.] придет, умчит жо. Ну садится ли кто светьем [в святки. – В.Д.] за пресничу [прялку]?” (Орловский у.).

Если на Ильин день (20 июля по старому стилю) стоит молодой месяц, то надо сеять молодой рожью, а если старый месяц – “на уме” – то старой, чтобы был хороший урожай (Котельнический у.).

О погоде на лето говорило такое явление: если весной из муравейников выходили сначала красные муравьи – лето будет теплым, а если черные – то дождливым: “Я слышал от старых людей, щте весной ежеле из муравишшов [муравейников. – В.Д.] переж красные муравьи выходят – будет лето красное, а коли черные переж, – лето будет черное, замочливо. Я весной эвто замечео, переж и узнаю, коля какое будет лето” (Котельнический у.).

Народная память донесла до нас из глубины веков множество наблюдений, сохранив их в поверьях и приметах. Они сконцентрировали в себе опыт предшествующих поколений и стали частью народной культуры.

Литература

1. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным М., 1880. С. 275.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1998. Т. 3.
3. Зимнее утро в крестьянской избе. Ильин день в 1847 году // Сб. ОРЯС АН. Пг., 1920. Т. 95. № 1. С. 67–70.

Киров

Царская тема в поэзии Федора Глинки и в русском фольклоре

© Н. Г. ЯСТРЕБОВА

Поэта-декабриста Ф.Н. Глинку привлекали идеи переустройства жизни России на просветительских началах, отмены крепостного права, но не свержения самодержавия: являясь сторонником конституционной монархии, он считал православного государя неотъемлемой и вечной составляющей российской власти, Богом данной благодатью.

Такое отношение к князю, государю существовало и в фольклоре со времен Киевской Руси.

Русский былинный эпос повествует о временах княжения Владимира Святославича – Владимира Красное Солнышко, в самом имени которого уже содержится народная оценка. “Время княжения Владимира стало песенно-эпическим временем в былинах. Редкая из былин, возникших позднее XI в., не говорила о Владимире. Ко времени княжения этого киевского князя приурочено действие и в некоторых ранее возникших былинах” [1]. Естественно, реальному князю не мог принадлежать столь долгий период правления. В эпическом Владимире воплотились черты многих русских правителей Древней Руси. Но в качестве героя своих эпических сказаний народ избрал именно Владимира Красное Солнышко, поскольку деятельность этого князя была временем расцвета Руси: многочисленные восточнославянские племена слились в одно государство, укрепились его южные рубежи.

Кроме того, за величайшее его деяние – крещение Руси – народ стал называть своего князя Владимир Святой.

В “Обзоре русской истории” так характеризуется деятельность Владимира Святославича: “Сам Владимир, бывший в молодости развратным и жестоким, совершенно переродился после крещения. По рассказу летописи, он не только любил и угощал дружину свою (устраивая для нее свои знаменитые пиры), но глубоко проникся идеей христианской помощи ближним и благотворительности в отношении всех нуждающихся в помощи; он раздавал бедным обильную милостыню из княжеской казны. Князь жил, по рассказу летописца, “в страхе Божии” и до того проникся чувством гуманности, что не решался даже казнить разбойников, и на вопрос епископов, почему он не казнит их, ответил: “Боюся греха” [2]. Другой немаловажной причиной закрепления за былинным князем имени Владимира явилась и деятельность Владимира Мономаха, послужившая укреплению расцвету Киевской Руси.

Но от народного взгляда не ускользали и отрицательные качества русских правителей. “Вечно пирующий” князь Владимир сажает Илью Муромца в темницу, несправедливо обижает лучших своих богатырей, выступает пособником в сватовстве Алеши Поповича к жене Добрыни и т.д. В былине “Илья в ссоре с Владимиром” русский князь предстает как “несправедливый, жестокий по отношению к Илье (и другим богатырям) в мирных условиях и трусливый, жалкий, беспомощный при смертельной угрозе Киеву” [3]. Тем не менее фольклор не знает прямой, открытой критики князя или царя: каким бы правитель ни был, его власть священна.

Примечательно, что в былине “Илья Муромец в изгнании и Идолище” Илья Муромец, несмотря на ссору с князем Владимиром, услышав о несчастье князя, спешит к нему на помощь, а встретив, обращается с такими словами: “Что ты, красно наше солнышко, похудело, Что ты, ласков наш Владимир князь ты стольнокиевский?” [4]. Народ называл своего царя “государь”, “батюшка”, “надежда”, “ласковый”, “православный”, “белый”.

В исторических песнях об Отечественной войне 1812 года, современно Глинке времени, можно наблюдать сходную ситуацию. Несмотря на многочисленные военные неудачи и политические промахи Александра I, народ в своей устной поэзии никогда не выступал с критикой царя. Даже в песне “Наполеон пишет Александру”, в которой говорится о растерянности и беспомощности Александра I перед наполеоновским нашествием (при известии о том, что Наполеон собирается разорить Москву, Александр “крепко призадумался, Повесил свою буйную голову на белы груди, Утупил свои очи ясные во сыру землю”), народ называет царя не иначе, как “православный”, “белый”: “Наполеон-король пишет нашему царю белому...”, а белый цвет, как известно, выступает символом благородства, чистоты.

Святость царской власти подчеркивают русские пословицы и поговорки: “Что Бог, то Бог, а свята и воля царская!”; “На все святая воля царская”; “Царское осуждение безсудно”; “Царский гнев и милость в руке Божьей”; “За царское согрешенье Бог всю землю казнит, за угодность – милует”; “Царь от Бога пристав”; “Никто против Бога да против царя”; “Сердце царево в руке Божьей” [5].

Подобное отношение к царю было неотъемлемой чертой сознания русского православного народа. Поэт истинно русский, Глинка в своей поэзии выражал общенародные монархические чувствования, находившие отклик и в его душе. Жизнь писателя проходила в годы царствования трех императоров: Александра I (1801–1825), Николая I (1825–1855) и Александра II (1855–1881).

Александр I вошел в историю и в сознание народа как победитель наполеоновского нашествия, снискав уважение прежде всего “помилованием” Парижа, который он не стал ни сжигать, ни разорять, как это в свое время сделал с Москвой Наполеон.

Известие о кончине императора Николая I Глинка встретил стихотворением “Первое чувство при вести о неожиданной кончине Государя”, в котором поэт выразил чувство всего русского народа:

Но Русь еще не сиротеет,
Пылает Веры в ней алтарь.
Над ней надеждой новой веет –
И к ней выходит новый Царь!..
В Крыму, на Кяхте, на Олонце
Для всех племен, во всех краях
Одно еще не скрылось солнце,
Другое всходит уж в лучах... [6]

Подтверждение тому, что без царя русский человек считал бы себя сиротою, находим в пословицах и поговорках, собранных В.И. Далем: “Без царя народ сирота”; “Без Бога свет не стоит – без царя земля не правится”. Идеализация царя заставляла не замечать его ошибки и промахи, закрывать глаза на его недостатки, которых у него, согласно народным представлениям, и быть не могло.

Для Глинки, как и для народа, царь, без всякого преувеличения, был солнцем. Такое высокое, возвышенное “чувствование” царя, его сравнение с небесным светилом основывается на параллели царя земного с Царем Небесным, Богом. Примеры соотнесения Бога и царя находим в Словаре В.И. Даля: “До милосердного царя и Бог милостив”; “Бог милостив, а царь жалостив”; “За Богом молитва, за царем служба не пропадает”; “Бог помилует, а царь пожалует”; “Виноватого Бог простит, правого царь пожалует”; “До Бога высоко, до царя далеко”; “У Бога и живых царей много”; “Правда Божья, а суд царев”.

Чаяния народа, который всегда ждал от нового царя, что “он нужды подданных поймет”, сделает все то, что не смог или не успел сделать его предшественник, слышатся в следующих строках Федора Николаевича Глинки:

И в бурном круговом пожаре
Залоги сладкой тишины
Нам светят в новом Государе,
Как в дни бывалой старины.
Как сын, обняв свою Россию,
Он ей же будет и отец:
Монистой благ обложит выю,
Из счастья ей сплетет венец,
И, предков с мудростью былою,
Он нужды подданных поймет,
И, кроткий, милости полою
Слезу у нищего отрет. [7]

В представлении народа, согласно Словарю В.И. Даля, царь являлся воплощением справедливости, милосердия и доброты: “Где царь, тут и правда”; “Всякая вещь перед царем не утаится”; “Народ думает, а царь ведает”; “Как весь народ вздохнет, до царя дойдет”; “Царево око видит далеко”. Особенно много примеров веры народа в справедливость монарха связано с историческими преданиями о Петре Первом. В предании “Раскольники при Петре Первом” доказывается милость Петра по отношению к раскольникам – людям, которые считали его “антихристом, кто был для них зверем апокалипсиса и чей титул представлял собой апокалипсическое число звериное” [8]. Узнав, что трудолюбивые раскольники исправно платят подати и “недоимки за ними никогда не бывает”, царь Петр обращается к ним с такими словами: “Живите же, братцы, на доброе здоровье. О царе Петре, пожалуй, хоть не молитесь, а раба божия Петра во святых молитвах иногда поминайте – тут греха нет” [9].

В другом предании – “Петр и плотник” – повествуется о том, как Петр учился плотницкой науке у воронежского мастера, который, не узнав царя, часто его ругал. Но Петр, переняв науку и открыв свое истинное лицо, вместо ожидаемого наказания наградил мастера царским кольцом. О справедливости царя говорится и в других преданиях: “Петр Первый и вытегоры”, “На пути к Архангельску”, “Тебе весело – и мне весело”, “А в Архангельске – лучше!”, “Петр Первый и Антип Панов”, “Петр Первый – кум”, “Петр Первый в Повенце”, “Олонецкий воевода”, “Конь Петра Великого”.

Наряду с убеждением в несомненной справедливости царя существовало и народное представление о том, что только от деятельности царских чиновников происходят все непорядки и несправедливости в

государстве, о которых царь просто не знает и о которых ему никто не докладывает. Поэтому любовь к царю у русского народа связана с ненавистью к царским наместникам и придворным, всячески препятствующим тому, чтобы царь знал правду об истинном положении дел: “Жалует царь, да не жалует псарь”; “Не ведает царь, что делает псарь”. Более того, эти мысли народа распространялись не только на власть царя, но и на власть вообще, власть как таковую: по народному мнению, стоит пожаловаться на несправедливость начальника более высокому начальству, находящемуся в неведении о царящем беззаконии, народного обидчика непременно накажут. Это нашло отражение в народных преданиях (“Царь Петр и солдат”) и сказках (“Солдат и царь в лесу”).

Русский народ всегда с искренней радостью встречал известие о рождении у своего царя законного наследника, на него возлагались новые надежды. Это народное представление выражает стихотворение Глинки “На рождение Великого Князя Николая Александровича”:

Громкой вести проповедник,
Звон в соборах раздался:
У Наследника Наследник
В Царстве Русском родился!

И поют, и светят храмы,
И глядит Русь-Исполин,
Как судьба лет дальних в рамы
Ставит длинный ряд картин. [10]

Поэт вместе со своим народом с надеждой смотрит в будущее. Но он понимает, что оно зависит от личных усилий каждого, в особенности молодых, ответственных за то, что они делают, “пред народом и Царем”.

Молодое поколение,
С новым выйдя фонарем,
Оправдай свое ученье
Пред народом и Царем!

Что над книгой и бумагой
Не сгубило ты часы,
Докажи, держа с отвагой
Правомерия весы!

Чтоб для внешней обороны
Грудь твоя была оплот;
А в дому чтоб стихли стоны
И вдовицы, и сирот! [11]

Заключительные строки стихотворения по своему содержанию и особой напевности напоминают народные колыбельные песни:

Но, пока все созревает,
Спи, наш Гость, небесным сном,
И Тебя да осеняет
Ангел твой златым крылом! [12]

Согласно народным представлениям, новорожденный, действительно, был гостем, это обращение встречается в колыбельных песнях. И, как любого гостя, его следовало встречать с радостью и весельем, дарить ему подарки. Стихотворное послание Ф. Глинки – также своеобразный подарок молодому князю.

Личность монарха была священна и неприкосновенна. Поэтому известие о покушении на императора Александра II в ночь со второго на третье апреля 1879 года и о чудесном спасении царской семьи взволновало всех. В Тверских епархиальных ведомостях сообщалось: “нужно ли говорить, что все тверитяне, и стар и млад, все вместе спешили в свой соборный храм, чтобы здесь при мощах св. благоверного великого князя Михаила, с коленопреклонением у святого алтаря излить свои молитвы за жизнь бесценного Царя... Дрогнул громкий голос протодиакона, когда он с священного амвона читал телеграмму г. министра внутренних дел; а во время молебна пал в умилении на колена народ от мала до велика, от первого представителя власти до последнего бедняка, просящего милостыню у дверей храма, когда возносились молитва за спасение Царя возлюбленного. Маститый старец – поэт Федор Николаевич Глинка, проживающий в Твери, с юношеским воодушевлением и с неувядаемой свежестью прекрасно выразил эти чувства тверитян в своем вдохновенном стихотворении ...” [13]. Далее в газете помещалось стихотворение поэта, наполненное искренней тревогой, поскольку жизнь царя – это жизнь народа:

Был полон чувств народ смиренный
И у святого алтаря
Молил коленопреклоненный
За жизнь бесценную царя...
Царева жизнь есть жизнь народа,
И кто б ее не оценил?
Народу Им дана свобода:
Он к счастью новый путь открыл! [14]

В своих стихотворениях Глинка сумел выразить традиционный спектр народных представлений и чувств по отношению к царю-батюшке: веру народа в высочайшую святость царя, его справедливость,

самоотверженное служение России, а также естественные с приходом каждого нового монарха надежды на лучшую жизнь.

Литература

1. Аникин В.П. Русский богатырский эпос. М., 1964. С. 52.
2. Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. С. 31.
3. Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа // Былины. М., 1988. С. 14.
4. Там же. С. 152–153.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1991. Т. IV. С. 570.
6. НИОР РГБ. ФФ. 231/III. II 3. Ед. хр. 28а. Л. 2 – 2 об.
7. Там же.
8. Легенды. Предания. Бывальщины. М., 1989. С. 91.
9. Там же.
10. НИОР РГБ. ФФ. 231/III. II 3. Ед. хр. 27. Л. 1.
11. Там же.
12. Там же.
13. 3-е апреля // Тверские епархиальные ведомости: Часть неофициальная. 1879. 15 апреля (№ 8). С. 162–163.
14. Там же.

Чебоксары

Так кто же у нас самый живой?..

© А. Э. ГРИГОРЯН

В русском языке есть существительные, которые являются одушевленными только с грамматической точки зрения, в отличие от разговорной речи и художественной литературы. Таковы, например обозначения умершего лица: *покойник*, *мертвец*, *труп*.

Труп – существительное неодушевленное как формально, так и семантически, фактически оно выступает как синоним к слову *тело* в одном из его значений – “организм человека или животного в его внешних, физических формах” (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова). Сложность составляет пара *покойник* – *мертвец*, грамматическая одушевленность которой очевидна, но не поддается традиционному осмыслению (с точки зрения соответствия слова определенному компоненту экстралингвистической действительности), так как в комплексе, составляющем лексическое значение слов, не присутствует сема “живой, активно действующий”. Другим интересным фактом является то, что эти существительные, несмотря на формальную одушевленность, имеют принципиально разное применение: для обозначения умершего лица в повседневной речи в абсолютном большинстве случаев используется именно слово *покойник*, но никак не *мертвец*. Согласимся, что с точки зрения лингвистической этот факт объяснить сложно. Цель нашей работы – выявление различия в “семантической” и “формальной” одушевленности слов *мертвец* и *покойник* с этнокультурной точки зрения.

Почти во всех мировых культурах присутствует вера в жизнь после смерти, а это означает, что умерший (и *покойник*, и *мертвец*) после смерти переходит в иной мир, где остается активным деятелем, при этом в мире живых о его делах просто говорят в прошедшем времени (эх, любил покойник в шашки поиграть; бывало, покойный – *покойник* – сядет чай пить, дети к нему на руки так и просятся и т.п.). О том, что в сознании говорящего покойник остается живым и после смерти, говорят такие примеры, как *хорошо ему там, спокойно; смотрит покойный дедушка сверху на тебя, не нарадуется; он (покойник, покойный) оттуда сверху все видит*, где об умершем человеке и вовсе говорится как о живом, но сменившем место своего действия и пребывания. Во всех примерах заметно и еще одно: ни в одном из них слово *покойник* нельзя заменить словом *мертвец* – звучать будет “не по-русски”. Что значит “не по-русски”? То, что носитель языка не поймет

такого высказывания, так как в его сознании мертвец не может осуществить те функции, которыми наделяют покойника, так же как и покойник не может осуществлять функции мертвеца, которых, как мы увидим, очень немного.

Чаще всего слово *мертвец* встречается в следующих сочетаниях: *ходячий мертвец*, *восставший мертвец*, *неупокоенный мертвец*, *зловетный мертвец* – и похожих на них, что четко определяет сферу действий *мертвеца* – мифологическое пространство легенд, сказаний, преданий, страшных историй и т.д. И, в отличие от пространства покойника, пространство мертвеца – более земное, чем небесное, и упоминают о мертвеце не в положительной связи, а как о сверхъестественной силе, действия которой носят разрушительный или опасный для живых характер. Иначе говоря, *покойник* “живее” *мертвеца*: его упоминают постоянно, причем в реальном повествовании, а не в сфере фантазии, его упоминание гораздо более желательно, не пугает; наконец, в сознании говорящего он условно *жив*, хотя и находится на небесах.

Тем не менее, несмотря на указанное нами различие планов содержание слов, в таком авторитетном издании, как “Большой толковый словарь русского языка” под редакцией С.А. Кузнецова слово *мертвец* объясняется следующим образом: “**Мертвец**, -а м. Мертвый человек; покойник...” [1], фактически авторы словаря считают слова синонимами. Схожее определение находим и в “Толковом словаре русского языка” под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: “**Мертвец**, -а м. Умерший человек, покойник...” [2]. Однако мы полагаем, что есть и другие причины столь серьезного различия таких схожих на первый взгляд слов.

Нам думается, что говорящий при употреблении слов *мертвец* и *покойник* имеет в виду не одно и то же. Весомым аргументом является морфемный состав слов. Корень *покој-* у носителя языка ассоциируется с более положительными и безопасными реалиями (*покой*, *спокойный*, *успокоиться*, *упокоить* и т.д.), чем корень *мерт-* (слова того же словообразовательного гнезда: *смерть*, *умирать*, *умерший*, *смертельный*, *смертоубийство*, *смертоносный* и т.д.).

Доказательством может служить и этимология обоих слов, точнее, корней. Слова *мертвый*, *мертвец* имеют схожую форму и значение во многих языках: укр. *мертвий*, др.-рус. *мъртъвь*, старосл. *мрътъвь*, болг. *мъртъв* [3]. Главное, как нам кажется, в том, что *мертвец*, *мертвый* восходят к готскому слову, которое переводится как “убийство” [3] (очевидно содержание “отрицательного” компонента значения – недовольство умершего фактом ухода из жизни, неупокоенность вообще). Думается, что этот негативный компонент значения закрепился и остался в современном русском языке, но на бессознательном уровне.

Иная ситуация со словом *покойник* и корнем *покои-*. Это существительное также имеет схожие формы и значения во многих славянских языках: укр. (с)покой, др.-русс. *покои*, старосл. *покои*, болг. *покой*, словен. *rokoj*, польск. *rokój* [3]. Корень *покои-* возводится Фасмером к авестийскому *zūāi* – “обрадованный”, что полностью противоположно происхождению и значению корня *мерт-*, но подтверждает гипотезу о присутствии сем “покой, спокойствие, радость, успокоение, умиротворение” в слове *покойник*. Сейчас же (как и в слове *мертвец*) этот компонент значения остался на подсознательном уровне. Иначе говоря, ситуация в обоих рассматриваемых словах одинаковая, противоположны лишь наполнения.

Используя существительное *покойник*, говорящий, по нашему мнению, предполагает, что душа умершего находится в *покое* (не важно, как обозначается “место покоя”), то есть умерший *упокоен* и доволен загробной жизнью; фактически, счастлив и не стремится проникнуть обратно в мир живых. Таким образом, лексическое значение слова *покойник* трансформируется из аналога достаточно нейтрального слова *умерший* в значение с несколько другим оттенком: “умерший, довольный загробной жизнью и находящийся в покое”.

Иная ситуация со словом *мертвец*. Корень *мерт-* обозначает в основном негативные реалии (смерть, умирать, умерший и т.д.). Как нам думается, *мертвец* обозначает не просто умершего человека, но человека **неуспокоенного**, недовольного загробной жизнью, опасного для живущих, стремящегося проникнуть в мир живых или уже это сделавшего. И здесь возможны две трактовки. Первая, как уже было нами сказано, заключается в понимании мертвеца как “антипода” покойника, – умершего, в прошлом, возможно, ведшего безнравственный, нечестный образ жизни, озлобленного на людей и поэтому стремящегося отомстить живым за свои мучения; иначе говоря, *мертвец* представляется как злое, одержимое существо, несущее страх и смерть, именно поэтому он и не упоминается в повседневном общении, а обозначается словом *покойник* (о покойнике плохо не говорят, к тому же каждый говорящий надеется на то, что его, например, родственник, о котором он упоминает, находится в другом мире в покое и благополучии, а не страдает и не несет живым смерть и разрушение). Не стоит забывать и о таком факторе, как эвокативная функция слова (функция призывания), который также мог повлиять на значительно более редкое употребление слова *мертвец*, нежели *покойник* (чей вызов желателен, а чей – нет, очевидно).

Возможно и то, что *мертвец* может пониматься просто как безжизненное тело, каким-либо образом возвращенное к жизни, то есть принципиальное отличие от покойника будет заключаться уже в отсутствии какой бы то ни было духовной составляющей у мертвеца, фактически это живой (или оживленный кем-то) труп.

Неизменными остаются мифологический статус и опасность для живых.

Итак, мы убедились, что такое явление, как одушевленность и неодушевленность слов *покойник* и *мертвец*, не может быть объяснено с чисто лингвистической точки зрения. Мы предложили этнокультурное этимологическое обоснование: главным при рассмотрении было значение слов в определенном контексте. Это показало, что значения слов *мертвец* и *покойник* далеки от синонимии и что такая последовательная категория, как одушевленность и неодушевленность, в данном случае проявляет себя весьма непоследовательно.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2003.
2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.

Международная конференция “Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка). IV”

В апреле 2005 г. В Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова на базе филологического факультета прошла международная конференция “Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка). IV”. В оргкомитет конференции, который возглавил ректор НГЛУ Г.П. Рябов, вошли заведующие кафедрами русского языка ведущих вузов Нижнего Новгорода, а также представители Администрации Нижнего Новгорода.

Проведение конференций, посвященных актуальным проблемам исследования социальных вариантов языка, стало традиционным в НГЛУ. Данный форум был уже четвертым, и организаторы намерены в дальнейшем проводить конференции с такой тематикой один раз в два года.

Заявки и материалы для публикации прислали более ста сорока ученых из 37 городов Российской Федерации, Украины и Финляндии. В форуме участвовали лингвисты из сложившихся научных центров – Волгограда, Воронежа, Москвы, Перми, Пскова, Саратова – а также представители продуктивно работающих в данной сфере лингвистики вузов Йошкар-Олы, Липецка, Орехово-Зуева, Череповца и др.

На конференции были открыты следующие секции: “Общие проблемы социальной диалектологии”, “Социальные варианты языка и лексикография”, “Социальное варьирование в области концептосферы языка”, “Социальные и территориальные диалекты и литературный язык”, “Особенности языка отдельных социальных групп”, “Факторы социального варьирования языка”, “Языковая личность”, “Отражение социального варьирования языка в рекламе и СМИ”, “Социальные варианты языка в диахронии”.

На пленарном заседании М.А. Грачев (Нижегор. лингв. ун-т) отметил недостаточную изученность молодежного жаргона как явления, с одной стороны, характеризующего состояние речевой культуры молодежи, с другой – содержащего определенные интенции языкового развития. Одной из важнейших задач лингвистической науки в настоящее время докладчик считает поиск средств сохранения традиционной речевой культуры как в молодежной среде, так и в российском обществе в целом.

На распространение нарушений литературной нормы в устной речи политиков, представителей СМИ, вузовских работников указала Ю.С. Язикова (Нижегор. пед. ун-т). По ее мнению, так называемая “демократизация” языка противоречит “традиционно сформировавшемуся в русском обществе отношению к литературно-языковой норме как обязательной характерной черте литературного языка”.

На необходимость создания четкой и непротиворечивой терминологии в сфере неологии обратил внимание А.Т. Липатов (Йошкар-Ола). Докладчик отметил, что особую область исследований образуют неологизмы, рождающиеся в недрах сленга, и показал особенности семантических отношений между литературным и сленговым лексическим материалом.

Значительный интерес вызвал доклад Т.Н. Синеоковой (Нижегор. лингв. ун-т), посвященный теоретическим и прикладным аспектам исследований речевых явлений при измененных состояниях сознания. Возможность использования психолингвистических методик при изучении социальных вариантов языка обещает открыть новые возможности как для психолингвистики, так и для социолингвистики.

На секционных заседаниях возникали оживленные дискуссии. Среди прочитанных докладов следует выделить выступление Т.В. Романовой (Нижегор. лингв. ун-т), которая обратила внимание на возможность интеграции методик исследования социолингвистики и когнитивной лингвистики. О проблемах, связанных с созданием двуязычного словаря социолектизм, рассказала О.С. Сапожникова (Нижегор. лингв. ун-т). Весьма содержательным и интересным был доклад Е.В. Ерофеевой (Пермь), выделившей переходные формы, существующие между территориальными диалектами и литературным языком. Живой интерес участников вызвало выступление Н.Н. Шарандиной (Тамбов), посвятившей свой доклад отражению гедонистских устремлений в аргю. Дискуссионными и содержательными были доклады В.С. Захарова (Орехово-Зуево), В.М. Никонова (Липецк) и ряда других участников.

Был проведен также круглый стол участников конференции по актуальным проблемам изучения социальных вариантов языка. Перед началом круглого стола с докладом выступили организаторы конференции Г.В. Глинских и М.А. Грачев, предложившие участникам высказаться по комплексу вопросов, затрагивающих теорию и практику социолингвистических исследований. Как отметили докладчики, на сегодняшний день при изучении социальных вариантов языка преобладает эмпирический подход. Разнообразие классификаций, зачастую создаваемых по принципу *ad hoc*, делает практически несопоставимыми результаты анализа. Отсутствие более или менее общепринятых классификационных принципов для описания социальных вариантов языка тормозит дальнейшее развитие исследований.

Не менее острой является проблема качества словарей социолектов. На книжный рынок хлынула целая волна словников, в которых отсутствуют сколько-нибудь четкие критерии как отбора материала, так и его интерпретации. Социолектная лексикография на сегодняшний день нуждается в теоретической разработке, причем главная проблема состоит даже не в том, как определить, какой словарь плохой, а какой хороший. Нужны работы по типологии словарей социальных вариантов языка, только в этом случае появится возможность соотнесения тех или иных лексикографических трудов друг с другом.

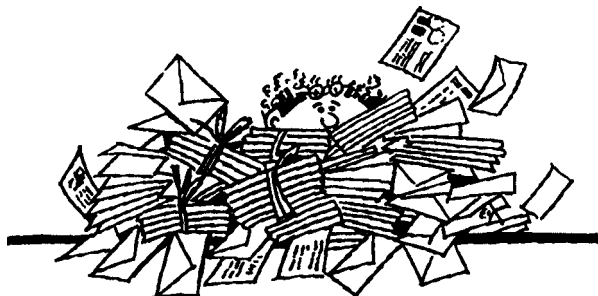
Докладчики остановились также на необходимости разработки новых подходов для изучения чрезвычайно динамичного материала социальных вариантов языка. Использование традиционных методик лишь частично решает проблему. Представляются перспективными методы психолингвистики и когнитивной лингвистики для изучения социолектов. В качестве первого шага в этом направлении в Нижегородском лингвистическом университете создана лаборатория социопсихолингвистических исследований. Одной из важнейших задач, стоящих перед лабораторией, является объединение усилий ученых, работающих в рамках данных лингвистических направлений, для изучения различных характеристик социальных вариантов языка.

Проблемы, затронутые в докладе, нашли отклик у присутствующих, которые приняли живое участие в их обсуждении. В ходе дискуссии было отмечено, что назрела необходимость создать терминологический словарь социолектологии.

Конференция проходила при материальной поддержке ООО "Волготрансгаз" (генеральный директор И.Л. Щеголев) и ОАО "Нижегородский завод шампанских вин" (генеральный директор Ю.В. Лисенков). Особую благодарность организаторы конференции выражают Департаменту культуры Администрации Нижнего Новгорода (директор Департамента С.А. Горин) за понимание нужд научного сообщества и готовность оказать помощь.

Г.В. Глинских,
доктор филологических наук,
М.А. Грачев,
доктор филологических наук

Нижний Новгород

С инициалами и без

© Н. А. ЕСТЬКОВА,

доктор филологических наук

Когда мы проявляем больше уважения к человеку – передавая его фамилию с инициалами или без инициалов? Кажется, что с инициалами “уважительнее”. Для многих ситуаций это действительно так. Например, в официальном обращении отсутствие инициалов может свидетельствовать о недостаточном уважении к носителю фамилии.

Но с фамилиями знаменитых людей дело обстоит особым образом. Чем известнее человек, тем меньше нуждается его фамилия в сопровождении именем, именем и отчеством или инициалами. В сообщении о смерти одного крупного русского писателя XX века было сказано: “Умер Леонов. Как и любой прижизненный классик он получил право называться только по фамилии” (Лит. газета. 1994. 9 авг.).

Среди известных людей – однофамильцев – обычно выделяется один, с которым будет однозначно соотнесена фамилия, употребленная без инициалов. Толстой – это, конечно, Л.Н. Толстой (несмотря на наличие двух достаточно известных однофамильцев-писателей), Тургенев – И.С. Тургенев, Некрасов – Н.А. Некрасов, Глинка – М.И. Глинка (а не поэт Федор Глинка). Гончаров – И.А. Гончаров (а не А.А. Гончаров, известный режиссер).

Но номенклатурно-канцелярское мышление устроено иначе. Когда в 1930-е годы готовилось академическое издание Пушкина, крупнейшим пушкинистам пришлось долго “бороться” за то, чтобы на переплете и титульном листе стояло: Пушкин (а не А.С. Пушкин, как казалось “уважительнее” тем инстанциям, от которых зависел выход издания).

Современные книгоиздательские требования, к сожалению, с трудом допускают упоминание известнейших фамилий без предшествую-

щих инициалов. Так, в учебной литературе для детей существует только А.С. Пушкин. В статье, написанной для “Детской энциклопедии”, я попыталась написать: “Вот три цитаты из Пушкина”. Конечно, мне изменили: “из произведений А.С. Пушкина”, и никакое “сопротивление” не помогло.

К чему может привести бездумное следование этому издательскому требованию, показывает следующая фраза из авторитетного научно-популярного журнала, производящая, на мой взгляд, комическое впечатление: “Подлинный А.С. Пушкин, как утверждал один из первых биографов поэта, П.В. Анненков, начался с южной ссылки...” (Наука и жизнь. 2004. № 5. С. 104). В выражении “подлинный Пушкин” инициалы совершенно неуместны!

Употребление в одном ряду фамилий с инициалами и без может иронически обыгрываться: “Он прочитал кучу книг по философии, ворох мемуаров самых неожиданных авторов, легко цитировал Лукреция и Щедрина, Светония и В.В. Ермакова” (Лиходеев Л. История одной поездки. М., 1964). Ироническое отношение к персонажу выражено включением в ряд известнейших имен, не нуждающихся в инициалах, фамилии не пользовавшегося доброй славой литературного критика с двумя инициалами (которые надо произнести: *вэ вэ* Ермакова).

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “РУССКАЯ РЕЧЬ”
В 2005 ГОДУ**

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Астафьев А.Ю. Актуальность окказионализмов В.В. Маяковского.....	6
Ауссем И.А. О синтаксисе прозы позднего А.П. Чехова.....	1
Балашова Е.А. А.Ф. Вельтман: феномен барочного резонанса..	4
Балашова И.А. Как звали героя повести А.С. Пушкина “Пиковая Дама”?.....	1
Бельская Л.Л. Два “Горизонта”	5
Бельская Л.Л. “Стихов российских механизм”	1–3
Воропаев В.А. “...Этот необыкновенный лиризм...” (О влиянии церковнославянского языка на творчество Н.В. Гоголя)	4
Гапоненко П.А. “Мое сердце – родник, моя песня – волна” (О поэтике Я.П. Полонского).....	2
Гапоненко П.А. Образы А. Толстого, А. Майкова, Я. Полонского, Ин. Анненкова и поэзия К. Случевского	1
Гуриненко Н.А. Человек и природа в лирике Ф.И. Тютчева	6
Давыдова О.А. “Их-то и прозвали казаками” (Значение слова <i>казак</i> в языке М.А. Шолохова).....	3
Давыдова О.А. Лексика казачьей службы в “Тихом Доне”	6
Дмитриева Т.Г. Образ поэта в лирике Д.В. Веневитинова.....	5
Жаткин Д.Н. Имя собственное в поэзии А.А. Дельвига.....	1
Иванова И.С. Восприятие времени поэтами Серебряного века...	4, 5
Иванова Н.Д. Тема весны у И.А. Бунина	2
Каргашин И.А. “Погоня” Федора Глинки и “Погоня” Владимира Высоцкого.....	4
Коурова О.И. “...И ведаю, мне будут наслажденья...” (О любовной лирике А.С. Пушкина)	3
Маркова Т.Н. Новые акценты в военной прозе конца XX века.	4
Маркова Т.Н. “Особый язык” прозы В. Пелевина.....	1, 2
Молчанова С.В. “Памятник до неба”	3
Мякинина Е.С. Люлька и трубка в вещном мире Н.В. Гоголя.....	2
Озеров Ю.А. Лирический оптимизм повести Г.Н. Троепольского “Белый Бим Черное ухо”	6
Озеров Ю.А. “Люблю недостижимое...” (О творчестве З.Н. Гиппиус)	5
Озеров Ю.А. Символика и “грубый реализм” в повести В.П. Астафьева “Пастух и пастушка”	3
Ранчин А.М. <i>Всадник мертвый и коня белеющего бег</i> в поэме И.А. Бродского “Петербургский роман”	1

Романов Д.А. Система лейтмотивов в романе И.С. Тургенева “Дворянское гнездо”	5
Серафимова В.Д. Поэтика повести Л. Бородина “Ловушка для Адама”	5
Серебряная И.Б. Особенности рифм и созвучий у К.Ф. Рыльева.	6
Степанов А.В. Растения и страсти в сказке В. Гаршина “Attalea princeps”	6
Ушакова Ю.Ю. Название лица в языке и художественном тексте.....	2
Федоров М.Л. Местоимения, выделенные курсивом, в лирике Ин. Анненского.....	4
Фролова О.Е. Военные песни Б.Ш. Окуджавы.....	3
Фролова О.Е. Пушкинская тема в романе В.В. Набокова “Дар”.	1
Чупашева О.М. “Вам не понять моей печали...” (Односоставные предложения в русских романах).....	5

Переводы и переводчики

Троицкая О.В. Игра слов в английском оригинале и в переводе.	2
--	---

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Кирдан Б.П. Песня на войне (Страницы из новой книги)	3
---	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Аннушкин В.И. О классическом и современном употреблении термина <i>словесность</i>	6
Копнина Г.А. Отклонение от онтологической нормы как риторический прием	5
Костомаров В.Г. Конструктивно-стилевые векторы	1
Костомаров В.Г. Формы овеществления текста.....	2
Москвин В.П. Разговорный стиль как система	4
Сковородников А.П. О катахрезе	3

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Архангельская Ю.В., Павлова Е.С. Что такое “общий элемент” в сложносочиненном предложении и как быть с запятой?	4
Бобровская Г.В. Лингвистический комментарий к футбольным баталиям.....	6
Бруссер А.М. “Помоги себе словом”	4
Глазкова И.В. <i>Труженик – тунейдец</i>	1
Григорян А.Э. “Американобесие” уходит?	1
Гурьева Н.Ю. Деловое письмо: диалог или монолог?	4
Дмитриева Н.М. Духовно-нравственная лексика в языке сельской молодежи	5
Елистратов А.А. Военная лексика в языке спорта	2
Зеленин А.В. “Буква зю”	1

Коваленко Я.В. Видовые пары русского глагола.....	6
Клушина Н.И. И смех, и слезы, и любовь... (В защиту грустного жанра).....	5
Крысин Л.П. Иноязычная лексика в русской речи периода Великой Отечественной войны.....	3
Милославский И.Г. Кого называть <i>бюджетником</i> ?	1
Муравьева Н.В. Как устроен деловой текст	6
Муравьева Н.В. Подводное течение подтекста.....	5
Муравьева Н.В. Правила и исключения делового языка	1
Турко У.И. Компьютерная информация: единицы измерения.....	6
Фролова О.Е. Люди и звери	2

Язык прессы

Кожевникова О.С. Параонтологические приемы в языке газеты	5
Покровская Е.В. Газета в современной культурно-речевой ситуации	5
Шипицына Г.М., Воронцова Ю.А. О коммуникативной установке текстов СМИ	3
Цао Юэхуа. Жаргон в современной газетной публицистике.....	4

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Абашева Д.В. <i>Мудрость</i> в определении В.И. Даля	6
Абгарян А.Б. Пушкин и Маржерет (Образ и реальность).....	3
Александрова И.Б. Слово о молчании	4
Балакай А.Г. “С легким паром, с молодым жаром!”	3
Балакай А.Г. <i>Сударь и сударыня</i> (О русских обращениях)	4
Балакай А.Г. <i>Девушка и барышня</i> (О русских обращениях)	6
Башлыкова М.Е. Образ доброго пастыря в Киево-Печерском патерике	2
Грачева И.В. “Как ни зови, а поклоны твори...” (О народных названиях русских церквей и монастырей).....	4
Громыко С.А. “Величайшее орудие воздействия на людей” (О риторическом руководстве Н. Абрамова “Искусство излагать свои мысли”).....	5
Державина Е.И. Создатели Словаря Академии Российской П.И. Соколов и Д.М. Соколов.....	5
Державина Е.И. “Человек, рожденный для поэзии”.....	3
Зеленин А.В. Образ России и русских у Шекспира	3
Зеленин А.В. Православный этикет	2
Катаева И.Н. “Пестрый фараон” (История одной группы карточных терминов).....	6
Катаева И.Н. “Это нашему козырю в масть” (О терминах карточной игры)	5

Литвинов С.В. Иностранные профессора в Московском университете XVIII–XIX вв.	2
Литвинова Л.Г. Московскому университету – 250 лет	1
Науменко С.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Словарь В.И. Даля.....	6
Никитин О.В. Забытые труды А.С. Шишкова.....	1
Судаков Г.В., Славнова Е.А. Детские прозвища как явление языковой культуры.....	2
Тарланов Е.З. “В синюю пустынь небес Звоны уходят молиться...” (<i>Колокольный звон в русской литературе</i>).....	5
Трофимова Н.В. Судьба сюжета о юноше-кожемяке в русском летописании	3
Фролова О.Е. Вареное и квашеное (Российское кулинарное искусство в зеркале лексикографии).....	4
Шацкая М.Ф. <i>Говорка... переговоры</i> (Русская дипломатическая лексика)	6

Новости лексикографии

Калиновская В.Н. “Словарь русского языка XIX века”	2
---	---

ОНОМАСТИКА

Комарова Р.А. Ключевые имена в русской культуре. <i>Димитрий</i>	3
Максимов В.О. Толковый словарь российских фамилий	1–3, 6

Топонимика

Агеева Р.А., Шилов А.Л. Нахабино	2
Лагутина О.В. Понятие географической и гидрографической терминологии	2
Сидорова Т.А. Микротопонимия – часть культурного ландшафта.....	1
Смолицкая Г.П. Топонимия Кремля XVI века как прообраз топонимии Москвы.....	5
Шилов А.Л. Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье	6

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Долгушев В.Г. Народные приметы в вятских говорах.....	6
Кузнецова Е.В. О том, когда на улице дрязга, нудьга и неженатый губан.....	1

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Кожин А.Н. С частушкой по фронту шагали.....	3
Савенкова Л.Б. “Доброму Бог на помочь”	5

ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

Долгушев В.Г. О народных приметах в поэзии А.С. Пушкина	1
Козырев К.А. Фольклорно-мифологические элементы в “Сен-	

тиментальном Путешествии” Н.С. Евдокимова.....	4
Ястребова Н.Г. Мотивы жатвы, жнеца, хлеба, печи и дыма в лирике Федора Глинки и в фольклоре	4
Ястребова Н.Г. Царская тема в поэзии Федора Глинки и в русском фольклоре	6

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Аннушкин В.И. Что такое <i>красноречие</i> ?	4
Глазкова И.В. <i>Патриот</i> на протяжении разных эпох	3
Григорян А.Э. Так кто же у нас самый живой?	6
Остфенко О.Г. “Бояре, а мы к вам пришли...”	1
Шустов А.Н. <i>Железный занавес и холодная война</i>	1
Шустов А.Н. Заниматься любовью.....	4
<i>За знакомой строкой</i>	
Березкина С.В. <i>Камка хрустящая и камча новгородская</i> в стихах Пушкина	5

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Муравьева Н.В. Нужен ли план к сочинению?.....	4
---	---

СРЕДИ КНИГ

Говорим по-русски с Мариной Королевой; Говорим по-русски с Ольгой Северской; Русский язык и русская культура. 100 очерков и бесед на радио.....	5
Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды .	2
Никитин О.В. Деловая письменность XI–XVIII вв. Хрестоматия.	5
Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования.....	2
Словарь-справочник “Русский фольклор”	3

ХРОНИКА

Виноградовские чтения в МГУ	4
“М.В. Ломоносов и развитие русской риторики”	3
Международная конференция “Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка). IV”	6

ПОЧТА “РУССКОЙ РЕЧИ”

Головина Э.Д. Ту-ту-ту и на-на-на (О языке современной популярной песни)	4
Грачев М.А. “Трека калач ела, стромык, сверлюк страктирила”.	2
Еськова Н.А. О том, куда попал кур, и не только об этом	5
Еськова Н.А. С инициалами и без	6
Крицын Ю.В. Учителю-словеснику на заметку	4